

ЕСЛИ ЖИТЬ СНАЧАЛА

НИКОЛАЙ СОШНИКОВ

НИКОЛАЙ СОШНИКОВ

ПОИШКИ СОВРЕМЕНИКА

Николай Сошников

Если
жить
сначала

Записки
военного провизора

«Современник»
Москва
1983

P2
С69

Сошников Н. Г.

С69 Если жить сначала: Записки военного провизора.—
М.: Современник, 1982.— 192 с.— («Новинки «Совре-
менника»).

В книге рассказывается о советских военных врачах, оказавшихся в гитлеровском плену.

Рискуя собственной жизнью, они боролись за здоровье советских военнопленных, многие из которых, поправившись, вырвались из немецко-фашистских лагерей и встали в строй борцов с оккупантами.

С4702010200—118 59—82
М 106(03)—83

ББК 84Р7
Р 2

Часть первая

I

Армия отходила на восток. Днем и ночью над разбитой дорогой, не успевая осесть, висела горячая пыль, и в этой пыли устало шагали поредевшие батальоны, катились пушки, скрипели растянувшиеся обозы.

Санитарный отдел армии уходил вместе с последними частями, торопя медсанбаты и полевые госпитали быстрее эвакуировать раненых, используя для этого не только свои машины с красными крестами на бортах, но и любой транспорт, направляющийся в тыл за снарядами, горючим или продовольствием.

Остановившись на лесной опушке недалеко от медсанбата, к палаткам которого то и дело подъезжали машины и подводы, оставляя раненых, работники санитарного отдела с тревогой наблюдали за этим нескончаемым потоком. С ними был и армейский хирург Алексей Федорович Оралов. Говорить ему не хотелось. Жара тяжело давила на сердце, мешала сосредоточиться и понять доносившийся разговор. Кто-то сказал, что такой беспощадной и страшной войны еще не было. Оралов взглянул на говорившего. Тот был молод и, как видно, еще не воевал. Но он прав. За всю гражданскую Алексей Федорович не испытал и малой доли того, что пришлось испытать за эти три недели!

К врачам подошел военный, невысокого роста, с одной «шпалой» в петлицах и черными, как уголь, глазами на остроносом лице.

— Где я могу видеть начсанарма?

Оралову военврач показался знакомым. Тот обвел всех глазами и вдруг воскликнул:

— Алексей Федорович? Какими судьбами? Это же я, Акопов! Неужели не узнали?

Акопов не предполагал встретить здесь своего учителя, так как после окончания Кубанского медицинского института уехал в Самарканд, сам готовил там врачей... Теперь он с восхищением глядел на Оралова. На груди у Алексея Фе-

доровича был орден Ленина и юбилейная медаль «Двадцать лет РККА». Среднего роста, коренастый, он мало изменился внешне — выглядел таким же бодрым и подтянутым, все так же открыто смотрели его голубые глаза, а широкое лицо было, как прежде, приветливым и добродушным.

Оралов обнял своего бывшего студента.

— Акопыч! Очень рад тебя снова видеть. Ты спрашиваешь, какими судьбами? Судьба у нас, брат, теперь у всех одна. Ну рассказывай, как там у нас, на Кубани? Может быть, знаешь что-нибудь о моей семье?

Акопов развел руками:

— Я же, Алексей Федорович, приехал из Средней Азии. Назначен к вам армейским токсикологом.

— А я-то думал, ты с новостями,— разочарованно протянул Оралов, но тут же ободряюще хлопнул его по плечу.— Зато работать теперь будем вместе. Знакомься с коллегам.

Акопов каждому подавал руку. В душе его все еще звучало ласково сказанное «Акопыч». Так его никто не называл. У Алексея Федоровича это вышло очень естественно и дружески.

Худощавый врач назвался Герасимовым. Акопов спросил:

— Вы тоже наш институт кончали?

— С первым выпуском.

Акопов перевел быстрый, недоверчивый взгляд на Оралова.

Алексей Федорович улыбнулся:

— Сомневаешься? Анатолий Никифорович гражданскую войну прошел фельдшером, а уж потом поступил в институт. Руководил нашим Кубанским госпиталем...

— Который двадцать лет назад формировал Алексей Федорович,— сказал Герасимов.

— Тогда я попал в окружение своих!

— Ничего удивительного,— сказал ему Алексей Федорович.— Очень многие медики, командиры и красноармейцы прибыли в эту армию из нашего края — формировалась она на Северном Кавказе...— Рассказывая, Оралов поглядывал на экипировку Акопова. Обмундирование на нем было новеньким.— Токсикологи сейчас тоже очень нужны,— подчеркнул Оралов и пояснил:— Пока противник не посмел применять отравляющие вещества... Но что будет дальше, неизвестно.

Алексей Федорович ознакомил Акопова с положением на фронте. Оно было безрадостным. Оставлена Белоруссия.

Враг рвется к Москве. Наша армия продолжает отступать, неся большие потери.

— Немцы, как установила разведка, везут с собой баллоны с синильной кислотой! Будешь вместе с нами ездить по частям и учить людей, как защищаться от этого страшного оружия. Сейчас представься начсанарму и комиссару отдела, а вечером опять на восток, в Рудню — есть такой районный городишко на Смоленщине, — закончил Оралов со вздохом...

В Рудню врачи въехали, когда небо уже остывало от жарких лучей солнца, отдыхало от рева моторов вражеских бомбардировщиков. Двух- и трехэтажные дома выглядели островками среди старых деревянных домишек. Проехав мимо фабрики, врачи остановились у кирпичного здания, отведенного для них.

Ночью Оралов побывал на станции, где осмотрел тяжело раненных перед отправкой эшелона. А рано утром его разбудил прерывистый гул моторов. Алексей Федорович выглянул в окно: так и есть — опять «юнкерсы»! Вот уже разворачиваются для атаки. И снова на железнодорожную станцию!

Оралов с тревогой подумал об эшелоне с детьми, который ночью поставили на тот путь, откуда ушел эшелон с ранеными. Правда, на крышах вагонов отчетливо видны огромные красные кресты, но остановит ли это фашистских летчиков?

Дом задрожал от взрыва, с потолка посыпалась штукатурка, зазвенели стекла. Нет! Красные кресты не остановили! Фашистские летчики бомбили железнодорожную станцию.

— Поедьте туда! — взволнованно сказал Оралов врачам.

Акопов начал собираться, но Герасимов остановил их:

— Комендантом там Конкин — не растеряется. Сумеет и сам распорядиться. А после налета возьмем нашу полуторку и быстренько подскочим на станцию, чтобы помочь...

Алексей Федорович не мог сидеть на месте, перво ходил по комнате, то и дело глядел в окно. Он уже много знал о зверствах нацистов. Страшно было подумать, что теперь там творится, если Конкин не успел отправить детей. Нет, здесь больше нельзя сидеть и гадать!

— Поехали! — заявил Оралов решительно и заторопил врачей: — Скорее в машину!

Когда они примчались на станцию, в воздух поднимались черные облака дыма, трещали горевшие вагоны, кое-где еще раздавались взрывы. Эшелон с детьми стоял на месте. Из вагонов неслись отчаянные крики детей. Многие, выскочив, метались по перрону... Оралов лишь на миг представил, какими, вероятно, огромными чудовищами с хвостами, падающими с ревом прямо на головы, показались детям пикирующие самолеты, и его самого сковал страх! Ребята от одного ужаса могли сойти с ума.

К врачам подбежал Конкин:

— Алексей Федорович, не успели!.. Только прицепили паровоз, а эти стервятники тут как тут! Помогите!

— Мы за этим и приехали! — прокричал Оралов, глядя на последний бомбардировщик, который, завывая, уходил на запад. — Акопыч, иди по вагонам, а я буду тут. Ты, Анатолий, останавливай любые машины и отправляй раненых в местную больницу...

Красноармейцы растаскивали завалы, расцепляли горевшие вагоны.

В небе появилась немецкая «рама» — самолет-разведчик. Видно, летчик определял результаты «работы» бомбардировщиков и намечал новые цели. Зенитчики, охранявшие станцию, открыли по нему огонь из орудий и пулеметов. Красноармейцы стреляли из винтовок.

Вдруг Конкин торжественно закричал:

— Загорелся!.. Горит!

Оралову показалось, что самолет врежется в полуразрушенное здание вокзала. Он невольно втянул голову в плечи.

— Ложись! — закричал кто-то.

«Рама» взорвалась на пустыре за станцией. Но летчик успел выброситься с парашютом.

Когда загрузили последних раненых детей, к Оралову подошел Конкин. Лицо бывшего командира эскадрона было бледным, правая щека дергалась.

— Вар-ва-ры! — выговорил он, заикаясь. — Даже красные кресты их не останавливают.

Вот и он, строевой командир, свято верил в неприкосновенность знака «красный крест». Конкин и до войны был сухопарым, а теперь его худое лицо еще больше заострилось, руки дрожали. Он хотел закурить, но не смог вынуть папиросу из пачки.

— Летчика поймали? — поинтересовался Алексей Федорович лишь для того, чтобы немного отвлечь Конкина.

Но вышло наоборот. Конкин посмотрел на него так, словно только сейчас заметил. Поняв, заскрипел зубами:

— Весь в крестах, гад. Приказал бросить его в горящий самолет, так не разрешили — пленный, говорят. Гуманисты чертовы!..

— Успокойтесь, Федор Ильич. Он получит по заслугам.— Повернувшись к Герасимову, Оралов сказал:— Анатолий Никифорович, мы с Акоповым поедem в больницу, а ты — к начсанарму. Привези нам с армейского склада лекаpств, бинтов, ваты...

Одноэтажное здание больницы не смогло вместить всех детей. Койки стояли на улице, в коридорах, в проходах. Между ними ходила няня в синем халате. Вокруг стоял крик, плач.

— Я хочу домой! — требовал кудрявый мальчик.

— Как же я буду держать теперь ложку? — жаловалась Оралову девочка с забинтованной рукой.

Даже грудной ребенок смотрел на врачей испуганными глазками. На ноге у него запеклась кровь, и он, не переставая, плакал.

Сдавленно вздохнув, Оралов пошел в здание. В коридоре его и Аكوпова встретила женщина средних лет, но уже с прядью седых волос. Она тревожно заговорила:

— У нас не осталось ни одного хирурга, а операционная и инструменты есть. Вы нам не поможете, товарищи?

— Обязательно. Я как раз хирург. Это доктор Акопов — он будет мне ассистировать. А кто вы?

— Увы, терапевт. Иванишина Серафима Трофимовна, — представилась она, пожимая им руки. — Но у нас есть операционная сестра Полина Герасимовна. Она готовится...

— Тогда приступаем, Серафима Трофимовна, — сказал Оралов. — Не забудьте всем раненым ввести противостолбнячную сыворотку. Я осмотрю и установлю очередь.

Чернявый мальчик лет шести, раненный в живот, плакал и просил:

— Дяденька, где моя мама? Ма-ма! Где ма-ма? Помогите мне найти маму. Она говорила, что боженька нас спасет.

У Алексея Федоровича сдавило грудь. Он приказал нести мальчика в первую очередь...

Полина Герасимовна оказалась опытной сестрой.

— Наркоз давать умеете? — спросил ее Оралов.

— Да, доктор, — ответила она без колебаний.

Быстро помыв руки, Оралов надел халат, перчатки и

встал к операционному столу. Акопов занял место по другую сторону.

— Начинаем...

Чернявого мальчика Алексей Федорович оперировал медленно, присматриваясь к сестре и своему помощнику... Ребенок лежал бледный, с частым слабым пульсом. Осколок повредил ему в нескольких местах тонкую кишку... Оралов мысленно подбадривал себя: «Я должен закончить операцию как можно скорее! Спасу этим мальчика и выкрою время для других — все ждут моей помощи!»

Потом он забыл обо всем. Работал уже уверенно и быстро...

Только в середине дня Оралов сделал перерыв на несколько минут. И лишь после того, как сестра попросила:

— Доктор, вам необходимо перекусить!

Он медленно отошел от стола. Полина Герасимовна подняла ему маску, а няня принесла ржаного хлеба с ломтиком сала.

С наступлением темноты работа в операционной прекратилась, так как электростанция в городе уже не работала. Врачей ожидали дела в санитарном отделе. Всех, кому была нужна срочная помощь, хирург успел прооперировать.

Выходя из больницы, Оралов глянул на то место, где лежал мальчик, который потерял мать и верил, что ему поможет бог. «Кончилось для него детство!» — вздохнул врач.

Ночью Оралов беседовал с прибывшими хирургами, распределял их по медсанбатам, а на рассвете вместе с Акоповым снова поехал в больницу.

У кровати знакомого мальчика Оралов задержался. Лицо ребенка осунулось. Почувствовав, что возле него кто-то стоит, он открыл глаза. Узнав, прошептал пересохшими губами:

— Дяденька доктор, я не боюсь! И мамку найду сам, когда вырасту.

На глазах у Оралова выступили слезы.

— Найдешь, родной, обязательно найдешь, — утешил он его и пошел в операционную.

Водитель полуторки приехал за врачами еще засветло. Тихо сообщил Оралову:

— Будем переезжать на новое место.

Алексей Федорович горько усмехнулся: даже шофер не произносит опротивевшее слово — «отступаем».

Весь персонал больницы вышел проводить Оралова и Акопова.

— Уходите? — спросила Иваншина и посмотрела в гла-

за Алексею Федоровичу. Поняв его без слов, она огорченно пожала плечами: — Нам с Полиной Герасимовной уходить теперь нельзя — у нас полная больница раненых детей!

— Но... я военный. Приказ надо выполнять.

Что мог еще сказать ей Оралов, чем утешить? А очень хотелось, и он на прощание пообещал — даже с нотками уверенности в голосе:

— Мы скоро вернемся, Серафима Трофимовна. Берегите детей! Эвакуируйте их, если сможете...

2

Оралов не раз сожалел о своем обещании, которое дал Иванишиной. Расписался, что называется, за всю армию. А армия отходила и отходила на восток. Вот уже и древний Смоленск остался позади. Успокаивал он себя лишь тем, что наши войска за это время многому научились. «Как только станет побольше танков и самолетов — фашистам несдобровать», — думал он.

Когда под Ельней немецким войскам был нанесен сильный контрудар, у Оралова и его коллег появилась надежда: может, и в других местах не сегодня-завтра начнется наступление?

Но через месяц — снова отход. Какую можно оказать помощь раненым в этой обстановке? Только самую необходимую: остановить кровотечение, вывести из шока и постараться побыстрее отправить в тыл.

Как-то с Акоповым и Герасимовым он объезжал на полуторке медсанбаты и полевые госпитали. Где надо, сам проводил особо сложные, не терпящие отлагательства операции.

Акопов обычно стоял в кузове и следил за небом. Герасимов дремал на соломе, привалившись к борту.

— Воз-дух! — вдруг на одном из перегонов закричал Акопов.

Оралов через окно кабины увидел, что самолеты проходят стороной. Остапавливаться не стал. Но едва въехали в лес, Акопов так сильно забарабанил по крыше кабины, что водитель резко затормозил. Все выскочили из машины.

В лесу стоял страшный грохот. Оралову показалось, что бомбы рвутся рядом с дорогой. Откуда-то поднимались густые клубы дыма. Он бросился на землю, да так неудачно, что подвернул ногу и сильно ушиб колено.

Оралов чувствовал, как под ним дрожит земля, но самолетов почему-то не было видно.

В это время возле них на дороге, резко осадив коня, остановился кавалерист с черными пышными усами и раскати́сто засмеялся:

— Вставайте, эскулапы! Это наша артиллерия бьет.

Алексей Федорович смущенно поднялся. Голос показался ему знакомым. Он взглянул на кавалериста и узнал в нем Анвара Байрамова.

Байрамов тоже узнал его и соскочил с коня.

— Алеша? Вот так встреча! Прямо как в кино, друзья встречаются на фронтовой дороге в минуту смертельной опасности.

— Не говори, Анвар,— произнес Оралов, еще не оправившись от смущения.— Если бы не ты, лежать нам тут до всемирного потопа. Привыкли при первом выстреле в каналы прятаться. Ну здравствуй, доктор-джигит!

Пожимая руку Байрамову, Алексей Федорович подумал о том, что война не только разлучает семьи, друзей, но и устраивает им встречи. Пусть вот такие мимолетные и неожиданные, но все-таки встречи.

Байрамов возглавлял ветеринарный отдел армии и, так же как Оралов, объезжал свое хозяйство, пытаясь наладить его работу во время отступления. Оралов знал, что где-то недалеко в стрелковом полку воюет и старший сын Анвара — политрук Байрамов.

— Не ушибся? — заметив, что Алексей Федорович прихрамывает, спросил Анвар и пошутил:— Может быть, святой водички требуется? Она у меня всегда при себе, в походной баклажечке,— буль-буль-буль, баклажечка, походная моя.

— Хватит потешаться, храбрец,— дружелюбно проворчал Оралов.— Скажи лучше, медсанбат Кречетова не встречал?

— У тебя же в руках карта, а ты у меня дорогу спрашиваешь,— улыбнулся Байрамов и, понимая, что обстановка сейчас меняется часто, нагайкой показал вдоль дороги:— За поворотом. Будет на фанерке указатель — увидишь.

Анвар Ахметович вскочил в седло и с места взял в галоп...

Вот таким же горячим и порывистым увидел его впервые Алексей Федорович на пристани в Казани. Пришел Алексей туда, чтобы заработать немного денег. Стипендию выхлопотать не удалось. Богатеи давать ее ему не хотели, поскольку он порвал с семинарией. Отец, провожая его в Казань, дал последние десять рублей и сказал: «Иди, Алешка,

по жизни сам, раз не захотел быть попом». Оралов в раздумье наблюдал за работой грузчиков, которые носили с парохода ящики. Среди них выделялся быстротой и ловкостью черноволосый парень с бровями вразлет. Заметив Алексея, он спросил: «Подзаработать хочешь, студент? Сразу догадался, зачем тут».

Анвар происходил из бедной татарской семьи, очень любил лошадей и уже два года учился на ветеринарного врача. Узнав, что Алексей тоже без стипендии, дружески хлопнул его по плечу: «Не горюй, как-нибудь проживем. Тебе, можно сказать, повезло — есть свободная болванка». Он провел его на палубу и помог надеть деревянную «болванку» на плечи. Когда на нее положили ящик, Алексей с опаской сделал первый шаг. Второй — уже смелее... А вечером он получил первый заработанный полтинник.

Анвар пригласил Алексея к себе ночевать. От их дома в татарской слободке до пристани было рукой подать. В тот же день Анвар познакомил его со своим «русским братом» Иваном, который теперь при появлении полиции стал называть себя Алексеем Ораловым и даже ложился на его койку, притворяясь больным.

Алексей не возражал. После семинарии он уже много познал и многому научился...

— Товарищ военврач, вон фанерка с красным крестом, — вывел Алексея Федоровича из задумчивости водитель.

— Сворачивай, братец!

Оралов оживился, увидев брезентовые палатки. Едва машина остановилась, он вылез из кабины и сразу подошел к немолодой женщине-врачу, которая ходила между подводами с ранеными и отдавала какие-то распоряжения фельдшеру и санитарам.

Узнав его, она обрадовалась и тихо попросила:

— Есть двое агонирующих. Взгляните на них, товарищ военврач первого ранга.

Раз так говорит, то и глядеть нечего. Но она сама, не всоря, надеется на его, Оралова, чудодейственные руки. Даже в то время, когда знает, что надеяться не на что.

Оралов молча пошел за ней.

Один красноармеец был ранен в живот, другой — в голову. Осмотрев их, Алексей Федорович беспомощно покачал головой. И он тут бессилен. Слишком поздно. Врач стояла рядом и смотрела на него умоляюще. Измученное лицо ее было серым. Как глубоко она страдает! Но ни помочь раненым, ни утешить ее он не мог. Не говоря ни сло-

ва, Оралов наклонился и нежно поцеловал ее огрубевшие в походах руки, пропахшие йодом...

В большой, но уютной палатке, где оперировал ведущий хирург Калашников, Оралову было достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что работают этот высокий, внешне неторопливый врач и молодая миловидная старшая операционная сестра Марина Травникова слаженно и не так медленно, как кажется со стороны. Вот палатка слегка задрожала от разорвавшегося неподалеку снаряда. Врач и сестра как ни в чем не бывало продолжали оперировать. Лишь Марина смущенно улыбнулась и виновато посмотрела на Оралова, словно говоря ему: не обессудьте, мол, что у нас так беспокойно.

Алексей Федорович вдруг вспомнил реку Халхин-Гол, где два года назад оперировал раненых в кочевых юртах. «Да, тут — совсем другое, — гордо подумал он и глянул на белый полог над головами хирурга и сестры, затем перевел взгляд на окна, на байковый утеплитель, которым палатка разделена на операционную и предоперационную, на походные складные столы, и снова подумал: — Да, тут — совсем другое».

Когда Калашников вторую операцию подряд намеревался делать под общим наркозом, Оралов остановил его:

— Почему не под местной анестезией?

— Надо выигрывать время для других раненых, Алексей Федорович, — ответил хирург.

— С новокаином не дольше. Разрешите...

«Объяснять долго и не убедительно», — думал Оралов, делая раненому уколы в живот...

— Ну что вы теперь скажете, Алексей Ефимович? — спросил Оралов, когда закончил операцию.

— Сдаюсь...

Оралов подумал, что еще не все хирурги, прибывшие из запаса, поверили в метод местного обезболивания новокаином. Глядя на обширный набор лекарств и аккуратно наклеенные этикетки на склянках с притертыми стеклянными пробками, он сказал:

— Молодцы, по такому времени это настоящее богатство!

— Наш начальник аптеки Мстислав Яковленко старается, — не без гордости ответил Калашников.

— Непременно найду и к нему. А пока — к твоему помощнику.

— Заремба работает рядом...

Рослый, с твердым подбородком Заремба не делал во время операции ни одного лишнего движения.

Внесли раненого. Ему требовалось срочно ампутировать ногу.

— Сделайте это с помощью рауш-наркоза,— предложил Оралов молодому хирургу,— а то за палаткой еще многие такие же «срочные» ожидают своей очереди.

Заремба усомнился: скоротечный общий наркоз хлорэтидом? Под ним долго держать человека нельзя, а быстро не ампутируешь! И он спросил удивленно Оралова:

— За пять — семь минут?

— Можно, если научиться действовать быстро. Позвольте, я покажу. Жгут! — отрывисто сказал Оралов санитару.

Дождавшись, когда медсестра направила на маску струю хлорэтила, он круговым движением скальпеля пересек мышцы бедра до кости. Перевязав сосуды, сказал:

— Отпускайте жгут. Кончайте наркоз... Повязку с мазью Вишневого.

— За шесть минут! — удивился Заремба, ревниво следивший за действиями Оралова.— Но в институте нас этому не учили.

— Надо быть готовым ко всему, Герман Сергеевич. Между прочим, настоящий хирург начинается с умения делать такое, чему его не учили и чего нет в книгах.

Акопов тем временем взялся наводить порядок и пошел в расположение взвода химической защиты. В палатке как попало, прямо на земле, валялись противогазы и накидки. Тут же находились пустые склянки от противохимических пакетов. Он строго посмотрел на пожилого врача, призванного из запаса, и недовольно спросил:

— Где вас учили так варварски обращаться с боевым имуществом?

Врач начал оправдываться: ему некогда смотреть за этим, он вместе со всеми день и ночь около раненых.

Акопов приказал навести порядок и доложить об исполнении по всем правилам...

Герасимов вместе с командиром медсанбата Кречетовым обошел расположение всех отделений и кабинетов. Он был поражен скученностью палаток. Одна бомба могла вывести из строя весь персонал.

— К концу дня перенести все палатки подальше от операционной и аптеки,— распорядился он.— Где у вас санитарный пропускник?

Кречетов ответил, что есть только площадка. На ней не было ни тазов, ни ведер... Заодно Герасимов сделал выговор и за нечищенные винтовки, которые в беспорядке стояли в разных местах.

— Нападет всего один автоматчик — как вы будете защищать себя и раненых?

Кречетов смущенно поправил очки и признался:

— Однажды уже было. Как тогда стреляли, так с тех пор и не чистили...

Герасимов вспомнил гражданскую войну, во время которой он работал фельдшером в лазарете стрелкового полка: на них никто не нападал, да и снаряды до лазарета не долетали.

В аптеке Оралова встретил высокий широкоплечий парень с густыми черными волосами.

— Интендант третьего ранга Яковленко, — представился он.

Оралов, пожимая его широкую ладонь, усмехнулся:

— Какой вы интендант, если вместе с нами спасаете раненых, — а про себя подумал: «С торсом атлета и большими руками, он готовит порошки, растворы?! Не фармацевт, а гренадер. Что его с такими данными привело в аптеку?»

Мстислав добродушно улыбнулся:

— Нет еще у нас звания — военный провизор третьего ранга!

— Все мы медики, — задумчиво проговорил Оралов. — Но почему без помощника?

— Ранило девушку, вот и приходится крутиться самому...

— Ну, что же, показывай свое хозяйство...

Палатка была меньше, чем операционная. Один угол отгорожен простынями, куда подведена по резиновым трубкам дистиллированная вода. Там и готовились лекарства.

У Алексея Федоровича было особое отношение к аптеке. Он считал, что аптека и операционная — одно целое. Для них Оралов придумал даже свое название — «Операционно-аптечный блок».

Яковленко показывал Оралову моторчик для вакуумного, ускоренного фильтрования растворов, который позволяет ему обходиться без помощника, а Алексею Федоровичу вспомнилась другая палаточная аптека — на полевых учениях под Краснодаром — и в ней Елена Некрасова вместе со своим начальником Горловым...

Утро было безоблачное, тихое и теплое. Под ногами мягким ковром лежала росистая трава, деревья стояли не шелохнувшись. Но вдруг в соседней палатке раздались крики, поднялась суматоха; и из-под брезентового верха повалил дым. Оралов выбежал. Навстречу несли обожженную Некрасову. Следом шел, виновато опустив голову, Горлов.

— Что случилось, Степан Васильевич? — обеспокоенно спросил его Оралов.

Горлов досадливо махнул рукой:

— Вспыхнул примус, чего сроду не было! А на нем стояла большая кастрюля с кипящей водой... Елена Гордеевна схватила простыни и накрыла!..

Обрабатывая руки Некрасовой, покрытые пузырями, обожженное тело, Оралов удивлялся ее терпению: Елена ни разу не охнула, не застонала.

Уже после учений, когда они вернулись в Краснодар и Некрасова лежала в хирургическом отделении, Оралов пожурил ее:

— О себе ты, Лена, совсем не думаешь! Пожар мог бы потушить Горлов — он мужчина...

Некрасова тепло улыбнулась:

— И неплохой! Только медлительный. Пока бы он вернулся, наша палатка сгорела. А около нее были и ваши...

Оралов подумал, что она была смелой в гражданскую войну, такой осталась и теперь. Сестра милосердия Некрасова бесстрашно перевязывала раненых на поле боя, не боялась лечить и больных сыпным тифом. Однажды им было поручено оказать помощь и отправить из освобожденного Калача больше пяти тысяч солдат, больных «сыпняком», брошенных на произвол судьбы белыми генералами и их медиками.

Он разослал врачей и фельдшеров по кварталам города, а сам с одной из групп зашел в здание мельницы. Сотни три солдат лежали вповалку, по гулкому помещению неслись несмолкаемые стоны и вскрики, а по земляному полу, по шинелям и лицам ползали насекомые.

— Не от пуль белых, так от их вшей погибнем! Лучше бы в бою! — недовольно проговорил молоденький фельдшер.

Оглянувшись на помощников, Оралов заметил в их глазах страх. Ему тоже было жутко! Но он должен был показать пример.

— Спасать живых! — неестественно громко выкрикнул он и шагнул вперед.

Некрасова, вздохнув так, словно опускалась в омут,

первой двинулась за ним с санитарной сумкой, раскрывая ее на ходу.

Врачи заболели, а Оралов держался. Лишь когда осталось отправить последний эшелон, сыпняк одолел и его. На всю жизнь ему запомнилось склоненное над ним лицо Елены Некрасовой с заботливыми зелеными глазами...

Когда Яковленко показывал Оралову шалаш из веток, где у него перегонялась вода и стерилизовались на примухах растворы, подошел Калашников:

— Алексей Федорович, поступил красноармеец с ранением в голову. Не взглянете?

— Конечно, Алексей Ефимович,— сразу согласился Оралов, понимая, что в медсанбате нейрохирургов нет...

На другой день выехали рано утром. В лесу чувствовалась прохлада, слышалось беззаботное пение проснувшихся птиц. Еще чистым было и небо. Лишь с передовой доносились перестрелка.

Проехав километра два, врачи увидели раненых. Одни сидели на земле прямо под деревьями. Многие лежали на подстилках из березовых веток. Это удивило Оралова: медсанбат рядом, а на раненых засохшие бинты, держат их тут без квалифицированной помощи. Он остановил машину.

— Пойду узнаю, что тут за бивак.

Оралов пошел к раненым. Один из них сказал, что вчера им оказали на полковом пункте помощь и они ждут транспорт.

— А где начальник пункта?

— Где-нибудь возле палатки,— ответил красноармеец с забинтованной рукой и показал на ельник. Оралов, войдя в ельник, увидел палатку, обошел ее и столкнулся с врачом, который был одет по форме, с пистолетом на правом боку. Сидя на пне, он что-то быстро писал в блокноте, примостив его на полевой сумке. Оралов подошел совсем близко и потребовал:

— Встать!

Врач вздрогнул и быстро поднялся.

— Военврач Пухов, товарищ армейский хирург...

— Почему, военврач Пухов, не отправлены раненые?

— Не на чем. «Германович» машин не присылает.

«Это соседняя дивизия»,— догадался Оралов, услышав знакомую фамилию командира медсанбата:

— Но недалеко от вас медсанбат Кречетова.

— Он не наш — не примет.

— А вы пытались?

— Есть инструкция...

Такая беспокойная обстановка, раненым нужна хирургической обработкой, а он пускается в рассуждения и толкует про инструкции!

— Вот что, товарищ Пухов. Немедленно поднимайте весь персонал и начинайте эвакуацию раненых. Берите нашу полуторку. Где ваш медсанбат?

— Точно не знаю. Где-то там,— Пухов махнул рукой...

— Тогда я дам распоряжение Кречетову.

Алексей Федорович на листке, вырванном из блокнота Пухова, написал Кречетову, чтобы он принял раненых.

После этого Пухов побежал к палатке будить санитаров, а Оралов, вернувшись к бойцам, стал их спрашивать: в бою ранило или во время марша при бомбежке?

Большинство ответило, что в бою.

Подошел Акопов и недоуменно спросил, зачем Оралов отдал полуторку.

— Не оставлять же раненых без помощи, — ответил Оралов.— Пока с Герасимовым займитесь проверкой полкового пункта.

К удивлению Алексея Федоровича, Пухов оказался на редкость расторопным. Он сумел найти еще одну машину и несколько подвод...

Солнце уже припекало по-настоящему, когда машина освободилась и они поехали дальше. Но теперь в воздухе почти непрерывно, сменяя друг друга, висели немецкие самолеты. Акопов не успевал подавать сигналы «воздух!». Было бы лучше и благоразумнее стоять в лесу и ожидать вечера. Но надо спешить к раненым!

Дорога была забита обозами, артиллерией, коровами и овцами, которых колхозники гнали на восток. Крики, ржание коней, гудение машин, мычание коров, блеяние овец — все сливалось в сплошные, ни на минуту не замолкающие тревожные звуки... Движение казалось беспорядочным.

Ночью врачи наконец добрались до цели. Но теперь глухие отдаленные разрывы доносились не только с запада, но и с юга, с севера, небо высвечивалось вспыхивающими зарницами, вспышками зенитных снарядов...

3

Санитарный отдел армии находился в небольшой деревне севернее станции Издешково.

Начсанарм встретил Оралова с врачами в крестьянской

избе. Выглядел он озабоченным и усталым. Попросил рассказать о поездке. Алексей Федорович не раз докладывал ему по телефону, но скупно и кратко, только о том, что было совершенно необходимо. Теперь он доложил о своих наблюдениях и выводах подробно и обстоятельно.

Бригадный врач молчал, пристально глядя на своих помощников. Вздохнув, он заговорил с трудом:

— Вы сами видите и слышите, что только сзади нас пока нет фронта! Сейчас все вы будете заниматься эвакуацией раненых...

Он показал на карте, где следует сосредоточивать раненых для погрузки в вагоны.

Когда врачи уходили, начсанарм заметил, что Оралов хромает.

— Алексей Федорович, что с тобой?

— Неудачно выпрыгнул из кабины. Ничего страшного, пройдет,— бодро ответил Оралов.

Но к утру нога так распухла, что без палки он уже не мог ходить. Тогда бригадный врач сказал:

— Отправляйтесь в госпиталь, Алексей Федорович. Если надо — эвакуируйтесь в тыл. Пока есть возможность...

— Мое место там, где раненые,— твердо заявил Оралов.— А их здесь сейчас больше всего.

— Будь по-твоему, коль ты такой упрямый,— согласился с ним бригадврач.— Но, может быть, тебе снять орден? Пока не прояснится обстановка... В случае чего...

И опять Алексей Федорович не послушался совета начальника:

— С орденом я чувствую себя увереннее. Посмотрю на него, и вроде бы сразу сил прибавляется.— Он прикрыл ладонью левую сторону груди.— Видишь, совсем не то. Нет, не сниму...

В последующие дни Оралов, Акопов и Герасимов не ставались. Теперь уж никто не мог различить, кто из них был учителем, а кто учеником. Посторонние могли лишь заметить, что если Оралов своих коллег называл иногда по именам: Толя, Анатолий, Акопыч, Карен,— то для Акопова и Герасимова Оралов был и остался Алексеем Федоровичем.

Подтянутые, собранные, они не позволяли себе расслабиться, пасть в уныние, особенно когда думали о раненых: может, случится так, что их некуда будет эвакуировать?.. Значит, сейчас надо торопиться вывозить всеми средствами.

Разъезжая по медсанбатам — благо они были теперь недалеко друг от друга, — они подбадривали подчиненных: — Медикам всегда бывает нелегко, в войну — тем более. Но не было случаев, чтобы они бросали раненых!

Алексей Федорович с удовлетворением отмечал, что люди верят их словам. И не только словам. Даже внешний вид всех троих внушал людям уверенность. Сам он ходил, как всегда, чисто выбритый, с орденом и медалью на груди.

Собираясь ехать на станцию просить вагоны для раненых, Оралов сказал:

— Оттуда заедем в баню. Надо в конце концов и о себе позаботиться.

— Стоит ли, Алексей Федорович? Это плохая примета.

— Что-то ты, Толя, невесело заговорил. Совсем на тебя не похоже. Кто это так повлиял на твое настроение? Не Карен ли? — улыбнулся Оралов.

Акопов не понял его шуточного вопроса:

— Да что вы, Алексей Федорович?! Настроение у меня бодрее вас всех. В общем, как всегда. А вот положение нашей армии с каждым днем становится все сложнее. Оно может стать критическим, если немцам удастся перерезать пути отхода. С этим надо считаться.

Оралов пожал плечами и грустно пошутил:

— Если это случится, вас двоих отправим в тыл на самолете. Я-то беспартийный, учился в духовной семинарии...

— Вас они тоже не пожалуют, Алексей Федорович, — проговорил Акопов.

— А раз так, значит, о самолетах думать не будем. Вот поезд бы нам сейчас очень пригодился. Едем-ка лучше к Конкину. Может быть, он чем-нибудь порадует.

Конкин исхудал до черноты, голос его охрип. И встретил врачей без особой радости.

— Об эшелоне уже и думать нечего, — заявил он сразу. — Лишь отдельные вагоны смогу как-нибудь выделять. Вот подселять раненых в вагоны с другими грузами — можно. Но для этого надо, чтобы кто-то из вас был постоянно здесь. Мне — не разорваться! — Конкин кивнул на скопленные эшелоны.

— Алексей Федорович, оставайтесь вы, — сразу же решил Герасимов и пояснил: — У вас больше авторитета и опыта, орден. А мы с Кареном поедем на автобазу...

— И на артсклад не забудьте. По-моему, вы еще не полностью используете порожняк, когда он едет за снарядами, — подсказал Конкин.

— Заглянем и туда! — сказал Акопов.

Герасимов вздохнул:

— Туда, Карен, нужно не заглядывать, а быть там постоянно. Тогда еще сможем заставить водителей заезжать на пункт сбора раненых. Видимо, поеду я.

— А я не у дел останусь? — беспомощно развел руками Акопов.

Врачи засмеялись, а Конкин дал им еще один совет:

— Вам, Карен Манвелович, можно заняться мобилизацией подвод у местного населения. Все равно они сейчас не сеют и не жнут!

Алексей Федорович одобрил:

— Это будет по тебе, Карен. Ты подвижный, как ртуть! Садись на первую попавшуюся лошадь и скачи по деревням.

Они тут же расстались, надеясь, что не сегодня, так завтра встретятся вновь, расскажут, кто сколько эвакуировал раненых, совершенно забыв о превратностях судьбы на войне, о ее жестоких, бесчеловечных законах. Ведь фашисты поставили перед собой цель: захватить земли русских и их богатства, поработить этот народ.

Проводив взглядом друзей, Оралов протяжно вздохнул. На Конкина посмотрел с надеждой:

— Все же основную массу раненых, Федор Ильич, нам надо отправить отсюда!

— Будем стараться, Алексей Федорович. Я не забыл, как сам был ранен в гражданскую и вы меня перевязывали!

— Тогда — за работу! — сказал Оралов и зачем-то крепко пожал Конкину руку. — Сначала обойдем составы, а потом уж посмотрим, что делать.

С этой минуты Оралов потерял счет времени, забыв о еде и о сне. Все его мысли были направлены к одному: как можно больше, а лучше — всех до последнего, — отправить раненых в тыл, чтобы не оставить их врагу. Только последним уедет сам... Надо спешить — на дорогах вокруг станции усиливается движение, а на дворе поздняя осень, середина октября! Становится холодно и сыро.

В эту ночь на дороге было особенно беспокойно: стоял крик, ржали кони, тревожно гудели автомобили. Оралов подумал: не подмога ли им идет?

Но перед рассветом наступила такая тишина, что Алексей Федорович не мог понять: отчего бы это?

Его недоумение рассеял подошедший к нему Конкин:

— Спешить больше уже некуда, Алексей Федорович, — немцы вот-вот перехватят «горловину»! Поезда уже не идут... Поэтому и опустела дорога. Куда теперь ни пойти — всюду немцы. Мне приказано взорвать оставшиеся парово-

зы, вагоны и на дрезине проскочить ночью опасный участок. Вы поедете со мной,— твердо договорил майор, не сомневаясь, что его решение обрадует армейского хирурга.

«Вот тебе раз! То отступление, а теперь — ок-ру-же-ние!» — пронеслась в голове Оралова мысль, и он, пораженный ею, не сразу ответил.

— Безусловно, Федор Ильич,— проговорил он наконец.— Но...

Он хотел сказать, что не всех раненых они эвакуировали со сборного пункта. А сколько их подвезут туда еще?

Конкин убежал давать распоряжения о взрывах, а Оралов стоял за зданием вокзала, не зная, как ему поступить. Первая мысль: вырваться из окружения любыми способами! Тем болсе все, что смог, он сделал, выполняя долг врача. С теми же, кого он и его коллеги не успели отправить в тыл, будут те врачи, которые находятся сейчас при раненых. Они, конечно, попадут в плен. Остаться и ему с ранеными? Но кто-то может подумать, что он сам сдался в плен! Алексей Федорович глубоко презирал трусов и дезертиров и не хотел, чтобы на его имя пала хотя бы тень подозрения. Лучше быть убитым в бою, чем это!.. И куда пропал Карен? С ним можно бы посоветоваться...

«Мне надо решать немедленно. Иначе будет поздно!» — подумал Оралов, услышав тяжелый взрыв перед станцией. Конкин не станет его ожидать — ему надо выполнять приказ. Если бы отдал распоряжение начсанарм — он бы тогда, наверное, не колебался... Теперь же надо решать по своей совести и долгу.

— Если бы успели отправить всех раненых, то я бы бегом побежал за дрезиной! — проговорил Оралов вслух и чертыхнулся, что с ним бывало очень и очень редко.

Он сделал три быстрых шага вперед, на четвертом резко повернулся. Шагнув столько же обратно, опять сделал поворот.

Между тем небо прояснилось. Рассвет был хмурым, пасмурным. Начинался он робко, словно боясь спугнуть необычную тишину на дорогах. Не нарушали ее и немецкие самолеты.

А Оралов все ходил взад-вперед. При очередном повороте увидел приближающуюся к станции вереницу подвод и вскрикнул:

— С ранеными?

Впереди шли, широко шагая, его врачи: Калашников, Заремба, Яковленко. От них не отставала Марина Травнинова с подвязанной за шею полусогнутой левой рукой. «Ране-

на, а тоже идет!» — мелькнула у Оралова мысль, но он так обрадовался их появлению, что побежал навстречу, припадая на правую ногу.

Калашников доложил, что подвезли раненых, и кивнул на остановившиеся в стороне санитарные двуколки, телеги и войсковые повозки.

Оралов помрачнел:

— Вы уже опоздали, Алексей Ефимович. Мы окружены.

— Куда же теперь нам девать их? — растерянно спросил Заремба.

— Можно сдать только на сборный пункт — он километрах в трех отсюда...

Вперед выступил Яковленко:

— Своих раненых мы доставим в госпиталь. Я выведу обоз!

— Ну хватил, Мстислав, через край! — не поверил Заремба. — По-моему, надо на сборный — мы не сумеем довести их до госпиталя.

Провизор настаивал на своем:

— Я очень хорошо знаю эти места!

— Откуда? Ты же рос на Украине, — сомневался Заремба.

— Оттуда, Герман, что мой отец жил в Подмосковье и я каждое лето бродил по этим лесам и озерам, исходил здесь все вдоль и поперек!

Оралов подумал, что он не видит среди врачей Кречетова, и спросил:

— Где ваш командир?

— Как начались поиски выхода из создавшейся обстановки, он где-то и потерялся. Вот благодаря Яковленко мы добрались досюда: Мстислав и маршрут выбрал, и хлеб раненым доставал, и сам шел во главе обоза, — ответил Калашников.

Алексей Федорович поверил, что Яковленко сможет вывести обоз. Но парня надо сдерживать...

— Если нет командира, то я, как старший по званию и должности среди вас, принимаю командование медсанбатом на себя!

Калашников попытался возразить:

— Зачем же и вам рисковать, Алексей Федорович?

Оралов глянул на ведущего хирурга сурово:

— Мы на войне, Алексей Ефимович, а не на прогулке! Сколько у вас раненых, есть ли оружие, лекарства?

— Сорок восемь... двадцать два из них идут сами. Они же нас охраняют. Есть винтовки и десять гранат. Яковлен-

ко сумел сохранить аптеку,— коротко доложил Калашников.

— Молодцы! — сказал Оралов и, глянув на небо, сказал:— Хотя еще и не видно стервятников, но на всякий случай рассредоточьте обоз. Я схожу к коменданту, а вы перекусите и накормите раненых, коней.

Конкина Оралов нагнал уже около дрезины.

— Где же вы ходите, Алексей Федорович? Скорее садитесь — надо ехать.— И он с горечью добавил:— Вот она, моя работа!

Горели вагоны, дымили остатки взорванных паровозов, торчали исковерканные рельсы.

— Вынужденная, Федор Ильич...— уточнил Оралов и добавил:— Пришел вам сказать, что на дрезине я не поеду — буду выходить с ранеными!

— Какими еще ранеными?

— Вон с теми — их только что подвезли.

Конкин удивленно произнес:

— Вы же знаете, Алексей Федорович, как я вас уважаю и ценю за практичный ум, прямо-таки профессорские способности в хирургии. Но тут вы ошибаетесь!

— Возможно, возможно, Федор Ильич,— согласился Оралов.— Но по-другому поступить не могу — долг врача не позволяет!

— У тех раненых есть свои врачи...

— А я среди них самый старший! — Оралов обнял Конкина.— Если что случится, найдите моих и обо всем расскажите!

Оралов повернулся и твердо зашагал к обозу с ранеными.

4

Когда Оралов подошел к обозу, заморосил мелкий дождь. Под его ублаживающим шелестом устало фыркали лошади, устраивались на телегах раненые, прикрываясь плащ-накидками.

Оралов посмотрел на небо, затянутое серой пеленой.

— Алексей Федорович, перекусите,— сказала медицинская сестра Марина Травинова и подала ему алюминиевую миску.

В ней лежало несколько холодных картофелин, хлеб, чеснок и тонкие ломтики сала.

Яковленко предложил фляжку:

— Домашний квас — прихлебните.

Оралов со вчерашнего утра ничего не ел и с наслаждением отпил глоток кваса, пахнувшего ржаным хлебом. Утолив голод и успокоившись после расставания с Конкиным, он спросил у Яковленко:

— Мстислав, как ты мыслишь вести обоз?

— Днем — только по лесам, а ночью или на рассвете — через дороги и открытые места... Сегодня можно идти смело — вряд ли «гориллы» будут летать. «Рама» появлялась. Видимо, уточняет линию фронта, чтобы не бомбить своих.

— Обязательно веди разведку, — подсказал Оралов.

— Без нее шагу не сделаем!

— Ну что ж, веди. Только не заведи в дебри, как мой земляк Сусанин поляков! — пошутил Оралов.

— А вы разве из Костромы? — поинтересовался Заремба.

— Из тех краев, — уточнил Оралов. — А после гражданской осел на Кубани. Ну, трогаемся!

Последние слова он произнес с такой интонацией, как когда-то говорил ему отец, отвозя его за тридцать с лишним верст в духовное училище: «Ну, с богом!» Вспомнив это, Оралов усмехнулся: если бы и сейчас им надо было проехать столько, то они к вечеру были бы уже у своих!

По-прежнему сеял нудный осенний дождь. Поля были пустынными и неприветливыми. Но идти Оралову пока было легко. Конечно, возможны потери — немцев не так просто обмануть. Но сплошного фронта нет — это ясно. Главное, чтобы не подвела нога. Она, как назло, снова начала болеть. Алексей Федорович прибавил шагу, стараясь не отставать от провизора. Посмотрев на шагавшую рядом с Мстиславом медсестру, он подумал о том, что девушка рана, могла бы сесть в повозку, но не сделала этого.

Вскоре они встретили красноармейцев, сматывающих провода, и знакомого Оралову майора-связиста из штаба армии.

Алексей Федорович крепко пожал ему руку:

— Хорошо, что ты нам повстречался! Связисты всегда лучше всех знают обстановку на фронте...

— Она уже всем известна, Алексей Федорович, — удрученно ответил майор.

— Ну, все же... Успел хоть штаб армии уйти, наш санитарный отдел?

Майор пожал плечами:

— Вы же знаете, что при отступлении первыми снимаются тылы армии — они и успели... Что с вашим отделом — не интересовался. А весь штаб во главе с хозяином остался!

— Даже командующий? Он же мог улететь?!

— Возможно, еще и сделает. Но пока здесь...

Командующий тут, а он бы укатил с Конкиным на дрезине! Может быть, генерал надеется на помощь? Да, если подойдет она, то можно будет наверняка эвакуировать всех раненых. Но Байрамов со своими коняшками, вероятно, успел выскочить из «котла»... Лошадей и то жаль оставлять врагу, а тут люди...

К вечеру они вошли в небольшую деревню Коровкино, за которой начинался лес. Женщины вышли встречать раненых, приглашая в дома поужинать, отдохнуть.

— Сначала мы их перевяжем,— сказал Оралов.— В чем доме?

Сухонькая женщина с поседевшими, гладко причесанными волосами позвала к себе.

Часа за два они успели перевязать всех, кто в этом нуждался, и сели поужинать в передней избе.

Хозяйка угощала врачей парным молоком, а между тем рассказывала:

— Не успели изверги забрать коровушку, только кур простреляли. А потом враз залотошились. Почуяли, видно, что неладное и все до одного сбежали из деревни.

— Куда?

— А кто их знает — нам приказали не высовывать носа!

Женщина со слезами на глазах доверительно рассказала, что муж ее был конюхом. Погнал в поле лошадей, там его изверги и убили с аэроплана. Осталась она вдовой. Тоже надо бы бежать, а куда побежишь, если за спиной одна лишь Москва осталась.

Что сказать этой русской женщине? Однажды Оралов уже обещал врачу Иванишиной...

— Мы ненадолго... Придут другие,— зачем-то успокоил женщину Алексей Федорович.

— Нам какая разница — лишь бы свои.— Она подперла щеку ладонью, внимательно оглядела Оралова.— Вот вы, кажется, уже не молоденький, а поди ж ты, тоже воюете.

Женщина принялась жаловаться, как по ночам у нее колет в боку, что-то душит.

В избе было жарко, и Оралов распахнул шинель. Золотом сверкнул орден.

— Ба, да никак у вас Ленин? — всплеснула руками женщина и мигом забыла про свои болезни.— Как же это вы, на виду и носите?..

Она говорила так, будто это был не орден, а живой человек.

За окном послышался шум. Оралов насторожился.

Красноармеец привел младшего политрука с четырьмя треугольниками в петлицах, с давно не стриженными волосами, торчащими из-под пилотки. На врачей политрук посмотрел холодно, хмуря светлые брови, потом с каким-то непонятым удивлением еще раз оглядел Алексея Федоровича с головы до ног и спросил:

— Военврач первого ранга?

— Да, армейский хирург Оралов.

— Алексей Федорович?

Теперь пришел черед удивляться Оралову: откуда этот юноша его знает?

— Не пытайтесь вспоминать. Мы с вами незнакомы. Мне о вас рассказывал отец, а недавно я вас видел на медпункте Пухова. Я Иван Байрамов.

Оралов поглядел на него с недоверием. У Ивана не было ничего от отца. Ни одной черточки! Иван догадался и сказал, что он в мать, вылитый, а она — украинка. А няня ему отец дал в память своего русского брата по подполью, погибшего в революцию.

— Значит, погиб все-таки Иван,— произнес Оралов с сожалением, вспомнив того парня, который скрывался под этим именем. Вздохнув, радостно обнял младшего политрука:— Ну здравствуй, Ваня! Садись и рассказывай.

— Он самый, Алексей Федорович. Теперь политрук роты, от которой осталось семь бойцов и сержант. До войны учился в Московском политическом училище, но закончить не успел — ушел на фронт.

— Хозяюшка, надо бы покормить политрука,— забеспокоился Оралов.

— Подождите, Алексей Федорович. Вы разрешите и моей группе остановиться в этой деревне?

— Куда же ты ночью ее поведешь? Располагайтесь. Вернется наша разведка — и тогда определим, что делать дальше.

Байрамов вышел, а Оралов стал коротко рассказывать врачам об отце Ивана, его первой встрече с ним в Казани.

Вошел Яковленко и доложил, что вокруг деревни нет ни одного фрица.

— Так что до рассвета можно остаться тут!

— Ну что ж, тогда перед новым рывком неплохо всем выспаться, отдохнуть. К нам присоединилась и рота политрука Байрамова. Согласуй с ним, где выставить посты,

чтобы люди спали спокойно,— наставлял Оралов провизора.

Вернулся Байрамов. Поговорив с ним, Оралов прилег на лавку, врачи разместились на полу. Алексей Федорович долго ворочался. Уснуть никак не удавалось. Думал. Сколько уже их было — тревожных, беспокойных ночей! А что будет завтра? Удастся ли пробиться к своим? Придется ли еще заниматься любимым делом? Всю жизнь он стремился стать хирургом, только хирургом, и никем больше! И стал. Но заниматься хирургией всегда что-нибудь мешало. В гражданскую войну его бросали на борьбу с эпидемиями, заставляли руководить медиками различных дивизий. В марте двадцатого года в Екатеринодаре, только что освобожденном от белогвардейцев, пришлось принять брошенный денкинцами госпиталь. Оперировать опять не было времени. А как только закончилась война, ему поручили формирование Кубанского гарнизонного госпиталя.

И все же, выкраивая свободное время, он, по примеру своего учителя Вишневого, вставал к операционному столу.

Уволившись в запас, Оралов надеялся, что теперь-то уж ему ничто не помешает отдаться хирургии. Но в отделе здравоохранения его попросили временно принять больницу. Как откажешься, когда надо было перестраивать лечебный процесс, ремонтировать корпуса, построенные казаками еще сто лет назад, изживать различные предрасудки...

Но, вспоминая те годы, Алексей Федорович не жалел о прошлом. Тогда его больница славилась образцовой чистотой и искусным лечением. «Вот теперь можно уйти и к операционному столу»,— как-то решил он, а ему предложили принять отдел здравоохранения округа. Тут Оралов решительно протестовал: «Нет и нет!»

Оставшись работать в больнице, он старался не пропускать экстренных операций, приказывал дежурным врачам вызывать его в любое время суток. Приходил в хирургическое отделение и во время отпуска.

Жена Ольга ожидала, что вот он образумится, перестанет «таскаться» по ночам и согласится занять «высокий» пост. Но Оралов не спешил. Жена недоумевала и в конце концов решила, что в больнице у него «кто-то есть»... потому он и не уходит.

Как-то поздно ночью он вернулся усталый, пропахший запахами эфира и йода. Жена, брезгливо поморщившись, спросила:

— Когда это кончится? Мне надоела такая жизнь! Выбери одно из двух.

— О чем ты говоришь, Оля? У меня опять была экстренная операция.

— Знаю,— перебила она.— Сначала операция, потом спишь вместе...

А он отказался и от больницы, перешел работать ординатором хирургического отделения. Многие недоумевали, жена возмущалась, он же ликовал: наконец-то, пусть к сорока годам, но осуществилась его мечта!

Когда военный комиссариат попросил Оралова вновь идти служить, стать начальником хирургического отделения Кубанского госпиталя, он с гордостью подумал о своей профессии: «Администратор армии не нужен, а вот хирург — потребовался!»

В госпитале он делал самые сложные операции, разрабатывал методику переливания крови, понимая, что в будущей войне это очень потребуется. При необходимости и сам становился донором. В те годы по совместительству он стал преподавать в медицинском институте хирургию, занялся наукой. А после награждения орденом его избрали депутатом городского Совета. Времени не оставалось даже писать диссертацию. Но какое это было счастливое время! Вернется ли оно?..

5

После отдыха в Коровино шли по лесной дороге. Стояла непривычная, ничем не нарушаемая тишина. Только под ногами шуршали опавшие листья. За мелколесьем оказался овраг, а на той стороне снова лес, но уже густой и высокий — строевой.

Оралов наблюдал за Байрамовым. Вел он себя с красноармейцами так, будто находились они не в тылу врага, а на тактических учениях. Шел Иван неторопливым широким шагом, переваливаясь с ноги на ногу. У Алексея Федоровича, глядя на него, еще больше укрепилась вера в то, что они пробьются к своим. Может, к лучшему, что Иван стал политруком, а не медиком, как намеревался вначале и как хотел его отец. Лечить людей почетно, но вести их за собой — почетнее вдвойне.

В лесу все насторожились. Даже ступать стали тише, чтобы легче было слушать, хотя ведь знали, что впереди идет разведка. Казалось бы, бояться нечего. Ан нет!..

Так шли не меньше часа. Небо между тем померкло. Стемнело, подул ветер. Алексей Федорович посмотрел

вверх: шумели и качались деревья, над ними неслись темно-лиловые облака. Веяло холодом. Нога опять занемела. Он начал припадать на нее и временами даже волочить, цепляясь за корни бурелома, стал сомневаться — хватит ли сил дойти до своих. И ему начали мерещиться: нейтральная полоса, всполохи ракет, одиночные выстрелы родных трехлинейек... А вокруг шумел лес да плыли по небу темные облака...

Байрамов тихо сказал бойцу:

— Овечкин, вырежь военврачу хорошую палку и иди рядом с ним.

— Зачем это, Ванюша, у меня есть свои красноармейцы, — нетвердо попытался отказаться Оралов.

— Богатыри — это точно... да с пробоинами. Вон бинты крест-накрест, что тебе ленты пулеметные! — Когда Оралов оперся на плечо Овечкина, Иван тепло добавил: — Тем более он земляк ваш — так-то.

— С Кубани? — выдохнул Оралов.

— Так точно! — воскликнул Овечкин и даже чуть прихлопнул Оралова по руке на своем плече. — Терентий Сазонович, слышишь? — обратился он к большеносому, уже немолодому бойцу. — Военврач тоже с нашей сторонки.

«Этот действительно богатырь!» — отметил про себя Оралов, оглядев крупного, решительного с виду кубанца.

— Среди вас есть еще земляки? — спросил он.

— Были, почти вся рота! Теперь взвод, да и тот из двоих, — ответил с сожалением густым сочным басом напарник Овечкина.

— Ну что ж, товарищ Ольховой, сменяйте своего земляка, — сказал Байрамов. — Потом буду я помогать Алексею Федоровичу...

С наступлением темноты закапал крупный холодный дождь со снегом. Ноги разъезжались, скользили по ухабистой дороге, месили липкую грязь. Сапоги и ботинки все больше наливались припудренной снегом жидкостью. Каждый шаг давался труднее и труднее.

Оралов подал команду остановиться на ночлег — сожалел, что не хватило какого-нибудь часа, чтобы добраться до ближайшей деревни Ванино.

Байрамов отправил туда двух человек. Вернувшись, они принесли продуктов и записку от Яковленко. При тусклом свете карманного фонаря Алексей Федорович прочитал, что можно опять заночевать в деревне, места будет достаточно, хотя в ней всего восемнадцать домов. Противника поблизости нет.

— Пока нет, Алексей Федорович,— уточнил Байрамов.— А через полчаса может появиться. По-моему, сегодня лучше переночевать в лесу. По карте дальше нам надо переходить шоссе. Сделать это надо еще затемно, а деревня Ванино в стороне от него.

Оралов согласился:

— Пусть Яковленко остается там до утра и ведет разведку, а мы как-нибудь переночуем здесь. К тому же и такая темень, хоть глаз выколи.

Присев на валежник, который натаскали бойцы, Байрамов привалился спиной к сосне. Пospав так часа два, он встал, походил, чтобы согреться, и больше уже не мог уснуть. «Очень медленно мы движемся,— вздохнул Иван.— А ведь мы нужны на передовой! Вокруг тишина, немцев не слышно... А что, если увести роту вперед, а потом прислать медсанбату помощь, проводника, который выведет и раненых куда нужно».

Своими мыслями Байрамов поделился с Ораловым.

Алексей Федорович эту идею одобрил.

Ночь еще густо окутывала лес, когда Оралов простился с Байрамовым:

— Выйдешь — обними и за меня отца! Мы двинемся за тобой, наверное, через часик, когда хоть чуть-чуть развиднеется.

Группа политрука шла, не видя в темноте друг друга, а только слыша звуки шагов.

К шоссе подошли, когда засветился восточный край неба. Бледная голубизна медленно разливалась впереди над лесом. А за спиной в мелколесье было все так же сумрачно и сыро. Теперь бы успеть перебежать дорогу и укрыться в лесу, на той стороне. Байрамов оглянулся: не видно ли за ними подвод? Нет. И тихо подал команду:

— Приготовиться!

Но что такое? Послышался шум моторов, потом показались машины. Обгоняя их, мчались мотоциклы.

Иван выругался и сквозь зубы процедил:

— Не терпится гадам — спешат на Москву!

Место оказалось неудачным. С дороги просматривался каждый предмет.

— Отходить в лес! Прошину — первому! — приказал Байрамов, поняв, что маскироваться дальше нет смысла.

Но их уже заметили и открыли по ним огонь. Солдаты прыгали с машин и бежали наперерез, стараясь отсечь группу от леса...

Медсанбат двинулся такой заросшей просекой, что едва можно было различать дорогу. Растаявший от дождя снег только прибавил грязи, и идти стало еще тяжелее. Но люди шли на восток, к своим, и это придавало сил. «Лишь бы не нарваться на засаду,— тревожно думал Оралов,— но это маловероятно. Станут ли немцы здесь устраивать засаду? Они сами, как огня, боятся лесных чащоб».

Неожиданно, когда выходили уже на опушку, услышали отдаленную стрельбу, какие-то взрывы. Обоз без команды остановился.

Оралов сразу подумал о группе Байрамова: не она ли напоролась на немцев?

— В лес! Занять круговую оборону! — подал он голос и приказал Қалашникову: — Алексей Ефимович, ожидайте моей команды.

Обоз повернул в лес, а Оралов, замаскировавшись с одним из легкораненых, остался на опушке и вынул из кобуры пистолет.

— Ну что, не забыл, как с винтовкой обращаться? — спросил он бойца.

Еще не успел весь обоз втянуться в лес, как стрельба прекратилась.

«Что же это означает? — гадал Оралов.— Может, не Байрамов, а разведка Яковленко на кого-нибудь наткнулась? Во всяком случае, надо ожидать от Яковленко вестей, пока не трогаться с места!»

Ждали мучительно долго, пока между кустами не замелькал боец в плащ-накидке.

— Это Семен Ерошкин,— узнал стоявший рядом с Ораловым красноармеец.

Что он скажет? С какой вестью спешит?

— Товарищ военврач! Беда! — поспешно заговорил Ерошкин, едва подойдя.— На группу политрука напали немцы! К шоссе не подойти, но издали видны убитые. Сколько их там — подсчитать было невозможно!

«Неужели погиб и Ваня?» — первое, о чем горько подумал Оралов.

— Яковленко моего земляка оставил наблюдать за шоссе: может, кто из группы политрука появится... Наказал передать, чтобы вы пока никуда не двигались, а сам пошел на разведку вдоль шоссе.

— Ясно,— проговорил Оралов, хотя на самом деле ничего ясного не было.— Иди поешь, отдохни...

Красноармеец отказался:

— Мы всю ночь в тепле барствовали и наелись до от-

вала картошки! Мне велено тут же возвращаться. Ждите от нас вестей.

Ерошкин повернулся и быстро пошел...

Вестей Оралов ожидал до самых сумерек. Он так за день замерз и промок, что не мог унять дрожь. Ноги подкашивались от усталости и напряжения, а уйти к обозу, отдохнуть, не решался: вдруг появится связной?..

Вдали замаячили двое: высокий, широкоплечий Яковленко и красноармеец. Оралов нетерпеливо пошел им навстречу.

Яковленко был бледным, взволнованным.

— Нашелся пока один Прошин, Алексей Федорович. Помните, шупленький такой — он приходил ко мне в деревню. Об остальных ничего не известно, — глухо проговорил провизор. Вздохнув, продолжал: — Прошина я оставил вместе с Ерошкиным в дозоре — он хорошо знает своих. Если кто-то из группы Байрамова объявится, то Прошин сразу приведет их в деревню Ванино... Поедемте туда!

— Ты считаешь, что и сегодня почевать там безопасно?

— Абсолютно! — не задумываясь, заверил Яковленко. — Она затеряна в такой глухомани, что немцы до нее еще не скоро доберутся. Но, в случае опасности, Прошин предупредит. А я еще вчера наметил, в каких домах развернуть перевязочную, аптеку, где разместить раненых...

Не слишком ли храбрится Яковленко? Ведь немец близко!

— Ваня почему-то посоветовал не заходить в нее...

— И напрасно! Раненые всю ночь были под дождем! Кого бояться, Алексей Федорович? Немцев? Это все равно что волков! Тогда нам из леса надо выходить... Завтра из деревушки уйдем до рассвета, перескочим шоссе километрах в трех от нее — там лес с обеих сторон подходит к дороге. Перевалим ее — и нищ нас! В охранении сам глаз не сомкну...

Доводы провизора не показались Оралову достаточными, но возможность еще одну ночь побыть в тепле и перевязать раненых пересплила.

— Только уходить надо раньше! — сказал Оралов.

— Не сомневайтесь, не подведу, — заверил Яковленко.

Врачи заканчивали перевязку, когда в дом вошел Прошин, за ним — раненый в руку Ольховой и прихрамывающий Овечкин.

— Вот, товарищ военврач, ваши земляки, — невесело

доложил Прошин.— А Иван Байрамов, наверное, сложил свою голову. Я был хучь постарше его, а он меня ~~завсегда~~ поддерживал, подбадривал,— договорил он со слезой.

— Не хнычьте, Прошин! — прикрикнул на него Яковленко.— Слезами тут не поможешь. Идите отдохните часок-другой, а потом опять — туда!

— Да я что — я мигом, товарищ интендант третьего ранга! Мне чуток вздремнуть, пообсушиться, и я опять готов на пост к Семочке,— бормотал Прошин, выходя из избы.

— Как же все произошло? — спросил Оралов, перевязывая ногу Овечкину.

Красноармеец шумно вздохнул, посмотрел на хирурга виновато: дескать, пусть он их простит за то, что сами они остались живыми, а политрука не уберегли — выполняли его приказ.

— Ну, подал политрук команду отходить в лес. Прошин и мы с Терентием Сазоновичем успели, а остальных автоматчики отсекли. Тогда Ваня вскочил и побежал к шоссе — надеялся на ту сторону прорваться. За ним — остальные...

Овечкин замолчал и опять вздохнул.

— Конечно, они все там лежат,— с сожалением прогудел Ольховой.— А если кто и был только ранен, то добились — живодерские повадки гитлеровцев известны!

Значит, погиб молодой комиссар! Нет в живых Вани — сына его друга, названного по имени русского революционера. И отцу не сообщишь, сами на краю могилы ползут с телегами...

Яковленко пригласил врачей на отдых в соседний дом.

Их радушно встретила молодая хозяйка. Расстаралась: жарко топилась русская печь, сытно пахло щами и картошкой. На полу лежало корыто, а на припечке стоял чугунок с водой, от которой шел пар.

— Вы тут пока обмойтесь, а я в горнице подожду,— сказала она им, зардевшись, и вышла.

Оралов с благодарностью глянул на Яковленко. Когда еще он собирался сходить в баню вместе с Акоповым и Герасимовым! За эти дни потерял друзей и про баню только сейчас вспомнил. Не до этого было!

Алексей Федорович с удовольствием растерся суровым домотканым полотенцем. Для него Яковленко даже нашел сухое белье.

Потом все вместе ужинали и пили чай, заваренный душистой мятой.

Оралов чувствовал, как приятное тепло наполняет его

уставшее тело. **Опухоль** на ноге стала заметно сгибаться. И боль утихла.

Он посмотрел на печь. Захотелось погреть старые кости, и Оралов попросил врачей уступить ему ее... Засыпая, вдруг вспомнил, что завтра тринадцатое октября! Несчастливое число — хоть откладывай переход через шоссе...

...В деревне возле шоссе стояли немцы. В крайней избе находилась комендатура. Здесь обсуждалась только что полученная информация. Два солдата обнаружили в километре отсюда деревню Ванино, судя по всему богатую молоком, курами, яйцами. Чтобы подвигаться к Москве, необходимо продовольствие. Придорожная деревня разграблена до последней курицы. Солдаты сообщили, что в Ванино стоит небольшой отряд русских и что, если проделать все чисто, можно снять караул и захватить немногочисленный отряд. Через полчаса немцы тронулись в путь. Тридцать солдат во главе с офицером. Без малейшего шума они подошли к деревне. Без единого выстрела сняли часовых, большинство которых спало после бессонных ночей и трудных переходов. На место убитых красноармейцев офицер спокойно, будто меняя в поле вешки, ставил немецких солдат...

6

Байрамов открыл глаза. Хотел подняться, но, едва шевельнувшись, почувствовал нестерпимую боль в груди. Тут же вспомнил трагедию пасмурного дождливого утра, когда не сумел перевести группу через шоссе.

По дороге проносились машины с немецкими солдатами. Глядя на них, политрук замер. Он чувствовал, что у него сквозная рана. По всей видимости, пуля не задела крупных сосудов. Иначе бы... Его волновала участь бойцов. Удалось ли кому-нибудь спастись? Вспомнил, что видел в последний момент, как бежал к лесу Прошин, потом вскочил, сделал несколько шагов вперед и сразу — будто кинжалом под дых... Больше ничего не помнил. Не напали ли немцы и на медсанбат?

Из проезжавшей машины кто-то дал очередь из автомата. Просто так, по неподвижной мишени. Одна пуля попала ему в руку. «Не дергать!» — молнией пронеслась мысль. Не-ве-ро-ят-но! Но ему удалось сдержаться.

За машиной шли танки. Земля будто вздрагивала. В груди усиливалась боль, а по руке продолжала стекать кровь. Слабея, он продолжал убеждать себя, что надо дотянуть дотемна, не показать, что еще жив. Тогда

можно будет уползти в лес. До него не больше полукилометра. Там он как-нибудь перевяжет себя и двинется дальше.

Когда Байрамов пошевелился, снова пронзительная боль судорогой свела тело, грудь. Лицо покрылось испариной. Полежав минут десять, он судорожно выпрямил одну ногу, потом другую. Упираясь локтями, подтянулся. Сердце забилося чаще.

По шоссе то и дело проносились грузовые автомашины. Когда тьма окончательно укрыла дорогу, Байрамов взглянул на лежащее рядом с ним тело, рукой коснулся петлиц. Сержант! «Федя Алдашкин! — догадался Байрамов. — Это он, храбрый парень из деревни со странным названием Беломестная Двойня, прикрывал его от пуль». Дотянулся до карманов гимнастерки бойца — документов нет! Вспомнил про свои — их тоже не оказалось. Карманы немцы успели очистить. Прикоснувшись к лицу Алдашкина, попрощался с ним: «Прости, друг, что покидаю», — и осторожно пополз. Сердце вновь заколотилось. «Не спеши!» — остановил он себя, затем, отдышавшись, снова пополз к лесу. Пошла кровь из раны, которую добавили ему с машины. Он согнул руку в локте. Перевязать ее было нечем — немцы вытащили и пакет. Тогда Байрамов засучил рукав гимнастерки, разорвал зубами рубашку. Обессиленный, прилег. Отдохнув, оторвал длинный кусок и затянул рану. Голова закружилась. Перед глазами — покачивающаяся пропасть, дна не видно... Когда пришел в себя, долго лежал без движения, не в силах пошевелить рукой. Под ним вода и грязь, сверху не переставал лить холодный осенний дождь.

— Жить! — прошептал Байрамов.

Он вспомнил героя рассказа Джека Лондона, который выжил, оставшись в одиночестве среди снегов. «Любовь к жизни — вот что помогало ему в пути, — подумал политрук. — Неужели я, молодой парень, не смогу проползти за ночь каких-то пятьсот метров? Вперед! Вперед!»

Байрамов не помнил, сколько раз терял сознание, добраясь до леса, который все время видел перед собой. Уже слышался шум ветвей, когда он закрыл глаза: не мерещится ли ему? Нет! Но до леса оставалось еще не меньше пятидесяти метров. Пополз снова...

Когда он поднял веки и ясно увидел впереди кустарник, верхушки деревьев, которые призывно покачивались и шелестели под дождем, сил ползти уже совсем не оставалось. Обидно стало до слез, что не дополз каких-нибудь двадцать метров!

Байрамов смотрел на кусты, до которых было рукой подать, и злился, кусая до крови губы. «Не могу доползти тридцати шагов!» — думал он и незаметно уснул. Пронувшись от холода, увидел, что лежит в прежнем положении. Дождь перестал, но теперь дул ледяной, пробирающий насквозь ветер. Нестерпимо хотелось подвигаться, согреться.

И кусты,— кажется, вот они, рядом. Протяни руку, и достанешь. Но он даже этого не может сделать. Сейчас он — «труп».

Байрамов принялся вглядываться в кустарник, определяя, куда лучше ползти. Но что это? Он отчетливо увидел устремленные на него глаза. Неужели у него начинается галлюцинация? Байрамов зажмурился и опять присмотрелся. Теперь он даже разглядел пилотку без звездочки. Это он тоже заметил. Но все равно человек этот, без сомнения, был свой. Вероятно, изучает движение по дороге, чтобы перейти так, как это хотел сделать вчера он, Байрамов, со своей группой.

Политрук пошевелил пальцами, потом вытянул из-под груди руку и покачал ладонью, показывая, что он живой и нуждается в помощи.. Неужели не заметит?.. Не может быть! Не сводя глаз с куста, он по-прежнему видел пилотку и глаза, устремленные на него. Так в чем же дело, почему человек молчит и не идет на помощь? Пусть потом бросает, если не захочет с ним возиться,— он сам доберется до своих.

Байрамов подал голос:

— Друг!.. Товарищ!.. Я живой,— и замер, ожидая ответа.

Ветки вздрогнули. Байрамов заметил, что там — двое. Один — в шапке. До него донеслись обрывки фраз, но слов разобрать он не мог. Видимо, совещаются, как ему помочь. Но вот «шапка» повернулась в его сторону. Сейчас придет помощь... Вместо этого «шапка» грубым, простуженным голосом спросила:

— Ты кто?

— Я политрук Байрамов. Шли из окружения. Здесь на нас напали немцы...

— Ха! Мы должны на горбу тебя нести? Нам самим как-нибудь выбраться!

«Шапка» отвернулась. Они о чем-то заговорили, и Иван понял, что его напарник другого мнения, хочет ему помочь. В голове не укладывалось, что свои и могут оставить без помощи. «Билл бросил своего товарища из-за жажды на-

живы. Их разъединяло золото, а бн и те двое связаны одной целью. Они же не предатели, если прячутся от немцев!»

Но что казалось невыслышимым, он услышал от «шапки»:
— Не сердчай, но нам не до тебя!

Ветки слегка закачались и замерли. Как он ни напрягал зрение, больше ничего не было видно. Они ушли, оставив его одного. На этом поле... Кто они? Не верилось, что свои, советские! Чем они лучше тех, кто идет прислуживать немцам, если бросили его, беспомощного?

Он был младшим политруком, потом остался за политрука. Ни один боец его роты так не поступил бы! Уж он был в этом уверен. Но один ли? Иван не выдержал и расплакался. Как же так! Ведь он учил красноармейцев: сам погибай, а товарища выручай!

Днем Байрамов немного согрелся. Но затем вновь начал коченеть под морозящим дождем. Особенно было неприятно, когда вода стекала за воротник.

Несколько раз на него нападало отчаяние: может быть, зря он мучается? Ведь шансов спастись и дойти до своих у него почти нет. Остаться у местных жителей, выдав себя за фельдшера? Кому он нужен дважды раненный? Он уже сейчас ощущает жар в теле... Умереть в бою — не обидно. А так? Но все равно он поползет.

Вдруг кусты зашевелились. Кто там еще появился? Как ни всматривался в вечерних сумерках, не мог определить — зверь это или человек? И он услышал тот же осипший голос:

— Политрук, ты еще живой?

Вернулись! Теперь не уйдут. Совесть ли заставила их это сделать или еще что — пока не до рассуждений.

— Живой, — еле разжал он потрескавшиеся губы.

Тут же до него донесся другой голос — молодой, звонкий:

— Что я тебе говорил, Гришака?

«Заговорила в них совесть», — решил Байрамов. Не подумав, бросили, а сейчас вернулись. В душе Иван благодарил судьбу: словно надоумил его кто остаться лежать лицом к лесу. Иначе он не увидел бы своих спасителей, а те посчитали бы его мертвым.

К нему, пригибаясь, подбежал Гришака, крупный телом, с широкоскулым лицом, которое под шапкой казалось еще больше, чем было на самом деле.

— Замри! — раздалась команда из кустов.

Гришака прижался к земле, шумно дыша.

Байрамов понял, что, несмотря на бодрый голос и до-родную фигуру, он трусоват.

— Пронесло!

Повернувшись с его помощью на спину, Иван размял ноги, пошевелил руками; когда сказал, что раны у него не перевязаны, тот не поверил:

— Да ну?

Добравшись с помощью бойца до кустов, Иван обессиленно опустился на землю. Федор поднес к его губам флягу. Иван жадно пил, останавливаясь и снова припадая. Вода была холодной, а он чувствовал разливающийся по всему телу жар.

— У нас есть немного хлеба, концентрат...

— Подожди, Федя. Сначала перевяжите...

Во время персвязки Байрамов сообщил, что он когда-то был фельдшером.

— Ну, Куклин, мне теперь не страшно: ты взводный санитар, а политрук — доктор! — сказал другой. — Как звать-то тебя прикажешь?

— Иваном. По фамилии Байрамов.

— Не с нашей ли сторонки?

— Фамилия отца, он — татарин, а мать — украинка.

— А-а,— разочарованно протянул Тунаев.— Федя наш удмурт, а я — казах. Словом, интернационал получился! А фрицы называют нас всех Иванами.

Куклин принес охапку увядшей травы и еловых веток. Постелил рядом с Байрамовым. Когда осторожно перенесли его, забеспокоился:

— Чем-то надо прикрыть ему голову. Дождь же не перестает!

— Сложим наше барахлишко в один вещмешок, а из другого сварганим ему что-нибудь на манер башлыка,— подумав, предложил Тунаев.

Куклин засмеялся.

— Может, лучше на твою голову — она для вещмешка более подходящая!

Федор привстал, снял с Тунаева шапку и надел на Байрамова.

Через несколько минут Ивану сделалось так тепло, что он ничего больше не желал, как только уснуть. Но Куклин не оставил его в покое:

— Поешьте маленько.

Вяло пережевывая хлеб и пшенный концентрат, Байрамов подумал; что между его спасителями, после того как

они его покинули, произошла, очевидно, какая-то стычка. Этот худощавый парень относится к своему старшему напарнику с пренебрежением и командует им, как провинившимся. Он попросил их помочь ему добраться до деревни.

Оказалось, что они и об этом уже подумали. Распорядился опять Куклин:

— Сейчас смастерим носилки и понесем к своим через линию фронта.

— Может быть, лучше сначала в деревню? Она недалеко.

Байрамов рассказал, как вчера на их группу наскочили немцы. Почти все погибли или попали в плен.

— За нами следом шел медсанбат. Случайно не знаете, удалось ему перейти дорогу или нет?

Красармейцы переглянулись.

— Прошлой ночью вокруг было спокойно. А в эту — где-то стреляли, — ответил Тунаев и уточнил: — По нашим предположениям, в маленькой деревеньке в лесу.

— Но когда мы туда заходили, по ней еще ни одна фрицевская нога не ходила, — добавил Федор, словно этим что-то проясняет.

— Деревня Ванино, — поняв, о какой они говорят, задумчиво произнес Байрамов. — Я и хотел, чтоб вы отнесли меня пока туда...

Они помолчали, думая каждый о своем.

Иван тревожился за судьбу Оралова, раненых, врачей: неужели это они свернули туда и там на них напали немцы? Ночью могли застать врасплох и взять в плен...

Заговорил Федор:

— К своим! Только дорогу будем переходить в другом месте... А там видно будет.

Они нарезали прутьев и принялись оплетать ими два кола. Получились вполне надежные носилки.

Байрамову Куклин и Тунаев нравились тем, что не бросили винтовок, не сняли форму.

— Ложе готово. Давайте попробуем, — сказал Федор и поднес носилки.

Байрамова уложили и подсунули под голову вещмешок.

— Выдержат, — уверенно сказал Куклин.

Иван закрыл глаза. Ему стало так легко и спокойно, что все напряжение, мучения и переживания сразу исчезли. Он быстро засыпал. Начал бессвязно бормотать.

— Бредит. Что он хочет сказать?

— Известно что... — с укором посмотрел на напарника

Кужлин и, приложив ладонь ко лбу политрука, озабоченно проговорил: — Как печка! Не воспаление ли легких у него?

Когда подняли носилки и пошли, то не только замолчали, но и ступали осторожно, чутко прислушиваясь, зорко всматриваясь в темноту. Лишь за шоссе, пройдя еще с километр, остановились и облегченно вздохнули — роковое место позади!

7

Врачей втокнули в сарай. Ошеломленные, подавленные, недоумевающие — где были часовые, как могли немцы взять их сонных в плен,— они нащупали солому и молча прилегли.

Яковленко ходил возле двери, посылая проклятия всем богам и фашистам, ругая заодно и себя; завел обоз в эту убогую деревушку, надеясь, что до нее «гориллы» не скоро доберутся, а они не только сюда пришли, но и взяли их без выстрела!

Он сам всего полчаса назад зашел в дом погреться и решил, хотя б сидя, положив голову на стол, поспать. Пистолет положил рядом...

Оралов в это время увидел себя в детстве. Будто лежит он утром на полатах и смотрит на мать, которая возится у печи. Вошел с улицы отец с большой охапкой дров и с размаху кинул их на пол. Поленья с грохотом полетели к ногам матери. Сын испугался за нее и закричал: «Зачем ты так, папаня!..» И проснулся.

Сердце часто стучало, лоб был мокрый...

Яковленко то и дело ощупывал стены, старался оторвать доски и даже пытался сделать подкоп.

— Сядь, Мстислав. До рассвета все равно не успеем,— сказал ему Оралов.

— Значит, плен?

— Пока,— ответил Алексей Федорович.

Это на провизора подействовало, и он присел. Затем вновь вскочил:

— Только бы вырваться на свободу!

— Обязательно убежим, Мстислав,— при первом удобном случае. Но пока мы живы, дышим, наша святая обязанность — в первую очередь по-прежнему заботиться о раненых, помогать людям, облегчать их страдания. Пусть даже здесь, в неволе. Мы были и должны оставаться врачами! Много еще у тебя лекарств, ваты, бинтов?

— Две телеги,— ответил Яковленко, понимая, что нем-

цы не будут его снабжать.— Новокаина и эфир ~~очень~~ мало, а хлорэтил почти весь цел.

— Надо, Мстислав, постараться привести все твоё хозяйство в такой вид, чтобы немцы не взяли его в качестве трофеев.

Глаза провизора блеснули удачью:

— Будет сделано! Если они допустят нас к повозкам... Стрельба! — воскликнул Яковленко, услышав внезапно вспыхнувшую перестрелку.

Врачи тоже воспрянули духом: может, их освободят и никакого позорного плена не будет?

Очереди были автоматные, в них вклинились одиночные винтовочные выстрелы, разрывы гранат. Послышались вскрики, возгласы женщин.

Но вскоре опять все стихло.

Когда рассвет уже начал просачиваться сквозь щели в сарай, мимо него протопало по направлению к шоссе много ног.

— Неужели все немцы ушли, а нас оставили? — проговорил с надеждой Заремба.

Но за дверями послышалось:

— Ауфвидерзейн!

— Это наш телохранитель с ними прощается! — с необычной злобой сказал Калашников.

Оралов усмехнулся: никакого вызволения уже не будет. Они в плену! И напрасно Яковленко беснуется. Вздохнув глубоко, он почувствовал, как гимнастерка сдавила грудь. Вспомнил, что еще ночью, когда ворвались в избу немцы, в суматохе надел чужую. Спросил:

— Друзья, а на ком моя гимнастерка с орденом и медалью?

Врачи переглянулись. Калашников заговорил грустно-виновато:

— Видите ли, Александр Федорович...

Оралов посмотрел на него удивленно: не ослышался ли он?

— Да, теперь вы Александр и фамилия ваша — Петров! И никаких наград у вас не было, хотя и работали в медсанбате с начала войны. Вы рядовой врач — даже не наш командир!

— Ничего не понимаю! Разжаловали, сделали Петровым... Без меня меня женили? Куда спрятали орден?..

Куда деть орден и как на всякий случай замаскировать

главного, чтобы ни одна «шавка его не унюхала», предложил врачам Яковленко, когда Оралов спал на печи и они не были еще в плену.

— Петров погиб,— оправдывался сейчас перед Ораловым Яковленко,— а я все хранил его обмундирование, чтобы отослать жене... И удостоверение не успел сдать...

Калашников убеждал Оралова, что решились они на это ради того, чтобы спасти его для раненых.

— А куда спрятали ваши награды, Алексей Федорович, известно только нам и богу,— словно извиняясь за самоуправство, пошутил ведущий хирург.

Оралов вскочил:

— Да вы знаете, что означает для меня орден?!

— Александр Федорович,— укоризненно начал Яковленко,— вы меня останавливали, а теперь сами кричите.

Оралов сел:

— Ну и конспираторы! С вами и свое имя забудешь. Дожил! Подчиненные лишили имени, звания, наград. Хоть кричи караул.

— Это тоже не поможет, Александр Федорович,— сказал Яковленко.

Дверь со скрипом отворилась. Вошел солдат, что-то прокричал на своем языке — понял лишь Оралов, говоривший по-немецки. Солдат повел стволом автомата, показывая на выход.

Все поднялись. Яковленко и Заремба вышли первыми. За ними — Оралов с твердым намерением говорить со старшим конвоя о лекарствах. Он теперь хотя и «разжалован», но Калашников, к сожалению, еще не так хорошо, как он, знает немецкий язык.

Серый рассвет напознал на окруженную лесом деревушку. Невеселыми и суровыми были лица у врачей. Но еще больше они помрачнели, когда подошли к дому с крыльцом и увидели запряженные подводы, на которых уже лежали раненые — немцы их опередили.

Среди стоявших легкораненых Яковленко не увидел ни одного, кого он разводил по постам в последний раз! Не было и Ерошкина, Прошина. Значит, и они погибли! Лицо Марины за ночь осунулось, взгляд был опустошенным, одна рука безжизненно висела.

Врачи поняли, что их уже не допустят к повозкам с аптекой, которые стояли во дворе и без лошадей. Яковленко побледнел, сжал кулаки до боли в суставах. Не знал, что предпринять. Ведь там у него были не только лекарства! Не придало ему успокоения и то, что среди раненых стоял

с подвязанной рукой Ольховой и своим взглядом словно говорил: «Не волнуйся, парень, все в целости и сохранности».

Шесть немецких солдат сидели верхом на «аптекарских» лошадях, весело переговаривались между собой. Под одним из них была подушка, другой добыл где-то старенькое седло. «Ганс, не свались, это конь, а не жена! Вылетишь из седла, как пробка из бутылки»,—перевел Оралов пикировку немцев.

— Наши лошадки! — со вздохом сказал Яковленко.

На крыльцо вышел немолодой приземистый немец с округлым животом. Оралов не очень хорошо разбирался в их званиях, но понимал, что это низший чин, скорее всего фельдфебель. Хуже это для них или лучше — он не знал.

С чего начинать?.. Пока Оралов раздумывал, немец приказал всех обыскать.

Солдаты спрыгнули с лошадей, знаками показали, чтобы все пленные стояли на месте, после чего начали шарить по карманам.

Ничего не найдя, отошли в сторону и заговорили вполголоса. До Оралова доходили обрывки фраз. По ним он догадался, что немцам надо скорее гнать пленных в Коровкино и присоединиться к своему полку, а то без них могут взять Москву и они останутся с «пшиком», потому что за этих жалких пленных их вряд ли наградят.

Оралов лихорадочно думал: каким образом забрать с собой аптеку? Без нее идти нельзя. В дороге раненых нечем будет перевязывать, лечить.

Когда старший подал команду, Алексей Федорович шагнул к нему и вежливо сказал:

— Позвольте нам взять медикаменты.

— Где они?

Алексей Федорович показал на Яковленко и сказал, что это хозяин аптеки. Он все знает. Теперь взгляд старшего скользнул по Метиславу, словно снимая с него мерку. Неужели разрешит?.. «Нет, он не заставит своих солдат идти пешком по грязи, отдав лошадей под аптеку,— подумал Оралов.— Надо предупредить отказ»,— и сказал:

— Лошади нам не нужны, господин фельдфебель. Медикаменты положим вместе с ранеными.

Это сразу подействовало. Старший махнул рукой:

— Фюнф минутен! — и посмотрел на часы.

Где пять, там и семь — никуда они теперь не денутся! Обернувшись к легкораненым и врачам, Оралов объяснил:

— Нам разрешили взять аптеку. Все, что в ней осталось, надо рассовать по карманам, перенести на подводы с тяжелоранеными. Но только побыстрее. В нашем распоряжении всего пять минут. Мстислав, командуй!

Яковленко метнул недовольный взгляд на солдата. Они будут ехать верхом, а аптеку — в карманы? Среди лекарств есть ведь и ядовитые! Вдруг кто-нибудь из раненых захочет попробовать? Но там и награды Оралова!

— За мной! — крикнул Яковленко и первым двинулся по грязи.

Перед повозками во дворе остановился ошеломленный: брезенты сорваны, замки с ящиков сбиты, мешки распороты. «Уже шарили, гады! Спирт, наверное, искали. А может быть...» Мстислав вскочил в телегу и быстро нашел ящик с карболовой кислотой и хлорамином. Его только открыли и, видимо почувствовав резкий неприятный запах, не стали в нем копаться.

Яковленко скинул с себя шинель и высыпал на нее банки из ящика, крикнув:

— Набивать полные карманы!

Красноармейцы совали бинты и под пилотки, и в голенища сапог, и под обмотки. Врачи от них не отставали.

Под конец Яковленко взял под мышку ящик с карболовой, взвалил на себя мешок с ватой и понес к подводам с тяжелоранеными.

Оралов шел последним. Увидев за двором свежий холм, остановился, убитый догадкой: вот где лежат часовые!

Солдат толкнул его в спину автоматом и закричал:

— Шнель! Шнель!

8

Лошади за ночь отдохнули и шли довольно легко, нагруженные ранеными и медикаментами. Подгоняемые верховыми немцами, от подвод не отставали врачи и легко раненные. Ноги хоть и утопали в грязи, скользили, но надо было спешить, чтобы не быть пристреленным. Особенно трудно было Марине Травиновой. Оралов жалел девушку: все же надо было ей переодеться в крестьянскую одежду и остаться в деревне. Тем более лицо у нее самое что ни на есть деревенское, с широкими скулами и курносый носом. И идет по-крестьянски уверенно и просто, как будто ей не в диковинку такие дороги...

Вот так когда-то шла рядом с ним Елена Некрасова.

Только было это давно, в гражданскую. И одета она была по-иному. На голове у нее красовалась белая косынка сестры милосердия с красным крестом. А лет ей тогда было не больше, чем сейчас Марине. И такая же смелая! Когда в Калаче они спасали брошенных белыми тифозных солдат, она, хотя ей тоже было страшно, первой с Ораловым подошла к больным.

«Сейчас я тоже должен показывать пример!» — подумал Оралов и горько усмехнулся, окинув взглядом движущуюся колонну. Были здесь и бойцы, и командиры, а стали все одним — пленниками. И внешний вид у них уже не прежний. Красноармейцы опустили отвороты пилюток, по приказу немцев сняли звездочки. Воротники шинелей подняты, полы подвернуты, чтобы легче идти. А обуты кто в стоптанные ботинки, кто в потрепанные кирзовые сапоги. Да и врачи выглядели не лучше. На головах у них, правда, фуражки, а что с них сейчас толку? Даже уши не закроешь от холода. Ремни у всех отобрали еще ночью и выбросили, так как пряжки были со звездой. А звезда для фашистов — все равно что крест для черта! Но особенно изменилась у бывших воинов выправка и походка. Плечи и головы опущены, лица хмурые. Мало того что конвоиры их подгоняют, но и задние в колонне не дают передохнуть, то и дело кричат:

— Не путайся под ногами! Я жить хочу!

Страх. Страх угнетает. Ведь всем известно, что немцы перебили часовых. Не церемонятся, убивают отставших. Сейчас обходится пока без выстрелов. Но только пока. Немцы спешат, а сил у пленных не так много. Вот у Овечкина силы хвѳтает: он идет не напрягаясь, посматривая на конвоиров с ухмылкой. А ведь он ранен! Оралова ни один осколок не зацепил, а хромает он так, что со стороны можно подумать, будто только вышел из боя. А всего-навсего — неудачный прыжок из кабины. Где-то теперь Карен, другие... Может быть, им удалось вырваться?

Впереди остановилась, застряв в грязи, подвода, и колонна сгрудилась. Ехавший сбоку конвоир вскинул автомат и прицелился в лошадь, крикнув ездовому:

— Цурюк!

Если он убьет лошадь, то куда же — раненых? Их наверняка пристрелят. Оралов кинулся к солдату:

— Айн момент! Айн момент!

Немец оглянулся и опустил автомат. Все, кто был рядом, подбежали к подводе.

— Раз-два — взяли! — командовал Яковленко.

Лишь Заремба стоял там, где остановился. Почему?

— Но, милая! — повеселел ездовой, когда лошадь и телега были уже на твердом грунте.

Оралов поравнялся с Зарембой и вполголоса спросил:

— Что с вами, доктор?

— А-а-а... — обреченно махнул рукой врач. — Напрасно вы перед ними выслуживаетесь — все равно убьют или заморят голодом!

— Я это делаю из-за раненых. Ради них мы должны жить и делать все возможное.

— Жить так, как сейчас? На кого мы похожи? Не врачи, а...

— Швайген! — закричал на них солдат.

Они примолкли, чтобы не накликать на себя беды.

Дорога шла лесом, накрапывал дождь. Нога у Оралова снова заболела. Врачи остановились помочь ему, и движение застопорилось. Один солдат подскочил и замахнулся плеткой.

— Шнель!

Калашников и Яковленко подхватили Оралова под руки.

Дождь усиливался. Дорога совсем раскисла от грязи, еще больше угнетая бредущих людей.

— Отпустите, пойду сам, — попросил Оралов.

Он шел, превозмогая боль. Оглянувшись, увидел, что не только он, но и все устали. Никакие угрозы уже не действовали — люди сделались безразличными ко всему.

Сзади раздалась короткая очередь. «Началось!» — тревожно пронеслось в голове Оралова.

— Шнель! Шнель! — орали солдаты.

— Торопятся уйти от места преступления! — сурово заметил Яковленко.

Идущие сзади подтянулись. Передние же не прибавляли шагу, так как с каждым метром передвигать ноги становилось все тяжелее.

— Вот если бы напали наши сейчас и отбили... — мечтательно произнес Заремба.

— Командованию, конечно, уже доложили, что тебя ведут в плен; и оно собирается послать о-со-бый отряд, чтобы вызволить! — с злой иронией проговорил Мстислав.

— Швайген! — закричал солдат, требуя замолчать.

А что? Свершилось бы такое чудо! Оралову даже показалось, что оно может произойти на самом деле. Не так, разумеется, как говорит Яковленко. Но в лесах есть наши части. Если бы они напали, немцы тотчас бы разбежались.

Их всего шесть человек. Но лес стоял безмолвным, зловеще сгущая тени, становясь непроницаемым.

Впереди раздался выстрел. Не спасители ли их? Колонна остановилась, а старший, размахивая пистолетом, кричал на ездового:

— Марширен! Марширен! — и приказывал обгонять застрявшую подводку, лошадь которой упала и преградила узкую дорогу.

Ездовой, чтобы объехать подводку, понукал свою лошадь, но она храпела, пятилась, пугаясь.

Оралов с врачами поспешил на выручку: на повозке с убитой лошастью — раненые! Они стонали, просили не бросать: «Пристрелят нас, как только вы уйдете!»

Как спасти? Надвигается темнота, и солдаты перестреляют всех, лишь бы самим скорее выбраться из этого зловещего леса. Надо опять «выслуживаться»!

— Господин фельдфебель, мы сейчас освободим дорогу!

Оралов повернулся к бойцам и приказал оттащить убитую лошадь, а раненых нести на себе.

О медикаментах, конечно, думать не приходилось, оставшиеся лошади едва-едва тянули тяжело нагруженные телеги.

Теперь старший конвоя рысцой трусил из одного конца колонны в другой и кричал, чтобы шли быстрее, что он пристрелит каждого, кто отстанет хоть на шаг!

Казалось, что лесу не будет конца. Лишь когда уже не различались фигуры впереди идущих — люди и лошади, утонули в ночном тумане, — по колонне пронесся вздох облегчения:

— Кончился лес!

Колонна спустилась в овраг, и Оралов даже в темноте узнал те места, где они шли с группой Байрамова.

— Узнаешь? Нас гонят в деревню Коровкино. Теперь не страшно, дойдем, — сказал он Яковленко, который нес на себе раненого красноармейца.

Мстислав кивнул и приободрился, утешил себя мыслью, что всем сейчас нелегко. А ведь он намного крепче и сильнее других. Рядом с ним шла Марина. Лицо ее было очень бледным, а губы упрямо сжаты. Она старалась не отставать, хотя несла два стерилизатора с инструментами.

Войдя в деревню, пленные увидели только немецких солдат — жителям, очевидно, не разрешалось по вечерам выходить из домов.

Привели их на колхозный двор, где уже было много пленных.

«Куда же нас поместят? — бросив взгляд на конюшни и свинарник в стороне, подумал Оралов. — Везде занято».

Немолодой тощий офицер, брезгливо морщась, оглядел вновь прибывших и приказал размещаться в свинарнике.

Оралова это обрадовало: в свинарнике должно быть тепло, а для раненых после тяжелого перехода под дождем это было крайне необходимо.

9

Яковленко первым открыл ворота свинарника. В нос ударил спертый воздух, послышались стоны. Оказывается, они не первые! Сколько здесь собрано раненых, увидеть в темноте было невозможно.

— Закрывайте! Холодно! — простуженно закричали изнутри.

Яковленко вошел с ношей на плечах внутрь, бережно опустил раненого на солому и пошел снимать с телег ящики и мешки.

Оралов, оставшись в свинарнике, следил за размещением раненых, а сам думал: повязки у многих промокли, сползли, испачканы грязью. Надо срочно что-то предпринять!.. Глаза привыкли к темноте, и Алексей Федорович увидел, что свободен только проход. А слева и справа, на деревянных настилах, где когда-то стояли свиньи, лежали, вповалку и сидели, тесно прижавшись друг к другу, раненые. Давно ли они здесь? Есть ли среди них медики? Он вышел на середину и спросил об этом.

— Они сбежали! — послышался возмущенный голос.

— Не может быть!

— Как не может? А Пухов разве не сбежал?

Алексей Федорович не поверил. Пошел дальше, повторяя свой вопрос. Вместо ответа услышал радостно-взволнованный возглас:

— Алексей Федорович!

— Акопыч! — Осторожно пройдя между ранеными, он присел на корточки и обнял друга. — И тебе не удалось выскочить?

— Попал со своим обозом с ранеными под артобстрел. Осколком снаряда задело голень. Кажется, серьезно, Алексей...

— Тсс! — остановил его Оралов и, перейдя на шепот, предупредил: — Тут я — Александр Федорович Петров.

Акопов посмотрел на него недоуменно. Потом понимающе закивал головой.

Алексей Федорович сразу заинтересовался:

— Про Герасимова ничего не слыхал?

— Раза два встречал Анатолия на дорогах с машинами, полными раненых! Смог ли он с ними пробиться к своим — не знаю.

Оралов посетовал, что тогда им пришлось расстаться. Ободряюще пожал исхудавшую руку друга:

— Будем еще мы свободными людьми, Акопыч, будем.— И спросил:— Где-нибудь обрабатывали твою рану?

Акопов тяжело вздохнул:

— Только сам... Спасибо одной колхознице, пожалела и сунула в дороге настой чистотела и листья подорожника.

— У нас есть и лекарства, и врачи: Калашников, Заремба. Провизор Яковленко тоже здесь. Вот только не знаю, где развернуть перевязочную.— Оралов заметил дверь.— Что там? Наверное, подсобка?

— Она так завалена, что ее даже не стали открывать.

Но это единственное место, где можно делать перевязки, а при необходимости и оперировать. Алексей Федорович вспомнил, что недалеко видел колодец. В подсобке же должны быть ведра и чаны. Больше пока ничего делать нельзя. Завтра их могут погнать дальше, а потому не надо терять время.

— Пойду к коменданту,— сказал Оралов.— Попрошу разрешения перевязать раненых.

Он сообщил врачам о своем решении.

Заремба засомневался:

— Все равно до утра ничего не успеем сделать.

— Тебе что, нос заложило, не слышишь, чем тут пахнет,— напустился на него Яковленко.— Наши люди умирают, а мы будем дрыхнуть, ожидая утра.

Калашников жестко напомнил Зарембе, что от обязанностей врача его никто не освобождал.

Все дело теперь упиралось в Яковленко: сумеет ли он готовить растворы в таких условиях?

— Я уже думаю над этим, Александр Федорович. Там есть плита. Я еще с улицы по трубе определил. Накипятим воды, простерилизуем растворы и инструменты. Придумаем что-нибудь еще.

— Тогда я пошел, а вы мобилизуйте легкораненых.

Но едва он вышел за ворота, как солдат грозным окликом стал гнать его обратно — пленным-де запрещено выходить с наступлением темноты. Оралов принялся доказывать, что ему надо сходить к коменданту. К его удивлению, немец обещал доложить обер-лейтенанту.

Выслушав Алексея Федоровича, офицер поморщился. Алексей Федорович продолжал доказывать. Вот когда ему пригодилось знание немецкого языка. Может быть, это и имело какое-то значение. В конце концов обер-лейтенант разрешил на один час «суету». Но уже после этого, мол, чтобы ни одна свинья не высывалась из свинарника. Ему понравилось собственное остроумие, и он засмеялся.

Обратно Оралов уже не шел, а бежал. Ему удалось найти фонарь, теперь нужно было успеть нанести воды. Еще с порога он крикнул:

— За дело! В нашем распоряжении один час.

Он открыл дверь в подсобку и поднял зажженный фонарь над головой. Тут были свалены корыта и котлы, вилы и грабли. На деревянном полу — мякина пополам с просом. Пройдя в боковую дверь, попали на кухню. Здесь возле плиты лежали дрова, на запыленных полках стояли банки с какими-то порошками. Дальше была еще одна комната — наверное, для отдыха свинарок.

Прежде всего нужно было замаскировать окна. Яковленко уже снял с себя шинель. На другое окно повесил свою шинель Калашников.

Оралов укрепил фонарь над потолком.

— Теперь — бегом! — сказал он, обращаясь к легкораненым.

Мстислав схватил бак:

— Кто со мной? Берите все, во что можно набрать воды...

За несколько минут подсобку очистили от хлама. Марина взяла веник и начала подметать пол, делая это так аккуратно и умело, что совершенно не поднимала пыли.

Провизор вернулся с полными баками и принялся растапливать плиту. Затем из двух ящиков устроил стол, накрыл его белой клеенкой. Расставил на вымытых полках лекарства. При этом он все о чем-то думал и недовольно хмурил брови.

— Есть! — проговорил наконец он и спросил у помогавшего ему красноармейца: — У вас сохранился котелок? Найдите еще один. Мне необходимо два котелка.

Яковленко объяснил Оралову, что котелки луженые и в них легко создается пар, который можно будет по резиновой трубке пропустить через холодную воду, чтобы получить из него дистиллированную воду.

Минут через десять Яковленко радостно воскликнул:

— Известь! В этом баке! — Его глаза загорелись.—

Александр Федорович, полчаса — и я побелю эту комнатушку.

— Это уже лишнее, Мстислав, — у нас нет на это времени.

— Пока натечет в бутылку вода — я закончу. Станет не только светлее и чище, но и продезинфицируем стены и потолок! Кстати, и щетка сапожная нашлась, — доказывал провизор.

Да разве Оралов против? Он всегда был за чистоту в лечебных учреждениях. Нерадивые санитарки плакали от его требований, считали его грубым и даже жестоким. Но ведь сейчас столько раненых ждут помощи, а впереди одна лишь ночь!

— Хорошо — не больше получаса! — махнул рукой Оралов.

Он хотел послать Калашникова осмотреть лежащих, чтобы тот определил очередность их подачи в перевязочную, но вспомнил, что там нет света, а фонарь у них один. Заговорил об этом с Калашниковым.

Их разговор услышал Яковленко и предложил открыть дверцу топившейся плиты.

— Нам с Мариной этого света будет пока достаточно.

— Даже готовить лекарства? — удивился Оралов.

— За войну я столько их готовил, что теперь могу работать с закрытыми глазами.

Калашников снял с потолка фонарь и пошел делать осмотр. К кому ни подходил — все нуждались или в перевязке, или в срочной операции, исключая тех, кто прибыл с ними.

Троек помощь опоздала... Калашников обратился к отдыхавшим после работы легко раненым и попросил похоронить умерших тут же в углу — до утра ждать было нельзя.

Вернувшись с тяжелым чувством в операционно-аптечный блок, Калашников сказал о своем решении Оралову.

— Спасать живых! За работу. Я и Заремба встанем за «стол», а вы с Яковленко делайте перевязки на кухне, — распорядился Оралов.

Он с опаской посмотрел на фонарь, который висел над головой и вниз светил плохо. В Рудне Оралов не решался оперировать детей при керосиновых лампах. Сумеет ли сейчас?

Заремба задумчиво глядел на суровое лицо армейского хирурга. В эту минуту ему хотелось быть похожим на него. «Но не в таких условиях! — протестовала его душа. — А Оралов собирается делать тут неотложные операции».

Внесли первого раненого. Голень раздроблена, нога безжизненна. Ампутировать!

— Рауш-наркоз, Марина,— попросил Оралов.

К полуночи Калашников сменил Оралова у «стола»...

Алексей Федорович прошел на кухню, сел на перевернутое корыто и попросил Овечкина снять с него правый сапог. Посидев с минуту разутым, он обернул отекающую ногу портянкой, крепко завязал ее кусочком бинта и, не надевая сапога, встал. Зачем-то оправил узкую гимнастерку, Помыв руки, кивнул Овечкину:

— Ну, землячок, показывай ногу.

Она у него покраснела, рана затянулась пленкой.

— Скоро собираешься домой? — тихо спросил Оралов.

— Как только заживет рана, товарищ военврач,— понял его намек Овечкин и, сверкнув глазами, добавил: — Может, и раньше!

«Ради вот таких отчаянных парней стоит работать и в плену!» — подумал гордо Оралов.

Ольховой, вошедший после Овечкина, прогудел:

— Вот и встретились мы как бы заново, товарищ военврач. Теперь лечите нас скорее, чтобы мы смогли удрать отсюда!

Алексей Федорович посмотрел на врачей:

— Поняли, коллеги?.. Будем стараться, Терентий Сазонович!

Яковленко, пока Оралов говорил, успел снять с руки Ольхового повязку и нетерпеливо ожидал, что скажет хирург, чтобы немедленно забинтовать рану...

Глядя на этого уже немолодого красноармейца, Оралов не сомневался, что Овечкин и Ольховой не одиночки: они из тех, кого никакая проволока не удержит.

Когда внесли Аكوпова, Яковленко достал для него из мешка неразорванную пачку ваты, сделал свежий раствор хлорамина.

— Своему начальнику и тут будем делать все по-своему! — пошутил он при этом.

Под утро усталость навалилась на врачей с такой силой, что работать они стали вяло, замедленно. А надо было спешить, так как огонь в фонаре становился все меньше.

Один Яковленко выглядел молодцом, причем он, кроме своей работы, успевал помогать Марине стерилизовать инструменты, подменять ее возле «стола», готовить из бинтов салфетки.

Как ни спешили, но не успели — фонарь погас. У Ора-

лова удрученно опустылись руки. Можно подождать до рассвета, если их оставят на месте.

— Александр Федорович, попробуйте при свете спиртовки — в ней еще есть горячее. Я вам подержу, — предложил Яковленко.

— Но спирт же горит синим пламенем?

→ Добавим квантум сатис¹ воды — будет посветлее.

— Давай скорее, Мстислав, пока не уснули! — обрадовался Оралов.

Видно было плохо. Но он сам учил Зарембу, что настоящий хирург тот, кто умеет делать такое, чего в книгах нет. Вот он один из таких случаев! Где, в каком учебнике написано, что перевязочную — одновременно и операционную — можно разворачивать в свинарнике? Да еще за такой короткий срок, с побелкой и дезинфекцией! Нигде не сказано и о том, что спиртовка в руках провизора станет для хирурга бестеновой лампой! При ней он видит свои руки, скальпель, а разрезает раны и чистит их, главным образом, по памяти.

Мстислав, когда вынесли последнего раненого, торжественно произнес:

— Други мои! Вы заслужили больших наград. В таких условиях еще ни один врач не работал со времен Галена. Дарю вам по кружке кипятка с чайной ложкой глюкозы! — Первому он поднес Оралову: — Пейте, Александр Федорович, и ложитесь спать. С Мариной мы подготовим все на случай нашего дальнейшего шествования.

Оралов поблагодарил, выпил кипяток, бросил свою шинель на пол и повалился на нее. За ним — остальные.

Укладывавая лекарства в ящик, Яковленко спросил Марину:

— Сколько тебе лет, Марина? Небось перед войной успела выйти замуж? Такие девушки, как ты, обычно не задерживаются.

Она ответила с мягким смущением:

— Когда же? Мне всего девятнадцать лет.

Казалась же она намного старше. Что значит — война!

— А мне уже двадцать четыре, — сказал он. — В мирное время о семейной жизни только мечтал. Теперь уж и рассчитывать нечего.

Он видел, что Марина неохотно поддерживает этот разговор, и замолчал. Была она очень бледна, и глаза ее сами собой закрывались от усталости.

¹ Достаточное количество (лат.).

Уложив инструменты, он заставил Марину лечь. Так как шинелью Мстислава было замаскировано окно, ему пришлось примоститься к девушке под шинель.

Спать им пришлось недолго, наступило утро. Услышав команду, Мстислав с трудом поднялся.

— Аккуратисты! Ровно в шесть! — с обидой прошептал он.

К нему сразу подошло несколько человек.

— Давайте пузырьки и бинтики. Приказывают выходить.

Алексей Федорович хотел идти просить подводы, но обер-лейтенант уже был здесь. Оралов поблагодарил его за вчерашнее разрешение и напомнил о еде для раненых. Тот сухо ответил, что ни кухни, ни продуктов нет — накормят всех в Вязьме. Лишних лошадей тоже нет. Оставшихся раненых увезут позднее.

Оралов показал на стоявшие грузовые машины. Обер-лейтенант усмехнулся:

— Эти машины предназначены для поездки в Москву.

К раненым Оралов вернулся мрачным. Он объяснил, что всех сразу увезти невозможно — не на чем.

— Останутся те, кто день-два могут подождать.

После этого он уже без колебаний показывал, кого выносить. Когда дошел до красноармейца, которому ампутировали ногу, тот слабо улыбнулся, но ехать наотрез отказался:

— Дома меня никто не ожидает — берите других.

Акопов тоже хотел остаться, ссылаясь на то, что он сможет хоть советом помочь остающимся. Оралов не согласился:

— Тебе надо ехать — ты нужен нам всем.

Были и такие, у которых появились слезы на глазах, когда Оралов проходил мимо...

Колонна тронулась. Что будет с теми, кто оставался в этом свинарнике? Утешало одно: после оказанной им помощи многие уже смогут двигаться самостоятельно.

Когда шли по деревне, из домов выбегали женщины. Несмотря на угрозы конвоиров, кидали раненым хлеб, картошку, выкрикивая:

— Милые! Несчастные!

Полоснули автоматные очереди — и женщины скрылись. Колонна присмирела, молча шагая по осенней раскисшей земле.

В Вязьму пришли вечером, когда город уже погрузился в настороженную темноту. На улицах этого небольшого старинного городка, стоящего на перекрестке шоссе и железной дорог, Оралов и его товарищи видели теперь только немецких солдат и офицеров, слышали лишь чужую речь.

Усталые, голодные, промокшие под хлестким дождем, они еще брели. Яковленко храбрился, держа прямо голову, не сутулясь. Молод и упрям! Хочет показать, что и в плену он не унывает.

А конвоиры продолжали торопить их. Видимо, боялись, что, пользуясь темнотой, кто-нибудь попытается бежать — в пути, когда шли по лесу и дорога круто завернула, группа легкораненых бросилась врассыпную. Немцы открыли пальбу, но бесполезно. Преследовать не решились, опасаясь, что и остальные разбегутся.

После этого побега пеших осталось гораздо меньше. Среди них Алексей Федорович не увидел Овечкина и Ольхового...

Наконец-то подвели колонну к воротам. Слева и справа тянулось ограждение из колючей проволоки. За ней виднелись низкие длинные бараки. В них, очевидно, раньше были склады.

Отапливаются ли они? Это первое, о чем забеспокоился Оралов.

Ворота открыли, и их завели за проволоку.

— Всё — в капкане! — обреченно произнес Заремба.

Оралов осуждающе покачал головой: ясно, что не к тебе на именины попали. Но зачем эти слова? И так у всех на лицах — беспросветное уныние.

— Заходи в барак! — грубым голосом приказал человек с винтовкой через плечо и повязкой на рукаве.

— Полицай! — шепнул Оралову Яковленко.

Вот именно, не полицейский, какие были в царское время, а полицай, прислужник при гитлеровцах.

С пристрастием, бесцеремонно обыскивали полицайи врачей и раненых, вытряхивая все из карманов. Немецкие солдаты стояли в стороне и следили за действиями своих холоуев.

Яковленко снял с себя шинель и кинул ее на землю:

— Складывайте сюда лекарства!

— Не командовать! Тут мы хозяева, — возмутился полицай и ткнул его в грудь кулаком,

Видя, как тщательно осматривает полицай каждую склянку, Оралов вспомнил об ордене и заволновался: где сейчас прячет его Яковленко? В Ванино или Коровкино? Если среди лекарств, то теперь не только здесь, но и в повозках проверяют каждый ящик и мешок.

Но Мстислав вел себя спокойно; лишь затаенная злоба на полицаю, который толкнул провизора, застыла на его лице...

Не так много, но на шинели насобирались кучка склянок, бинтов, пакетов ваты.

Поняв, что никто и не думает отсылать подводы за ранеными в деревню, Оралов с Яковленко подошел к старшему и сказал ему об обещании немецкого офицера. Молодой, здоровенный полицаи расхохотался:

— Кто обещал — уже в Москве. Теперь мы главные.

Алексей Федорович молча повернулся:

— Идем, Мстислав, — утро вечера мудренее.

Яковленко продолжал стоять: его шинель-де занята, а барак не отапливается, раненые валяются на соломе, но если взять ее, то полицаи могут побить склянки с лекарствами.

— Укроемся одной, — успокоил его Оралов. — Где тут Акопыч...

Калашников напомнил Оралову:

— Забываетесь, товарищ Петров! Суетесь не в свои дела! Только по хирургии разрешаю давать мне советы. — И уже с грустной улыбкой закончил: — И ваши знания немецкого пока не требуются — над нами холуи и предатели!

Оралов усмехнулся: действительно, забыл, что тут начальник над врачами уже не он!

— Ты прав, Алексей Ефимович. Иначе всю нашу конспирацию в момент разоблачат!

Он разыскал Акопова и присел возле него.

— Как самочувствие после такой дороги, Карен?

— Кажется, внутри ничего не осталось на месте! И нога болит — хоть кричи караул.

— Потерпи, Акопыч, до утра. Перевяжем, наложим гипс.

— Разве и ему будем? — удивленно спросил Яковленко.

— А как же? У Акопыча перелом большой берцовой кости...

Оралов и Яковленко легли на соломе неподалеку от Акопова и, накрывшись одной шинелью с головой, с минуту лежали молча. Алексей Федорович заговорил шепотом об ордене:

— Где вы его прячете, Мстислав? Надежно ли?

Яковленко улыбнулся. Он ответил полушутя:

— Вам же Алексей Ефимович сказал, что об этом известно нам да богу? Считайте, что он рядом с вами, а медаль уже на свободе — «убежала» вместе с Ольховым... Давайте спать — завтра, если разрешат эти прихвостни, начнем обрабатывать раненых. А когда закончим...

Яковленко уснул, не договорив.

Медаль на свободе! Если бы еще и орден! Для него он особенно дорог не только тем, что на нем образ вождя. Награда эта позволяла думать, что своей, можно сказать, ежедневной, с раннего утра до поздней ночи, работой он выполнял наказания Владимира Ильича по охране здоровья людей: лечил их, облегчал им страдания и спасал от смерти. А как было на учениях под Краснодаром! Когда Елена обварила себе руки и к ним привезли с прободной язвой Конкина, затем бойца-кавалериста, упавшего вместе с конем в овраг, нужно было не только делать сложные операции, но и восполнять большие потери крови... Дал свою. После командующий округом, посетив госпиталь, зашел в палату к Конкину, а тот ему возьми и скажи, что хирурга Оралова надо бы наградить.

На другой день Оралова вызвал к себе в кабинет Герасимов:

— Алексей Федорович, сколько ты за свою жизнь вылечил раненых?

Тот неопределенно пожал плечами: разве считал?

— Всю гражданскую... — задумчиво проговорил Герасимов. — Если учесть, сколько ты уже подготовил врачей, сколько сил отдал на формирование нашего госпиталя, то давно заслужил награды.

— Какой это еще награды?

— Это мне виднее, — улыбнулся Анатолий Никифорович. — На то я и начальник. Посоветуюсь с комиссаром госпиталя...

Поднимаясь на второй этаж к себе в отделение, Оралов недоумевал: о какой награде говорил Герасимов? Для него высшая награда — это когда выздоравливает человек!

В дни юбилея Красной Армии он пришел в госпиталь рано утром, чтобы поздравить больных с праздником, осмотреть их. Дежурный врач увидел его и обрадованно толкнул в плечо:

— Сегодня передавали Указ Президиума Верховного Совета по радио. Тебя наградили орденом Ленина.

О такой награде за свой труд ему, как говорится, и во

сне не снилось. Оралов хотел незаметно пройти в ординаторскую, хотелось побыть одному и успокоиться. Но его приход заметили больные, которые тоже уже знали о награждении...

Днем к госпиталю подъехал Конкин с десятком кавалеристов, спешил и вызвал его на улицу. Когда Оралов появился на крыльце, кавалеристы отсалютовали ему шашками и вручили на счастье подкову.

Растроганный Оралов обнял Конкина:

— Как себя чувствуете, Федор Ильич?

— Еще повоюем, товарищ военврач первого ранга! — лихо ответил он и, ухватившись за седло, легко вскочил на коня.

Дни, проведенные в Москве, куда он ездил получать орден, пролетели как во сне. Лишь когда сел в поезд, следовавший на юг, начал припоминать Кремль с его звездами на башнях, зал, в котором Михаил Иванович Калинин вручил ему орден, Мавзолей Ленина. И только уезжая все дальше от столицы, понял, что наградили его не за одну работу хирурга, а за все двадцать лет труда советского врача, начиная с дивизии Киквидзе.

Он не послал домой телеграмму, зная, что поезд придет в воскресенье поздно вечером. С привокзальной площади свернул налево и зашагал по знакомой улице с маленьким чемоданчиком и с шинелью в руках.

«Конкин, Конкин! Ты, может, действительно еще повоюешь,— подумал о коменданте станции Оралов, перед тем как заснуть.— Возможно, и меня отсюда вывез бы. Но я сам отказался сесть на твою дрезину...»

Утром медиков вызвали в кабинет обер-артца — главного врача. Сухонький, седой мужчина встретил их патетической тирадой:

— Я приветствую вас, коллеги, на свободной земле! Мы должны лечить заблудших, чтобы они могли работать на великую Германию!

Выслушав его, Калашников сказал, что в бараках нет условий для лечения. Помещения не отапливаются, раненые замерзают.

— Все не перемерзнут! А до зимы война будет закончена, и мы займем помещения в городе. Сейчас там развернуты госпитали для немецких солдат. Как только будет взята Москва, они переедут в русскую столицу, а мы на их место.

«Ну, этого никогда не будет»,— подумал Алексей Федорович, а Яковленко даже притворно закашлялся, чтобы скрыть свое негодование.

На вопрос Мстислава о лекарствах обер-артц ответил, что дадут трофейное, бывшее у Советов, которое не может быть применено в германской армии.

— Мне доложили, что вы кое-что привезли с собой. Есть и у нас немного. С ранеными не церемониться: быстро лечить и отправлять немедленно в концлагерь — вот наша задача!

Калашников заговорил сдержанно:

— Мы будем лечить, как вы приказываете. Но нам необходимы сейчас три железные бочки. Одну в аптеку и две в операционную. Доски, из которых можно сделать столы.

— Пусть раненые сами ставят и делают. У меня рабочих для этого нет.

Алексей Ефимович напомнил и о подводах. Обер-артц театрально развел руки:

— Всей бы душой помог, но это не в моей компетенции. Да и справиться бы с теми, кто уже здесь,— махнул он белой рукой. И добавил:— А подводы нам самим нужны.

В Коровкине осталось больше тридцати человек. Врачи же обязаны бороться за каждую жизнь. Оралов не выдержал «запрета» и высказал это вслух.

— Не забываетесь, что теперь вы все пленные!

— Но все равно — врачи.

— Если потребуется, заставим быть и коновалами! Идите и работайте. Не то... живо в концлагерь!

Оралов хотел резко ответить, но, увидев предупреждающий взгляд Калашникова, подавил в себе это желание.

Выйдя, врачи остановились, пораженные. На их подводах вывозили трупы. Доверху нагруженные телеги трупов. Вот для чего нужны подводы обер-артцу! Такая смертность среди раненых!

Оралов обернулся к своим спутникам и твердо заявил:

— Мы должны свести ее до минимума.

— Легко сказать, Александр Федорович, но как это сделать,— усомнился Заремба.— Раненым нужна кровь, а где ее взять?

— В крайних случаях будем давать свою. Первым донором буду я. Кто-нибудь и из легкораненых даст.

— Это уж слишком, Александр Федорович! Мы сами не таскаем ног,— возмутился Заремба, понимая, что придется следовать примеру главного хирурга.

— Насильно брать ни у кого не будем. Это на совести

каждого. В начале тридцатых годов, когда переливание крови только начало развиваться, врачи и сестры Кубанского госпиталя так не говорили.

Они увидели у барака длинную очередь раненых, одетых в шинели и фуфайки. На головах были пилотки, шапки, какие-то малахаи, башлыки. Они спокойно глядели, как вывозят их товарищей. Привыкли уже!

Поняв, что в бараке, возле которого стоят раненые, кухня, Оралов предложил зайти поесть.

Дали им какое-то варево из отходов. «Баланда» — так назвал боец это варево. В нем были гнилая свекла и брюква, подпорченный горох и отруби. Все достоинство — горячая.

В бараке, который отвели им, находилась отгороженная огромная комната, где раньше помещалось не то какое-то хранилище, не то контора, так как только здесь были окна.

— Вот где сделаем операционно-аптечный блок, — с грустью сказал Оралов. — Начинай, Мстислав, перетаскивать сюда все, что есть у нас и у них.

Но Яковленко явно не спешил:

— Аптеку с горем пополам оборудуем... Но как добывать дистиллированную воду? В чем стерилизовать лекарства, салфетки, операционное белье? Водопроводный кран тут есть — это уже неплохо. Но мне надо съездить в местные аптеки. Может, у них найдется какой-нибудь куб или автоклав. Заодно попрошу сыворотов, обезболивающих препаратов...

Калашникову пришлось вернуться к старшему врачу. Тот разрешил послать «аптекаря» с полицаем, но предупредил, чтобы не было никакого насилия — аптеки уже частные.

«Так скоро!» — удивился про себя хирург.

В бараке Калашникова встретил Оралов:

— Алексей Ефимович, будем оперировать на двух столах. Для раненых с газовой гангреной поставим еще один. Марина загородит его дерюгами, раз нет отдельной комнаты, выделит инструменты. Надежды на их спасение здесь небольшие, но мы все равно не можем оставить людей без помощи! Посредине поставим столик для переливания крови...

Легкораненые сколачивали из горбыля операционные столы, гнули для труб железо. Оралов отозвал Калашникова в сторону и, оглянувшись — нет ли поблизости полицая, произнес как клятву:

— Будем оперировать быстро, но с выпиской не спе-

шить — успеют еще побывать в концлагере. Увидим, кто-то выздоравливает — наложим ему гипс, придумаем что-то еще. Главное для нас — спасти жизнь раненым!.. А потом... — Оралов хотел сказать: «Надо будет устраивать побег», но что-то сдержало.

Калашников высказал опасение:

— Оборудуем ли мы скоро операционную? Надо и автоклав с кубом вмazyвать — примусов у нас нет!

— Об этом я тоже подумал, товарищ начальник, — подчеркнул Оралов. — Да вот, полюбуйся!

Трое красноармейцев внесли кирпич, а четверо на своих шинелях — песок и глину...

Калашников проговорил мечтательно:

— Нам бы сюда сейчас хотя бы пару больших палаток! И ничего не надо бы городить. В них было бы тепло, светло и стояли походные столы! А у нас нет не только палаток, но и халатов осталось мало, на исходе перчатки.

Оралов упрямо заявил:

— Будем оперировать и без халатов — только повыше засучим рукава гимнастеров! Без перчаток — тем более. Закончим оборудование — обучим раненых, как носить своих товарищей, класть их на столы, ухаживать за ними...

11

Операционно-аптечный блок заработал лишь после обеда.

Алексей Федорович минут за пять ампутировал красноармейцу стопу. Калашников торопил.

— Подвезут новых, а мы этих еще не обработали! — слышал он его начальственный голос.

Но иногда Оралов останавливался. Вот и сейчас. У красноармейца слепое осколочное ранение в живот. Разлитой перитонит! А что там натворил осколок? Оперировать его или нет? Выживет ли он в этом холодном бараке? Лицо у него исхудалое, заостренное, с прыщами. Он неотступно водит испуганными ввалившимися глазами, со страхом наблюдает за сестрой, которая готовит инструменты. Чтобы немного снять с бойца напряжение, Оралов спросил:

— Как твоя фамилия?

— Денисов! — ответил тот тоненьким дрожащим голоском.

— Откуда родом?

— С Рязанщины. А что?

— У вас там все такие боязливые? Чего дрожишь-то?

— Да как же — вы сейчас меня будете ножом резать!

— А если не буду — умрешь!

Денисов судорожно вздохнул и затаил дыхание.

«Может, и вытянет», — подумал Оралов и дал знак Марине начинать эфирный наркоз. Сам вскрыл живот... Когда уже нашел осколок и зашил кишку, вдруг услышал тревожный голос медсестры:

— Исчез пульс!

Руки Алексея Федоровича только на миг замерли.

— Адреналин!

Взяв шприц, он ввел лекарство в мышцу сердца.

В своей долгой практике ему уже не однажды приходилось прибегать к этому методу.

— Следите за пульсом! — сказал он Травиновой, а сам сильными руками нажал на грудную клетку.

В эти секунды мог помочь парню только массаж сердца.

— Пульс есть! — радостно сообщила Травинова.

Оралов облегченно вздохнул, видя, как поднялась у Денисова грудь.

— Переливание крови. Иглу.

Он шагнул к столику с принадлежностями для переливания крови. Яковленко закатил Оралову рукав. Алексей Федорович оглянулся на бойца: он лежал бледный, с закрытыми глазами.

— Накладывай жгут, Мстислав, — негромко сказал он Яковленко...

После переливания крови постепенно начало розоветь лицо красноармейца, ровнее и глубже становилось дыхание.

Оралов, тяжело вздохнув, на миг закрыл глаза. Вспомнив испуганное лицо Денисова перед операцией, почему-то подумал: не трус ли он? Отдал ему свою кровь, а он выздоровеет и не выдержит, спасует перед этими жеребцами-полицаями.

— Александр Федорович, на стол в углу положили раненого с газовой гангреной, — вывела его из задумчивости Травинова. — Есть и такие на очереди...

— Еще несколько человек обрабатываем здесь, на чистой половине, а потом уже перейдем на заразную, и всех заодно прооперируем, — сказал Оралов медсестре.

Алексей Федорович давно научился по лицам и рукам определять, кто лежит у него на операционном столе: боец или командир, танкист или пехотинец. Сейчас перед ним командир — по возрасту лейтенант. Он задержал свой

взгляд на ногу раненого. Решать надо немедленно: ампутировать или нет? Оставить ногу? Но тогда никто не даст гарантии, что раненый останется жив. Сомневаясь, Оралов прощупал ногу: явная отечность, по коже багровые пятна, но газа пока немного.

— Смазывайте йодом,— сказал он медсестре.— Будем делать лампасные разрезы...

Алексей Федорович глубоко рассек мышцу бедра и попросил Марину:

— Ороси перекисью водорода.

Травинова виновато посмотрела на хирурга:

— У нас ее нет, Александр Федорович!

Оралов недовольно выговорил ей:

— Почему не взяли в аптеке до операции?

Девушка усмехнулась:

— Брали, когда были не здесь...

— Фу-ты, черт! — выругался Оралов, забыв, где они находятся.— Что же у нас есть для орошения разрезов?

— Один раствор хлорамина...

Лейтенанта унесли, а на его место положили немолодого рыжеволосого красноармейца. Он полушепотом, как заклинание, повторял:

— Доктор, спасите меня—у меня пятеро детей! Доктор, спасите меня — у меня пятеро детей!..

«Что же делать? — думал Оралов, глядя на раненого.— У лейтенанта гангрена была на бедре, а у этого уже распространилась с ноги на живот».

Алексей Федорович прошелся рукой по ноге и низу живота — тело бойца горело, везде был слышен хруст, говоривший о том, что никакая ампутация уже не спасет раненого.

— Доктор, у тебя есть колун—выбить из меня хворь?— вдруг спросил он.

«Сознание уже помрачнело,— отметил Оралов.— Чем тебе помочь в этом аду, дорогой мой человек? Ампутировать ногу? Зачем! Сделать глубокие разрезы?.. Но на животе их не сделаешь, если бы они даже и помогли. И мы опоздали со своей помощью тебе. Теперь могу только облегчить твои страдания до...»

Он тяжело вздохнул и глухо проговорил:

— Введите камфору, забинтуйте и...— Он не мог договорить до конца, терзаясь своим бессилием помочь человеку.

И пока не вынесли красноармейца, Оралов молча стоял, провожая его... в последний путь.

«Собратся! Устоять! — твердил про себя Оралов. — Меня ждут сотни раненых! Мне нельзя расслабиться!»

Голова снова стала ясной. Он пошел к столу со следующим раненым. Только ноги почему-то едва передвигались...

Несмотря на усилия врачей, пока еще каждое утро вереница подвод увозила умерших за ночь. Оралов в это время обычно выходил вместе с врачами во двор и стоял в долгом раздумье.

— Поздно. Слишком поздно пришли мы сюда, — подытоживал он думы всех. — Условия размещения раненых ужасные, не хватает лекарств... Гляди, и сыпной тиф начнет косить людей...

Калашников уже не раз говорил главному врачу, что нужен санитарный пропускник, но его все нет. Умирают и от воспаления легких, так как не во всех бараках установлены бочки для отопления. Люди укрываются только шинелями, зарываясь в солому.

А у обер-артца ответ:

— Вот-вот возьмут Москву, и тогда все будет: и теплые здания, и постели, и светлые операционные, и зеркальные аптеки.

Он считал, что этим радует врачей. А у них замирали сердца: неужели Москва не устоит? Пусть они будут жить еще в более худших условиях вместе с ранеными, питаться как свиньи, лишь бы столица выстояла!..

Седьмого ноября врачи поздравляли друг друга с праздником и, как обычно, вышли утром из барака, чтобы проводить умерших. К их радости, выехало за ворота лишь две подводы! Тоже было жаль, но это уже не вереница.

— Добьемся, чтобы ни одна подвода не выезжала, — как клятву за всех, произнес Оралов. — Сейчас раненых осмотрим и подбодрим: Москву немцы не взяли, иначе они бы раззвонили об этом во все колокола.

Пошел снег. Сначала робкий, редкими пушинками. Потом все гуще, сиделся на лица и руки.

— Хорошее предзнаменование, — мечтательно проговорил Оралов, подставляя огрубевшие ладони под падающие снежинки.

Для обхода он выбрал себе самый большой барак. Осматривая раненых, каждому тихо говорил:

— Держитесь — все будет хорошо.

Причем, слово «все» подчеркивал голосом. Одни смотрели на него с недоверием: «Неужели, доктор?» Другие ки-

вали головами: они тоже так думают, этой надеждой и живут. Но были и такие, которые скептически усмехались, услышав его слова.

— Вы, доктора, утешители! — возмутился один из таких. — Вам ничего не стоит это сказать, а раненый через полчаса умирает. Немцы вчера передавали по своему радио, что их войска уже возле самой Москвы!

Доля правды в словах этого раненого, конечно, была. Жаль, что нет радиоприемника, чтобы послушать Москву, узнать истину.

Оралов улыбнулся и сказал:

— Надо верить — только тогда вы выздоровеете.

Лихорадочные глаза раненого оживились, в словах доктора он почуял намек.

— Постараюсь, доктор!

Лишь через несколько дней они узнали правду о Москве. К Оралову подошел смуглый парень с гипсом на руке и доверительно сообщил:

— Доктор, Седьмого ноября на Красной площади парад был. На трибуне стоял сам Сталин и все правительство!

Вначале даже не поверилось — не досужие ли это мысли? Не провокатор ли перед ним?

— Передали с воли, — кивнул раненый за проволоку. ♪

— Ну слава тебе господи! — вырвалось у Оралова.

Он представил, как мимо Мавзолея Ленина шли части Красной Армии, шли, чтобы гнать всю нечисть от Москвы. И сердце его наполнилось радостной надеждой; что полки Красной Армии придут и в Вязьму!

А в середине ноября опять разнеслась тревожная весть: войска рейха штурмуют столицу, видят ее в бинокль!

В томительном ожидании вестей с фронта прожили врачи остаток ноября и начало декабря. Но вестей с «воли» больше не поступало. Лишь догадывались, что Москва устояла. Иначе у немцев был бы пир горой, а полицаи не ходили бы угрюмыми.

Когда в один из заснеженных морозных дней к Оралову с таинственными, но блестящими радостью глазами подошел тот же боец, сердце хирурга застучало чаще: кажется, с доброй вестью!

— Разбили и гонят по сугробам!

Оралов все понял и крепко пожал ему руку:

— Спасибо, братец! Эта новость — лучшее лекарство.

Его коллеги реагировали на нее по-разному. Калашников улыбался и возбужденно потирал руки:

— Выстояла, родимая! Жива Русь!

Яковленко подпрыгнул и пустился вприсядку. Девушки, которых было уже трое, кинулись к нему, и все вместе они закружились. Потом обнимались, целовались.

Заремба стоял хмурый, словно новость его не обрадовала.

Оралов размечтался: скоро вернется Красная Армия и вызволит их! Вслух произнес:

— Сами не успели убежать — выручат свои. Мы им скажем: вылечили и здесь многих. Долг свой — выполняли честно.

— А вылеченных отправили работать на эту великую Германию,— мрачно, с иронией уточнил Заремба.

— Герман Сергеевич, ты словно не рад?

— Рано развеселились. Неизвестно еще, что с нами будет.

— Что бы ни было — все равно это великая новость! Мы ее полгода ожидали. Теперь перестанут попадать в плен наши раненые, раз войска наступают.

— Нам надо бежать — вот что, Александр Федорович! Только у своих мы принесем пользу Родине,— тихо и твердо проговорил Заремба.

— Сейчас? В этой одежде замерзнем. И фронт еще не близко.

— Герман имеет в виду, Александр Федорович, что он сумеет быстро добраться до Харьковщины — его семья по эту сторону,— иронически высказался Яковленко.

Заремба глянул на провизора с презрением:

— Кто бы мычал, а ты молчал — сам оттуда родом.

— Не время для упреков,— остановил их Оралов.— Лучше давайте подумаем, что нам еще предпринять, чтобы подольше здесь задерживать выздоравливающих раненых. А бежать... О побеге тоже надо думать, конечно.

Калашников сказал:

— По-моему, раненые у нас еще мало «температурят», «гриппуют»...

Яковленко упрекнул хирургов:

— Накладываете раненым гипс, а они ходят и ухмыляются в глаза самому «оберу»... Слишком чисто делаете и операции...

Врачи стали придумывать другие способы оттягивать выздоровление, надеясь, что обер-артц и дальше не будет вмешиваться в лечение.

Часть вторая

I

Как-то незадолго до Нового года, когда за ночь на территории лазарета намело волнистые сугробы и к кухне нельзя было пройти, пока легкораненые не расчистили дорожки, обер-артц пошел по баракам делать обход. Он брал в руки листки, которые врачи по привычке называли историями болезни, просматривал их и решительно заявлял:

— Здоров! В лагерь!

Калашников пытался возражать, так как многие из тех, на кого он показывал, были действительно недолеченными. Но главный врач не позволял ему и рта раскрыть:

— Молчать! Я главный врач,— а для успокоения раненых добавлял:— В каждом лагере есть свой лазарет — там долечат.

Среди таких чуть не оказался и Денисов. Он испуганно смотрел на обер-артца, пока тот думал, что делать с ним. Когда он молча отошел к следующему, Денисов благодарно кивнул головой проходившему мимо Оралову. Тот сочувственно пожал плечами...

Соседа Денисова обер-артц записал в команду номер один.

Врачи недоуменно переглянулись: что это за команда? Калашников спросил о ней.

— Их уведут в другой лазарет! — ответил обер-артц, не объясняя, в какой и где он находится.

Это еще больше взволновало врачей: по таким заносам? Погонят в ботинках и шинелях по декабрьскому морозу?

— Где же я возьму южное солнышко? — сказал обер-артц как бы в свое оправдание и пригрозил:— Будете мне перечить — и вас в нее запишу!

Алексей Федорович не сдержался:

— Нам все равно куда — лишь бы быть с ранеными!

Калашников глянул на Оралова укоризненно, «обер» насмешливо:

— Посмотрел бы я, все равно или нет, если бы отправил с нею! — добавил он с ехидством в голосе. — Я бы сделал это, но — приказ!

И опять не разъяснил, чей и о чем.

Дойдя до Аكوпова, «обер» на миг заколебался. Его решение опередил Калашников:

— Он только что начал становиться на ногу. Опытный врач — будет нам помогать!

Обер-артц снисходительно махнул рукой:

— Пусть остается...

В этот же день всех, кого он отобрал в лагерь, построили во дворе и повели под охраной немецких солдат и полицаев.

Врачи смотрели через окно в операционной, как уводили тех, кого они не сумели отстоять, и тяжело вздыхали...

Ночью, задолго до рассвета, подняли команду номер один.

— Одеваться! Выходить по одному! — кричали полицаи.

Сами они и солдаты были одеты в полушубки, на всех — шапки и валенки. Видимо, не в ближний путь принарядились.

Яковленко шепнул Оралову:

— Я тоже с ними пойду!

Он быстро оделся, схватил десяток бинтов и двинулся к двери. Но его остановил конопатый полицейский:

— Назад, аптекарь!

Мстислав пытался объяснить, что он нужен раненым, чтобы оказывать помощь в дороге. Но тот только снисходительно хмыкнул:

— Они в ней не будут нуждаться!

Тогда Яковленко раздал бинты тем, кого выгоняли на мороз.

Вскоре с улицы послышалась команда:

— Арш! Не отставать!

Врачи пытались через окна посмотреть, куда завернут эту особенно большую колонну, в город или на заснеженную степную дорогу? Но сквозь наросшие за ночь наледи не разглядели. Когда утром всех врачей вызвали к обер-артцу, они по следам за проволокой догадались, что не в город, и еще больше затревожились — какой лазарет может быть в степи и в лесу?

Главный врач выглядел суровым, озабоченным. Его белые руки казались теперь обескровленными.

«Не о судьбе раненых у него тревога, а о своей шкуре!» — догадывался Оралов, связывая поспешную очистку

лазарета с положением на фронте: плохи дела у немцев! Вместо освобождения помещений для раненых красноармейцев, как обещал «обер», они теперь делают другое: до отказа забили свои госпитали...

Сказывалось это и на питании в лазарете. Кормить стали «гольцбротом», в котором чуть ли не половина древесной муки. Баланду уже варили лишь из гнилых овощей и плесневелых круп...

Заговорил главный врач скрипучим голосом:

— Вас тут осталось двенадцать медиков и сотня раненых по всем баракам. Перенесите в один барак — вам удобно будет их перевязывать и лечить.

Раненых перенесли.

Заснули тревожным сном. Перед рассветом полицаи заорали:

— Вставай, эскулапы! Грузить оставшуюся рухлядь на сани!

Заремба недовольно проворчал:

— Зачем же мы их переносили сюда?

— Чтобы плен не казался нам раем, Герман! — ответил за всех Яковленко.

Начали грузить. Полицаи подгоняли. Немцы, прибывшие с подводами, наблюдали и покрикивали: «Шнель!», когда кто-нибудь из медиков замешкивался.

Когда загрузили все подводы, медикам приказали идти следом. Полицаи и немцы сопровождали обоз верхом на лошадях.

На улице зменлась пурга, усиливая холод. Охранники подали команду ездовым:

— Рысью!

Заскрипели оглобли, заплясали дуги, замаячили впереди и с боков верховые, а врачи бежали сзади, стараясь не отставать. Ведь на санях раненые!

На железнодорожной станции обоз остановился около товарного вагона. Он не отапливался. Но в нем было тихо. Быстро перегрузив в него раненых, врачи собрались было обратно, в лазарет, но им объявили, что они поедут с ранеными. Яковленко разрешили вернуться в барак. Он нагрузил там сани соломой, забрал инструменты, остатки лекарств и бинтов.

В маленьком вагоне, кроме двухъярусных нар, ничего больше не оказалось. И чтобы разместить в нем больше ста раненых, пришлось класть их и под нары.

— Пропадем мы тут! — обреченно произнес немолодой боец, которого положили на пол около стены.

— По дороге будем вас менять местами,— утешил его Оралов.

Яковленко попросил конопатого полиция поискать железную печку. Тот усмехнулся:

— За день не померзнете — не на полюсе!

— Но сейчас и тут стоят такие холода!

— Заткнись, долговязый! — крикнул полицай и направил на Яковленко карабин.— Продырявлю твою башку, чтоб не гавкал!

Оралов загородил провизора собой:

— Стреляй и в меня, ирод! — Видя, что полицай на мгновение оторопел, осуждающе покачал головой:— Неужели в тебе не осталось ни капли жалости к искалеченным людям? Если боитесь, что он убежит, то найдите ее сами.

— И ты туда же...

— Ладно, Васька! — остановил конопатого другой полицай.— Я видел какую-то на свалке — кинем им. А то померзнут в дороге — нам же с мертвяками будет морока! Пусть уж лучше потом подохнут...

Алексей Федорович негодуяще вздохнул: один из них, что называется, смилостивился!

Через несколько минут полицаи бросили в вагон печку, ржавые трубы, два коротких обломка от деревянных шпал и какую-то корягу, затем принесли мешок «сухого» пайка и ведро воды. С грохотом задвинув дверь, они повесили на нее, по-видимому, замок.

— Как скот заперли! — возмутился Яковленко и, развязав мешок, добавил:— Хороший хозяин такой корм не дал бы даже свиньям!

В мешке лежала гнилая свекла, мерзлый картофель, а под ними — затхлый горох и закаменевший от мороза «гольцброт».

Медикам осталось место только около двери. Они постелили соломы и прилегли, тесно прижавшись друг к другу, тревожно думая, куда их везут, что будет с ними и ранеными.

Вагон был старый, и поэтому, как только поезд, двинувшись на запад, стал набирать скорость, в нем затряслись стены, застучали двери... Врачи перешептывались: надо было бежать еще в Вязьме...

Уже на первом полустанке, когда немного рассвело, состав надолго остановился, пропуская эшелоны на восток.

В пути длительные стоянки стали повторяться часто.

Медиков начало тревожить уже другое: далеко ли их везут, а главное, хватит ли на дорогу топлива, «корма» — к вагону на стоянках никто не подходил.

К вечеру на одной из станций Яковленко застучал в дверь. Но на стук никто не откликнулся. Тогда вместе с ним принялись барабанить по двери и врачи. Но и это не помогло...

К утру, когда дрова сожгли, принялись за солому. Но и ее скоро не стало. Печка остыла. Вагон тоже. Неприятный спертый запах, стоны раненых, бред заболевших сыпным тифом, изредка кем-то произносимые проклятия фашистам... Все это угнетало. Врачи не знали, что делать.

Было уже светло, когда Алексей Федорович сказал:

— Друзья, чтобы не закоченеть здесь, нам всем надо двигаться. Раненых, кто сможет с нашей помощью походить, потоптаться на месте, снимем с нар! Остальным — шевелить ногами, руками, садиться, ложиться на местах.

С этим все согласились. И началось. От топота ног, движений тел вагон закачало еще сильнее. Казалось, что врачи и раненые с повязками, с гипсом на ногах и руках, обнявшись, исполняют еще неизвестный танец жизни!

Лишь четыре человека из всего вагона не поддержали почин — они метались в жару без сознания. Осмотрев их, Оралов сказал врачам:

— Сыпной тиф... Хотя никому из нас не жарко и может увеличиться риск заболеть, но придется нам снять свои шинели и накрыть ими больных! Иначе они пропадут.

Калашников сразу поддержал его:

— Тифа нам все равно не миновать! А заболеть им мы могли бы уже в Вязьме — санпропускника там не было!

Алексею Федоровичу было жаль и себя и других врачей. Но по-другому поступить он не мог.

Врачей выручили девушки. Они отдали им две шинели, а сами укрылись втроем одной.

Но вскоре Оралов так промерз, что опять подал сигнал на «разогревание». Под топанье и качание тел Марина завела звонким голосом:

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На священную войну!..

Алексей Федорович улыбнулся находчивости девушки — на «священную», а не гражданскую, как написали авторы этой песни. Хорошо! Потом пели про «Катюшу», про «Трех танкистов», про пограничников, о Родине и партии. Песни

не только согревали, но и отвлекали от мерзкой действительности.

Дверь открыли на четвертые сутки, и сразу прозвучала резкая команда того сержанта, который отправлял их из Вязьмы:

— Аллес вег!

Где он был всю дорогу вместе с полицияями, которые сейчас стояли рядом с ним? Лица у всех — красные, носы синие, от каждого несет винным перегаром. Врачи смотрели на них с негодованием: не хватило бы сил не только у раненых, но и у них, если бы пришлось ехать в запертom вагоне еще.

Это был Смоленск.

При разгрузке было уже семь раненых, больных сыпным тифом. К ним присоединились хирург Калашников и один фельдшер. Двое умерли в дороге. Врачи сожалели, что не сумели довести их живыми, но успокаивали себя тем, что могли бы потерять и больше!..

Раненых увозили куда-то на машинах. Медицинских работников из обоих вагонов — второй прицепили к поезду уже в пути — построили в колонну и повели в город.

Алексей Федорович вспомнил, что от Вязьмы до Смоленска меньше двухсот километров, а везли их больше трех суток. «На черепахе бы, наверное, и то быстрее можно было доехать!» — подумал он и понял, что не ладится у гитлеровцев жизнь на чужой земле.

2

Измученные и совсем отошавшие, врачи, фельдшеры и медсестры, построенные в колонну, поднимались в гору медленно. Казалось, мороз вот-вот перехватит горло!

Каменные дома глядели заиндевелыми окнами безмолвно. Чужие машины с черными крестами проезжали мимо, чужие солдаты сопровождали колонну... Оралову подумалось, что вплоть до сегодняшнего дня его жизнь была связана с идеалами Красного Креста, под который он встал давно, чтобы лечить людей, скальпелем и лекарствами облегчать им страдания. Теперь его увезли дальше от фронта и ведут за проволоку, в лагерь, на воротах которого другой крест — ненавистный, фашистский! «Да, в Вязьме надо было бежать. Не прощу себе этого, — горько думал Оралов, вспомнив, как говорил об этом Заремба. — Родине могут помочь там, где сражаются, а тут... смех один, а не помощь».

Пройдя чуть ли не через весь город, пленные медики оказались у ворот лазарета, окруженного колючей проволокой. За проволокой виднелись два кирпичных здания. Оба четырехэтажные. Стекла были в окнах только одного дома. Второй, видимо, не успели достроить перед войной: зияли проломами окна двух верхних этажей, редкие листы железа составляли подобие крыши. Возле этого-то здания их и встретил уже немолодой исхудавший мужчина, одетый в серую командирскую шинель, черную шапку и кирзовые сапоги. Представился он главным врачом лазарета.

— Герасимов?! — узнав его, вскрикнул Оралов.

— Да, это с ним вы приезжали к нам в медсанбат, — нехотая напомнил Заремба.

В памяти Оралова тотчас возник вяземский обер-арти. Неужели и Герасимов стал таким же?! Его бывший ученик, коллега, начальник в Кубанском госпитале, коммунист? Как же он мог забыть обо всем?

Герасимов безразлично посмотрел на Оралова и сдержанно стал объяснять, что на первом этаже этого здания размещается инфекционное отделение, которое здесь называют заразным, на втором — терапевтическое. А корпус напротив занимают раненые.

— В подвале мы оборудуем санитарный пропускник. Котельная — за зоной. Траншеею от нее к нашим зданиям рыли сами, только не успели забетонировать лаз в тоннель. Комендант приказал сделать это немедленно. Иначе остановит котельную, а советских раненых к нам везут отовсюду! Может, кто-нибудь из вас сможет помочь?

Оралов слушал, а из головы не выходило: чем же заслужил Герасимов должность главного врача в немецком лазарете, какое совершил предательство?.. Правда, пока он еще не сказал ничего, что бы выходило за пределы обязанностей врачей: не хвалил немцев, не хулил русских. По душе пришлось Оралову и его слова о том, что «раненых везут отовсюду». Значит, наши воюют по-настоящему и немцев бьют не только под Москвой!

Яковленко тут же вызвался бетонировать лаз и потянул за собой Зарембу. Алексей Федорович недоуменно посмотрел на него.

— Надо, Герман! — тихо говорил Мстислав упирающе-муся врачу.

Тот с опаской поглядывал на бетономешалку и лопату.

Герасимов, конечно, видел, что перед ним стоит Оралов и врачи его армии, но, когда принялся рассортировывать колонну, сделал вид, будто не замечал их. Причем ни одно-

го медицинского работника он не пустил в отделение, пока они не перетрясли свое обмундирование.

— Больных сыпным тифом у нас и без вас хватает! — говорил он при этом.

Алексей Федорович оценил это положительно: поступает Герасимов по-человечески...

Рассортировав всех по группам, Герасимов вызвал дежурного фельдшера и приказал ему проводить врачей и медсестер по своим корпусам.

Оралова и трех девушек вел невысокий мужчина. Напротив небольшого кирпичного дома он сказал с пренебрежением:

— Дворец коменданта — выстроили в первую очередь! Там его кабинет и караульное помещение.— А перед четырехэтажным зданием невесело пошутил:— Раньше тут была фельдшерская школа. Так что передали ее нам по наследству!

В вестибюле первого этажа сидел немолодой немецкий солдат. На столике возле него горела керосиновая лампа,

Фельдшер кивнул ему:

— Новеньких веду, Курт!

Немец, видимо, уже привык к тому, что сюда днем и ночью поступают раненые и медики, и поэтому сразу подтвердил по-немецки:

— Да, да!

А фельдшер пояснил, что на этом этаже раненых нет.

— Здесь живет главный врач, охрана — немецкая и наша, русская,— сказал он с усмешкой.— Тут размещены склады, кухня,— и повел их на второй этаж.

«Где же жить обер-артцу, как не рядом со своими господами! — неприязненно подумал Оралов о Герасимове, и все, что он отмечал в нем как положительное, вновь затмилось.— Как же я не разглядел его ни в институте, ни на фронте?!»

В коридоре второго этажа было темно. Освещалась лишь комната, через открытую дверь которой были видны раненые, лежавшие на двухъярусных голых нарах. Оралов и его спутники невольно остановились, почувствовав тяжелый запах незаживающих ран.

— Электрического света у нас пока нет. Вот дежурная сестра и носится с лампой по всему этажу! — сказал фельдшер с сожалением.

Но здесь раненых поместили хоть в здание, а не в баракки из-под складов! Если бы вместо нар стояли койки, заправленные белыми простынями, была госпитальная одеж-

да и сменное белье! А то и тут повезло лишь тем, кто сохранил свои шинелишки.

— Там у нас аптека и маленькая перевязочная,— кивнул фельдшер в дальний конец коридора.

Для операционной и перевязочной на третьем этаже было выделено по одной комнате. В них уже кто-то поставил по столу, в фанерные шкафы положил инструменты. В перевязочной был и деревянный топчан.

Когда фельдшер показал маленькую ординаторскую, в которой врачи будут и спать, Оралов усмехнулся, вспомнив о своих врачах-великанах — Калашникове и Зарембе. «Вдвоем они тут как-нибудь еще поместятся, а мне придется отдыхать в перевязочной на топчане»,— решил он. Будет, конечно, неприятно после обработки гнойных ран в ней отдыхать. Но не проситься же к главному врачу.

Беспокоило Оралова и другое: тепло ли будет здесь? Не повторится ли вяземский лазарет? Он открыл рот и выдохнул: был виден пар! Похоже, что котельная, о которой с такой гордостью говорил обер-артц, отапливает хорошо только комнаты его и охраны. У них, наверное, установлены дополнительные батареи!

Фельдшер усмехнулся, поняв причину его волнения:

— По сравнению с тем, что здесь было, сейчас — рай!

Что было раньше и кто устроил им этот «рай», он не объяснил.

3

Разбудил Оралова какой-то густой, знакомый звук. Он сел на диване, не понимая, где находится. Ведь его, кажется, разбудил удар колокола?

Подойдя к окну, Оралов увидел купол церкви.

Справа от котельни, метрах в ста, просматривался обрыв, а дальше, под горой, ютился не то рабочий поселок, не то деревня. С завистью поглядел Оралов на ничем не огороженный месяц на небе, на еще тусклый отблеск золотого купола, на печально блестящий крест. За проволочным ограждением было видно часть шоссе, по которому проезжали немецкие машины, спешили сгорбившиеся солдаты, редкие прохожие. А по эту сторону проволоки белел пустырь с буграми свежей черной земли. «Здесь и хоронят...» — догадался Оралов. А то, что и в этом лазарете смертность большая, можно было не сомневаться, если и без них тут «хватало сыпного тифа».

Он вспомнил, что сейчас рождество. Значит, в церкви идет богослужение, поют о рождении Христа. Оттуда не-

сется веселый перезвон колоколов, а рядом гибнут люди. Вспомнилось, как он тоже мог стать священником, если закончил бы духовную семинарию.

...В Кострому Оралов приехал шестнадцатилетним юношей. По сравнению с его деревней Белехово, где ютились в лесу три десятка домов, и городом Макарьевом, в котором он учился четыре года в духовном училище, она показалась ему огромным городом. Шутка ли, в ней было тогда больше тридцати тысяч жителей! Он шел по деревянным тротуарам и с жадным любопытством рассматривал незнакомые улицы. Остановился возле прекрасного собора. Русские умельцы сработали это чудо. Кто они? Ему надо узнать.

А в городе кипела жизнь. Особенно многолюдно и шумно было на центральной площади, где прижимались друг к другу нарядные магазины и лавчонки: «мелочные», «пряничные», «красные» торговые ряды. И вдруг — книжная лавка! Робко, чего-то стыдясь, переступил он порог. Книги! Боже мой, сколько книг! Были знакомые и незнакомые — толстые, как Евангелие. Полистав одну из них, Алексей молча вышел. Книга ему не понравилась. И название непонятное: «Декамерон».

Двухэтажное кирпичное здание семинарии выходило фасадом на Волгу. Алексей видел славную русскую реку, которая легко несла на себе пароходы, баржи, плоты леса. Справа виднелось устье, а за ним сверкали позолотой кресты Ипатьевского монастыря. Оттуда доносился знакомый печальный перезвон. «Благодать-то какая, господи!» — восторженно прошептал он.

Поселили его в комнате, где жили восемь человек. Чего еще желать?

Почти все семинаристы в их комнате были «поповичи» да сыновья богатеев. Один лишь Филипп Степанов оказался из рабочих. Его родители жили в Костроме, но не приносили сыну, как другие своим, ни колбас, ни окороков, не баловали домашними булочками и конфетами. И ясно почему: его отец работал на красильной фабрике и имел большую семью.

Спокойно проучился Алексей лишь до конца второго курса. А потом началось.

Как-то на уроке у него так сильно разболелась голова, что неожиданно хлынула из носа кровь. Добрый, вечно пахнувший водкой латинист Ховрин отпустил его с урока. Алексей лег в траве за часовней, куда семинаристы обычно не ходили, и уснул. Разбудили его голоса. Осторожно

подняв голову, он увидел в двух шагах от себя владыку Питирима и незнакомого старого монаха, которые сидели на скамейке и оживленно разговаривали. Их речи смущили его. Оказывается, встретились два старых товарища. Не стесняясь и даже с удовольствием, сквозившим в их воспоминаниях, вспоминали они молодые годы, любовные похождения, пирушки...

Алексею хотелось подняться и убежать, но сделать это было нельзя, не обнаружив себя. Слушая похождения отца Питирима, он сгорал от стыда, потому что привык верить каждому его слову, когда тот излагал непорочную жизнь и учение Христа и говорил, что надо следовать во всем его примеру.

Наконец они поднялись и ушли. Алексей вскочил и помычался искать Филиппа Степанова, с которым дружил.

К его удивлению, Степанов, когда он рассказывал ему обо всем, что услышал, не возмущался и с изумлением смотрел на Алексея.

— Ты и правда верил тому, что есть бог?

— Как же иначе? Зачем же я приехал сюда учиться?

— Лешка, Лешка,— с осуждением качал головой Филипп.— Был ты деревней — таким и остался, хоть уже два года в городе. Верить библейским сказкам, а вокруг себя ничего не замечаешь.

— Ты не веришь, что есть господь?

Алексей нетерпеливо ожидал ответа.

— Верю... волку, ежу, а Питириму погожу! — усмехнулся Филипп и добавил: — Бог, он, может быть, и есть, но тогда не один, а два. Один для нас, бедных, другой — для них, богатых...

В самом деле, сколько нищих бродит по губернии, сдвигают зимой и летом у входов в церкви и монастыри, выпрашивая милостыню! Грамотные — среди одних зажиточных, а большинство мужиков не умеют ни читать, ни писать. Из всей их деревни Белехово он один и учится, потому что в сельской школе был первым не только по письму и арифметике, но и по закону божьему. Земство решило за свой счет отправить его в духовное училище, и отец согласился: «Езжай, Алешка. Тебя там будут кормить, одевать. Попы, они в масле купаются!» В училище Алексей глубоко верил в бога, считался «боженькиным учеником» и латинистом. Поэтому его и послали учиться в семинарию...

Слушая Филиппа, вспомнил Алексей и свою мать, которая умерла рано. К ней даже фельдшера не позвали, надеясь на чудо «святой» воды. Могла бы погибнуть и его

слепая бабушка, когда у нее начала «гореть огнем» рука. Он принес ей из Макарьева самой лучшей святой воды, которую святил сам отец Митрофан, но ни она, ни молитвы не помогали. Тогда, по совету учительницы, привели из соседней деревни усатого фельдшера. Ощупав толстыми пальцами руку бабушки, он покачал головой: «Флегмона... В момент укоротим». Подержав над лучиной блестящий нож, он легким движением провел по бабушкиной руке... Вскоре ей стало лучше... Алексей был в смятении: почему нож помог, а святая вода нет?.. Своими сомнениями он поделился с отцом Митрофаном. Тот ответил кратко: «Богу было бы угодно — вода помогла бы и без фельдшера».

Тогда легко и понятно все объяснялось: так богу угодно. Как же теперь? Отказаться от веры? Филипп уже намекает о каких-то людях, которые выступают против царя в защиту простых людей. «Нет, надо во всем разобраться», — решил Алексей. Когда сказал об этом другу, тот махнул рукой:

— Правильно, иди в книжную лавку к Евстратию Скворцову. Он тебя снабдит нужными книгами!.. Лишь плати ему...

Хозяин лавки Скворцов сначала насмешливо звал Алексея «бурсачком» и «владыкой», потом переменял свое отношение. «Ну что, Алеша, на этот раз тебе дать?» — сказал он и скрылся за дверью, а минуты через три вернулся с книгой. «Прочитаешь эту, найдем еще», — пообещал он.

За свою жизнь Алексей еще ни одну книгу не читал с таким волнением, как эту. Это было даже не чтение, а борьба с непонятным и непостижимым. Помогли словари.

При повторном чтении стали познаваться истины. И все же в голове не было ясности. Как же и кем был сотворен мир, откуда произошел человек? В семинарии продолжают твердить, что творец всего сущего — бог. И все, что делается на земле, от него, от всевышнего! А в этой книге говорится, что все произошло независимо от бога...

В конце зимы Скворцов обрадовал его еще, продав ему книгу «Происхождение видов путем естественного отбора».

Прочитав ее, Алексей, поверил, что виды животных и растений постоянно изменялись, начиная с простейших организмов, что растительный и животный мир создавался и совершенствовался в течение многих веков путем естественного отбора.

Алексей окончательно поверил: ничего сверхъестественного в сотворении мира и человека нет!

Своими мыслями он поделился с Филиппом. Тот внимательно послушал и спросил с тревогой за него:

— Не надумал ли ты бросить семинарию?

— Без веры в бога оставаться здесь я не могу,

Алексей задумался. Не верит и Филипп в бога, а терпит, учится, потому что после окончания этой «бурсы» сразу можно поступить в университет. Какой-нибудь богач раскошелится и на стипендию. Но тогда еще два года надо будет находиться в этих каменных стенах, низко кланяться, часто креститься, слушать елейные голоса воспитателей и усердствующих «бурсаков»!

— Нет, Филя, не уговаривай,— сказал Алексей.— Сдам экстерном экзамены на аттестат зрелости и поеду в Казань учиться на врача. Вычитал я, что попов у нас на Руси почти сто двадцать тысяч, а врачей в пять раз меньше! Бедных лечить некому. Вот священники и накачивают их «святой» водицей. Фельдшер же спас мою бабушку прикосновением скальпеля.

Степанов только покачал головой: до чего его друг дошел своим умом!

Вспомнив все это сейчас, Оралов с грустью подумал: «Специальность врача привела меня даже сюда, за колючую проволоку».

Но он не сомневался ни минуты в том, что, если бы пришлось начинать сначала, все равно не стал бы попом... А вот жена его, дочь протонерея из Казани, с которой он познакомился и подружился сначала как с пациенткой, когда на третьем курсе университета ходил к ним и лечил ее — надо было чем-то зарабатывать себе на жизнь,— была и оставалась белоручкой. Ему особенно запомнилось, как приехал он однажды поздно вечером из командировки и пошел с вокзала пешком. Во многих домах горел свет, через открытые окна слышались песни, мелькали танцующие пары. «Сегодня пасха!»— догадался он о причине такого веселья.— Немало еще людей отмечают этот религиозный праздник. Сказки живучи. Быстро от этого людей не отучишь. Хочется людям жить и после смерти — трудно поверить в небытие».

Когда он подходил к своему дому, то еще издали заметил, что все окна в его квартире ярко освещены. Неужели и у него идет пасхальное гулянье? Было похоже на то — песни слышались уже в подъезде. Поднявшись на второй этаж, он, как всегда, аккуратно открыл дверь и вошел в квартиру.

У Ольги были гости. За столом сидели подруги, и Ольга

в обнимку с бородатым терапевтом из больницы, которого Оралов как-то обругал за то, что тот принимал от больных подарки и «подавняши». На столе стояли недопитые бутылки, закуски...

Увидев мужа, Ольга с трудом поднялась ему навстречу.

— Христос воскрес, Алеша... Я ждала от тебя телеграммы,— произнесла она не совсем твердо.

Так и шло время, ничего не меняя в их жизни. Все тяжелее было оставаться под одной крышей, но кинуть жену не позволяла совесть. Все чего-то ждал, на что-то надеялся, словно стоял на распутье...

И дождался, пока Ольга сама однажды не сказала ему:

— Надоел ты мне. Дочь наша, слава богу, вышла замуж и уехала. Найди себе другую женщину и освободи квартиру.

Просто женщину найти, конечно, легко. А вот найти любимую, с которой можно было бы счастливо прожить последние годы, он считал невозможным...

4

Алексей Федорович поднялся рано. Не спали уже и сестры, Заремба. Оралов посоветовал:

— Давайте, пока обер-артц не позвал нас к себе, начнем перевязку.

Все согласились. Перевязали человек пятнадцать, но Герасимов почему-то не вызывал. Оралов посчитал, что ему стыдно с ними встречаться. Видно, совесть потерял не до конца.

Под вечер, когда они уже заканчивали работу, Герасимов вдруг сам зашел к ним и попросил всех собраться в перевязочной. Бледный, с воспаленными глазами, он не спеша и дружелюбно оглядывал каждого, но наталкивался на недоверчивые и пренебрежительные взгляды.

На топчане мест всем не хватало, и поэтому никто не садился. Стоял и Герасимов. Заговорил он не совсем уверенно:

— Это хорошо, что вы по своей инициативе перевязываете раненых, оперируете. Чем скорее мы вылечим их, тем будет лучше... для них и для нас — мы выполним свой долг.

Оралов подумал, что Герасимов и они теперь понимают долг по-разному.

— Но оперировать и лечить раны мало, можно сказать, даже не главное! — усмехнулся обер-артц.

Услышав эти слова, Оралов сурово нахмурил брови: с каких это пор хирургическая помощь на войне стала не основной?

Герасимов снова усмехнулся, поняв причину недовольства Оралова.

— Да, Алексей Федорович...— сказал он.

— Александр Федорович! — резко поправил его Оралов.

Герасимов не стал возражать и настаивать.

— Пусть будет так,— согласился он и, посмотрев прямо в глаза Оралову, спросил:— Петров, наверное?

— Он самый! — еще резче ответил Оралов, посчитав, что Герасимов уже сообщил о нем коменданту лазарета.

— Да, Александр Федорович,— повторил Герасимов,— сейчас у нас умирают и... немало, в основном, от тифа. Вся ваша хирургическая помощь окажется бесполезной, если мы не ликвидируем его! Поэтому призываю всех бороться с переносчиками этой болезни — вшами! — И он приказал, смерив каждого долгим, холодным взглядом:— Осматривать раненых и медработников — ежедневно! При обнаружении насекомых — белье и обмундирование сдавать в санитарный пропускник, а раненых — стричь, мыть!

Одна из медсестер хихикнула: в чем же они останутся, если нет сменного белья?

— Полежат голые! — резко ответил Герасимов, а потом добавил с сожалением:— Когда в корпусе станет тепло... А пока... сначала прожаривайте шинели, потом — остальное... Следите и за собой — смертность при сыпном тифе, сами понимаете, не обходит и медиков! А их у нас и так не хватает. Уничтожим вшей — спасем и раненых!

Алексею Федоровичу предложение Герасимова понравилось, с языка готовы были сорваться слова одобрения. Но он никак еще не мог побороть в себе неприязнь к Герасимову. Если бы так заботился вяземский обер-артц!

Герасимов, перед тем как всех отпустить, назначил Оралова старшим.

— Нам надо согласовать свою работу,— миролюбиво сказал он Оралову, когда они остались одни.

— Я хочу остаться рядовым врачом,— с вызовом поглядел на Герасимова Оралов.

— Об этом я знаю по документам! — отпарировал Герасимов и, посмотрев на Оралова с болью в глазах, подавленно вздохнул:— Алексей Федорович, мы одни. Зачем вам скрывать свое имя от меня? Смешно!.. Что нет Оралова

в списках прибывших врачей — это неплохо... Презираете меня?

Оралов посчитал, что терять ему уже нечего, и ответил определенно:

— Да, господин Герасимов!

— Уже и господин? Представляю, как назовут меня другие.

— Предателем, — жестко уточнил Оралов.

Герасимова от этих слов всего перекосило. Присев на топчан, он опустил голову. Что так может случиться, у него появлялась мысль и раньше. Но он гнал ее прочь. Разберутся в конце концов и поверят. Ведь не ради спасения собственной шкуры, не ради выгоды он согласился стать главным врачом.

— Вам виднее, Алексей Федорович... — произнес он наконец. — Но думаю, что на моем месте вы поступили бы точно так же. Я был и остаюсь коммунистом. Еще в гражданскую спасал наших людей. Об этом вы знаете — говорить нечего...

Герасимов понимал, что в глазах Оралова и его коллег он был прислужником фашистов, что и сейчас Алексей Федорович не верит ему. Но если бы его бывший учитель знал, как он попал на эту собачью должность...

Пригнали его сюда вместе с ранеными из-под Вязьмы. Завели в неотапливаемый, без крыши, окон и дверей корпус. Изголодавшие, измученные многодневным переходом, они тут и уснули.

Утром в ржавом бидоне им принесли «баланду». Все кинулись к нему, надеясь горячей пищей согреться, утолить голод. Началась давка.

Герасимов попытался навести порядок, образовать очередь.

Но его не слушали.

Еще не успели поесть, как вошли солдаты и приказали немедленно выходить во двор строить караульное помещение.

— Немцы уже знали, что я врач, и оставили меня с больными, ранеными, — продолжал рассказывать Герасимов. — Убрал я из помещения испражнения, поглядел на тифозных ребят, метавшихся в бреду, и заплакал от бессилия, что ничем не могу им помочь... За вторую ночь заболело тифом еще несколько человек. К утру двое умерли! Пошел я к коменданту лазарета. Кряжистый, с покатым лбом «ундер» выбыл на меня вылинявшими глазами, когда я через переводчика попросил его срочно вставить ок-

на, двери, сделать нары, отапливать помещение. «Ваши русские плохо работают,— ответил он мне.— Они все помрут, если быстро не построят мне дом и не проведут трубы из котельной! — И добавил:— Будешь обер-артием у меня». Я подумал, что это единственная возможность спасти раненых и больных красноармейцев, и решил сотрудничать с ним.

Анатолий Никифорович печально вздохнул и рассказал, как он собрал всех медиков лазарета и объявил им, что они вместе с ранеными мобилизованы на ремонт недостроенного здания, на рытье траншеи и форсированное возведение кирпичного дома.

— Кое-кто возмутился: мол, раненые и без работы умирают от истощения и отсутствия лекарств! Пришлось припугнуть: «Теперь я главный врач лазарета — правая рука коменданта. Не забывайте об этом!» Посоветовал поговорить с красноармейцами, объяснить им ситуацию. А часа через два сам пошел по палатам...

На краешках от бессонницы глазах Герасимова выступили слезы.

— До чего же отзвучивый наш народ, Алексей Федорович! И привычный работать коллективно — один ради другого! Верите, даже те, кто не мог ходить, ползком, с помощью товарищей добирались до второго корпуса и делали нары, конопатили полы, окна. Траншею рыли день и ночь, следом укладывали трубы. Люди падали, вставали, некоторые умирали, но инструмента из рук не выпускали, понимая, что в этом спасение их товарищей!.. Как только подвели к корпусу трубы, сразу начали строить санитарный пропускник с большой камерой для прожаривания обмундирования. Среди ребят нашлись инженеры, техники, жестянщики, слесари... Так что вам, Алексей Федорович, еще повезло: вас привезли в вагоне и поместили в эти «хоромы!»

Оралов слушал молча, лицо его утратило напряженность, взгляд смягчился. Он пересел ближе к Герасимову, который говорил:

— Здесь над нами поставлен какой-то немецкий санитар. Ему плевать на лечение... Мне он дал комнату. Но я редко в ней ночую — падаю от усталости в любом месте, когда больше не в состоянии держаться на ногах, и засыпаю. Ем «бланду» и «гольцброт», как и все,—на кухню главного врача и на порог не пускают. И мне, как и другим, попадает от этого «ундера»! — Анатолий Никифорович кивнул на окно:— Видели свеженарытую землю?.. Здесь

всех и хороним голыми — обмундирование заставляют прожаривать и отправляют будто в лагеря для военнопленных. Даже мертвым не дают отсюда выйти.

Алексей Федорович обнял Герасимова за плечи, тихо сказал:

— Ты прав, Анатолий, на твоём месте я поступил бы точно так же. С этих минут мы будем вместе...

Герасимов рассказал, как хотел бежать, пока их гнали сюда, но не побежал — не мог бросить раненых и больных среди дороги.

— А меня Конкин хотел увезти на дрезине, а в это время подъехал медсанбат... — не удержался Оралов. — Нам нельзя думать о себе, когда спасения ждут раненые! Так же и Карен...

— Я уже говорил с ним. Он не знал, что я «обер», и встретил меня с радостью. А думать о побеге и нам надо. На фронте наши руки и знания нужны, а не здесь, в гитлеровском плену. — Герасимов промолчал, потом в упор посмотрел на Оралова: — Я прошу вас, Алексей Федорович, быть хирургом-консультантом всего лазарета. Одновременно помогайте мне бороться с тифом. В этом у вас есть опыт еще с гражданской войны. Да сами не заболейте, оберегайтесь, — озабоченно посоветовал он. — Но что о нас, медиках, толковать? — Увидев через окно, как к воротам подвели новую партию раненых пленных, Герасимов произнес разочарованно: — Собирался часа два отдохнуть, но надо идти принимать!

Оралов глянул и узнал тех полицаев и солдат в шапках и в валенках, которые погнали раненых из Вязьмы в другой «лазарет». Осталось от них половина.

5

После разговора с Ораловым Герасимов уже не опускал глаза перед врачами своей армии. Ему даже легче думалось, когда он, раздеваясь, валился на топчан: ничего, что завтра надо снова раньше всех встать... Исхудавшие, обессиленные, пленные все еще нуждались в медицинской помощи, особенно больные сыпным тифом. А новых — не пригоняли. «Может, Красная Армия продолжает наступать?» — приходило ему в голову.

Как-то после утренней пятиминутки он пошел к коменданту просить для раненых матрасы.

— Нельзя дальше держать больных на голых досках! — заявил он «ундеру» через переводчика.

Комендант наморщил покатый лоб, недовольно хмыкнул:

— Мое дело — охранять пленных и кормить тем, что дадут. И вообще, русские — свиньи... Но и свиньям нужна подстилка! — Он нехотя взялся за трубку телефона, переговорил с кем-то и небрежно сказал: — Найдут матрасы.

Это Анатолий Никифорович понял и без переводчика.

— Ватные? — вырвалось у него.

Комендант усмехнулся:

— Ишь чего захотел! — И объяснил: — Матрасники.

— Тогда нужна и солома, чтобы набить их! — проговорил он.

— А где я ее возьму?

— На колхозных полях, — подсказал Герасимов, вспомнив, что видел сиротливо стоявшие стога на полях под Смоленском, когда их гнали сюда от Вязьмы. — Раненые сами привезут. Только дайте подводы.

Комендант заколебался: «колхозной» соломы ему не жаль. Но пленные могут убежать.

Обер-артц заверил его, что не убегут.

— За это я ручаюсь головой! — сказал он и провел ладонью по горлу.

— Гут, — согласился наконец комендант, но предупредил, что действительно отрубят голову, если хоть один пленный сбежит.

Лицо его приняло такое жестокое выражение, что Герасимов подумал: не поспешил ли дать такое заверение? Многие раненые и больные только и думают о том, как вырваться на свободу. Однако слово не воробей... Поблагодарив коменданта за «щедрую» заботу о раненых, он хотел уйти. Но тот остановил его:

— Не спеши. Приходишь ко мне, когда что-нибудь нужно для твоих больных. А что они говорят, о чем думают вместе с врачами, не сообщаешь!

«Он хочет сделать из меня осведомителя?» — Анатолий Никифорович почувствовал, как весь наливается гневом на этого разъявшегося на казенных харчах бюргера, и, пытаясь изобразить подобие улыбки, пошутил:

— Вы же, господин комендант, взяли меня работать врачом?

«Ундер» расвирепел. Его лицо от натуги покраснело, и казалось, что на нем вот-вот лопнет кожа.

— Мне не нужен такой помощник! — взвизгнул он. — И пикаких матрасников твои свиньи не получают!

Герасимов мысленно обругал себя за неуместную шутку.

Надо было опять «выслуживаться», и он виновато промолвил:

— Во всем воля ваша, господин коменданг. Но мне пока не о чем докладывать. Бежать отсюда зимой никто не собирается. А что говорят пленные, об этом вам известно от полицаев. Повторяю и я: они жалуются на плохое питание, на отсутствие белья, лекарств...

— Хватит! У нас тут не курорт! Будут роптать — посажу на одну воду!

Герасимов не сомневался, что «ундер» так и сделает, если его левая нога этого захочет.

— Гут, матрасы получите,— смягчился «ундер»,— а больше ничего... пока между мной и вами не будет настоящего контакта.

На крыльце Герасимов почувствовал мерзкий осадок от разговора с комендантом и возмутился: не дожидется «ундер» от него доносов! Бежать надо отсюда. Сбить группу из друзей и коллег и бежать! Пусть тогда полицаи об этом ему доложат.

Разгоряченный этой мыслью, он пошел в хирургический корпус и, уединившись с Ораловым в ординаторской, рассказал ему обо всем.

— Терпеть надо! — подбодрил Оралов друга.— А за соломой езжай сам и бери меня с Кареном — мы не положим твою голову на плаху.

Но Герасимову послал легкораненых. Просил их, чтобы они его не подвели...

К его радости, вернулись все. Привезли добротную солому, пахнущую морозной свежестью, травяным настоем. Когда следующим утром Анатолий Никифорович вошел в заразное отделение и остановился около дежурного санитаря, ему даже показалось, что от соломы и воздух стал чище. «Может, и умерло сегодня меньше, чем вчера?» — с надеждой подумал он и спросил об этом санитаря.

— Девять,— ответил тот.

Анатолий Никифорович с болью воспринимал потерю людей. Утешал себя лишь тем, что в первые дни отсюда выносили на пустырь чуть ли не через одного — по тридцать — сорок человек.

Нужны лекарства. Без простынь и сменного белья обойтись все-таки можно, а без камфоры, кофеина — нельзя. Особенно сердцу нужна поддержка! Из-за отсутствия лекарств по ночам и сестрам нечего делать. Вечером они ставят банки, промывают желудки, а потом больной сам должен бороться с недугом, без чьей-либо помощи. Только са-

нитары подают им воду, перевертывают их, присматривают за ними. Особенно жалел Герасимов больных девушек — их в лазарете было уже двадцать три. Они лежали, кто в небольшой комнате для женщин, а кто прямо с мужчинами — за перегородкой из полотна — и тоже метались в бреду.

Не уберется и провизор Яковленко. Его положили на то же место, где отвалился и Калашников. Возле него сидела Марина Травинова и смачивала ему ватным тампоном рот.

«Самому хозяину лекарств нечем помочь!» — тяжело вздохнул Герасимов, подходя к провизору.

Остриженный наголо, Яковленко казался таким длинным и худым, что был похож на мумию! Да разве он один на нее смахивает? Не лучше выглядели и лежавшие рядом с ним.

Анатолий Никифорович спросил Травинову:

— Как он?

Марина посмотрела на него грустными глазами, будто говорила — разве не видно, что очень тяжело?

«Надо идти на поклон к «ундеру», — решил Герасимов, — просить лекарств».

«Ундер» встретил его приветливо, посчитав, что главный врач пришел устанавливать «контакт». Но когда Герасимов заговорил о лекарствах, недовольно пробурчал:

— Русские живучие — обойдутся и без них! Кончится война победой Германии — тогда будет что дать и для пленных!

Он, видимо, опять имел в виду «трофеи», Герасимов приглушенно вздохнул:

— Улучшите хотя бы питание!

Командант, едва дослушав переводчика, крикнул:

— Хватит того, что они теперь лежат на матрасах!

В ординаторскую хирургов Герасимов зашел расстроенным.

Оралов слушал его сочувственно: для операций тоже нужны лекарства. Вспомнив, что в Вязьме Яковленко ездил по частным аптекам и кое-что привозил, предложил и здесь послать кого-нибудь по аптекам и больницам города.

— Найдутся и тут сердечные люди — пожертвуют!

Герасимов оживился.

— Но Яковленко болен? Отпустит ли кого другого командант?

— Тебя, — сказал Оралов и с улыбкой добавил: — Ты с ним в крепкой «дружбе». С собой прихвати Аكوпова — не

надо будет опять рисковать головой! Он у нас врач-терапевт и еще прихрамывает. Это тоже должно разжалобить местных лекарей. Заодно присмотритесь к местности...

Через окно Марина первая увидела, как Герасимов и Акопов выехали на подводе за ворота лазарета.

— Что-нибудь и нам привезут,— с надеждой сказала она.

Алексей Федорович поглядел на удаляющуюся подводу и мысленно пожелал друзьям во всем удачи.

Ожидал он их с нетерпением.

Они показались на шоссе в сумерках. Акопов шел сбоку саней и что-то поддерживал на них. Герасимов маячил сзади между двумя «телохранителями».

Оралов и Калашников спустились вниз и вышли во двор.

Акопов еще издали крикнул им:

— Есть кое-что!

Подвода подъехала к корпусу, и врачи разочарованно посмотрели друг на друга: на санях лежали металлические кровати с сетками!

— Кровати нам дали в одной больнице. Наши ребята их отремонтируют, и положим на них раненых летчиков. А медикаменты — здесь! — сказал Герасимов и начал вынимать из карманов ампулы, таблетки...

Акопов достал из шинели маленькую картонную коробочку, бережно передал ее Оралову:

— Для ваших раненых, Александр Федорович! Пожилая сестра сжалилась и тайком от врача дала десять ампул морфия!

Врачи понимали, что этих лекарств, безусловно, не хватит, чтобы вылечить всех раненых и больных. Но все-таки это был уже какой-то запас, и ради этого стоило унижаться Герасимову перед комендантом и частниками в городе.

6

Как-то в середине февраля, когда раненые уже редко заболели сыпным тифом и из лагерей для военнопленных меньше поступало таких больных, Герасимов подумал с надеждой: пожалуй, сам он уже не заболеет! И скоро весна. Анатолий Никифорович на мгновение остановился среди двора и с тоской посмотрел за проволоку: скорее бы таял снег, и они смогли бы убежать из этой тюрьмы, которую немцы называют лазаретом! Лишь долг перед ра-

ненными и больными да суровая зима удерживали их, а за чуть ли не круглосуточной работой забывался быт заключенных, полуголодное существование и несправедливость — что скажет «ундер», то и закон для всех!

«А где моя семья? Живы ли жена, дети?» — с тоской думал Герасимов о своих близких. После того как он отправил их из Белоруссии в первые дни войны в тыл, так и не знает, что с ними, где они.

«Надо терпеть!» — говорил себе Герасимов и шел по отделениям, к коменданту.

Не терял Герасимов и веру в победу, в возможность освобождения из плена наступающей Красной Армией. О ее успехах они знали от Аكوпова: его больные собрали радиоприемник, где-то его прятали. Ему, обер-артцу, было неизвестно об этом. Но каждый раз, когда Карен Манвелович говорил о сводках Совинформбюро, он смотрел на него с благодарностью.

«Подождем... Наступит весна, зацветет сирень, прекратится эпидемия тифа. Вот тогда...» — подбадривал себя Герасимов, думая о победе, и поднимал выше голову, чтобы все видели: на его лице нет ни малейших признаков тоски, уныния.

Но когда над землей в сумеречной дали уже завился весенний парок, а в лазарете осталось всего одиннадцать больных сыпным тифом, у Анатолия Никифоровича вдруг появилась апатия: он потерял интерес к лечению, перестал стремиться на свободу — хоть открой комендант ворота. Даже не страшно стало ему умереть от такой горемычной жизни: закопают вместе с ребятами, которых он и его коллеги не смогли спасти, и только. Вскоре у него появилась головная боль, и он понял, что заболел! Обидно стало до слез. Сотни людей вылечил, остался один десяток, и вдруг... Больных, конечно, долечат и без него — в этом Герасимов не сомневался. Но ему не хотелось, чтобы из врачей кто-то еще стал обер-артцем, принимал на себя клеймо «предателя»! Пусть бы он один с ним остался. Да и кого выберет комендант? Вряд ли кто захочет быть «изменником»... А каждый ли врач лазарета сможет устоять перед «ундером», не пошатнется ли в своих убеждениях?

«Только Оралова! Алексей Федорович может на меня обидеться, но лучшего главного врача не сыскать. Он отличный организатор, стойкий, сумеет поддержать других, если потребуется!» — перечислял достоинства Оралова Герасимов.

Медленно, покачиваясь, он побрел к караульному поме-

щению. Войдя в кабинет коменданта, от порога сказал «ундеру» о своей болезни и предложил временно вместо себя назначить Оралова. Тот тотчас согласился и замахал руками, чтобы немедленно уходил от него.

Герасимов увидел на лице своего начальника испуг и усмехнулся: хоть один раз, но он, главный врач, взял верх над «санитаром» лазарета!..

Оралов заволновался, когда его потребовал к себе комендант. «Неужели выдал кто, донес, что не Петров?» — думал он. Но, услышав от «ундера», что надо заменить заболевшего Герасимова, обрадовался и тут же растерялся. Быть обер-врачом? Он хотел категорически отказаться. «Но почему? — спросил себя Оралов. — Боюсь, что посчитают предателем!» — и ему сделалось стыдно за свою минутную трусость.

Оралов, согласившись, сразу направился в заразное отделение.

Анатолий Никифорович уже лежал на нарах. Он страшно извел себя за эту зиму. Кожа да кости. Глаза лихорадочно блестя, руки лежали безжизненно.

Увидев Оралова, Герасимов слегка улыбнулся.

Алексей Федорович с врачами-инфекционистами осмотрел Герасимова и вышел. Постоял с минуту во дворе, подставив лицо весеннему солнцу, и направился в санитарный пропускник. «Надо беречься, — подумал он. — Свалюсь — в лазарете еще на одного врача будет меньше, а на «предателя» — больше! И кто тогда будет готовить побег...»

Прсжарив белье и обмундирование, приняв душ, Оралов поднялся на второй этаж к терапевтам, где сделал обход, осмотрел больных и дал врачам такие полезные советы по лечению, что Акопов удивился:

— Александр Федорович, вы и во внутренних болезнях, оказывается, неплохо разбираетесь!

Оралов грустно пошутил:

— На то я теперь и обер-артц, Карен!

Уединившись с Акоповым в комнатке, которая служила врачам ординаторской и жильем, они заговорили о Герасимове.

— Умел Анатолий ладить не только с персоналом, но и с этим отъевшимся бюргером! За ним мы были как у Христа за пазухой, — сказал Оралов. — Придется потерпеть, не очень долго. Меня не оставляет мысль о побеге. Через месяц-другой можно будет уйти в смоленские леса... Да к

тому времени и раненых у нас поубавится, может, не будет совсем.

Якопов согласился: на освобождение надеяться пока не приходится — фронт остановился. А немцы кричат по своему радио, что летом возьмут реванш!

— Тем более, Якопыч, нам надо быть у своих...

Карен Манвелович перешел на шепот и сказал Оралову, что он уже нашел среди своих больных таких ребят, которые имеют связь с партизанами и помогут убежать отсюда.

— Из лазарета выберемся по траншее для отопительных труб! Помните, как Яковленко взялся заделывать в ней лаз? Он тогда сразу смекнул, что если с умом сделать, то можно оставить дорогу на свободу, и подсыпал в цемент песочка побольше...

— А я понять не мог, зачем он вызвался и Зарембу за собой потянул! — обрадованно произнес Оралов. — Останется тебе, Карен, надежно связаться с партизанами. Иначе нам не выбраться отсюда, а до фронта тем более не дойти.

В своем корпусе Оралов зашел к Яковленко. Здесь он увидел Марину Травинову, сидевшую на кровати. Она только что переболела сыпным тифом и была тонкая, как тростинка. Ширококосулое лицо ее казалось узким, будто усохшим, бледность на лице усиливалась от старенькой марлевой косынки, которой она прикрывала стриженую голову. Яковленко стоял за самодельным ассистентским столом и занимался приготовлением лекарств. Оралов подумал: «Да, они по-настоящему полюбили друг друга», — и напомнил:

— Когда-то у тебя, Мстислав, были разные приспособления, даже мотор для скоростного фильтрования!

— И здесь будут, Александр Федорович, когда придут наши. Но пока и так справлюсь.

Он кивнул на полки, где стояли разные склянки. Многие из них были пустыми.

— Ничего у тебя не прибавилось? — поинтересовался Оралов.

— Откуда же прибавиться? Немцы всю зиму драпали, трофеев у них нет. А из своего дали только бумажные бинты! Как говорят на Украине: на тоби, боже, що мени негоже!

В его голосе слышалось не только разочарование, но и гордость за победы на фронтах.

— Будем добиваться, Мстислав, — я теперь обер-артц!

— Да ну? — удивился Яковленко. — А как же...

Он не договорил, намекая на «маскировку» Оралова.

— Наверное, немцы уже привыкли, что я Петров.

— А вдруг среди наших заведется шавка и гавкнет?

Оралов пожал плечами:

— Я все равно был у всех на виду. Только в заразное отделение заходил реже. — Увидев, что Марина поднимается и ждет его распоряжения, он сказал: — Оставайся тут, Марина. Помогай Мстиславу. Вдвоем вам будет легче.

Травинова опять села на кровать.

Алексей Федорович вышел из аптеки в хорошем настроении. Любовь нельзя убить ни тифу, ни «ундеру» со своей охраной, ни такому аду, как плен.

Калашников, узнав о назначении Оралова, шутливо покачал головой:

— Надоело вам быть в моем подчинении? Не будете мстить за то, что я вас иногда прижимал?

— Да уж как водится, Алексей Ефимович! — отшутился Оралов. — Напущу на вас «ундера»!

— На себя беды не накличете! — предостерег его врач.

7

Делая обходы, осматривая раненых и больных, Оралов чувствовал себя словно в годы после гражданской войны, когда он был главным врачом Кубанского госпиталя. Тогда они тоже боролись с сыпным тифом, долечивали раненых. Разница с тем, что было сейчас, состояла лишь в том, что лежало в нем по тысяче с лишним человек, но ни усталости, ни упадка сил он не ощущал, как в этом лазарете — Оралов чуть ли не на каждой лестничной площадке останавливался отдышаться, у него часто кружилась голова. Поднимаясь по этажам, Алексей Федорович подбадривал себя:

— Взятся — надо дотянуть до выздоровления Герасимова!

Как-то, проверяя работу санитарного пропускника, он сказал фельдшеру:

— У нас в Кубанском госпитале после осмотра на историях болезней ставили штамп: «Проверено. Вшей и гнид нет».

Тот усмехнулся, посчитав, что старший врач шутит.

— Это только саперы прикрепляют таблички: «Проверено. Мин нет». Мы медики...

— А вы думаете, одна заразная вошь унесет меньше жизней, чем мина? — спросил Оралов и сам же убежденно ответил: — Больше! Поэтому, братец, и вы пишите так.

— Зачем же такая формальность, Александр Федорович? Тифа у нас скоро вовсе не будет!

— Тем более вам надо усилить контроль, чтобы не допустить новой вспышки!

Оралов ушел, а фельдшер сокрушенно покачал головой: Герасимов тоже не давал покоя, но этого не требовал!

Алексей Федорович решил все-таки заглянуть и на кухню — с наступлением жаркой погоды она может стать источником отравлений, распространителем болезней!

Повар-немец удивился его приходу и крикнул, чтобы он тотчас вышел.

Оралов сказал, что он теперь главный врач и хотел бы посмотреть, как они готовят пищу, обрабатывают продукты.

— Вон! Нас сам комендант проверяет! — заорал солдат и вытолкнул Оралова в коридор.

Алексей Федорович налился гневом. Что он, пленный врач, для солдата-завоевателя? Тот может его тут же пристрелить — и не будет за это отвечать. Вспомнив, что и Герасимова на кухню не пускали, Оралов горько вздохнул и медленно пошел, стараясь успокоиться.

На пятиминутке он вел себя нервно — все никак не мог успокоиться. Под конец сказал:

— Давайте проведем субботник: уберем территорию, помоем окна, двери...

Калашников спросил:

— С комендантом лазарета вы говорили об этом?

Оралов поймал себя на мысли, что опять забыл, что тут он только старший среди пленных врачей, а не главный врач Кубанского госпиталя, где не надо было ни на кого оглядываться.

— Я сегодня же схожу к нему... Всех раненых и больных на двор! Кто не может сам — выносите. Свежий воздух для них — тоже целебное средство. Особенно здесь, при недостатке лекарств...

Идти к «ундеру» Оралов не спешил. Он побывал в палате летчиков, которую вел сам.

— Всем — на воздух! — сказал им Алексей Федорович.

Отважный летчик и душевный человек Иван Гаврилович Тополь, которого раненые сами выбрали старшим палаты, пошутил:

— Если бы вы скомендовали нам «в воздух», то мы бы моментально поднялись туда!

«Неунывающий, несгибаемый народ эти летчики!» — Оралов приободрил улыбкой ребят и пожалел, что и они попадают в плен, когда их сбивают над территорией врага.

Вот и Тополя недавно привезли в лазарет с переломом бедра — без обезболивающих средств, с плохой фиксацией костей он лишь иногда глухо постанывал.

По дороге к коменданту лазарета Оралов решил не показывать своих знаний немецкого языка, а говорить через переводчика. Почему он, врач, должен говорить на языке «ундера»? К тому же, пока ему будут переводить слова коменданта, он успеет подумать, что отвечать.

«Ундер» встретил его с улыбкой:

— Новый обер-артц тоже пришел просить лекарств для русских?

Оралов насторожился: отчего он весел? Ответил сдержанно:

— Вы угадали, господин комендант. Но не только их...

— Скоро германская армия возьмет реванш — будет много-много всего!

Значит, весел потому, что уже идет весна, а с ней должна быть и победа. Но чья?.. Оралов верил в свою и поэтому невозмутимо сказал:

— Пока разрешите нашему аптекарю съездить за ними в город...

— Никаких больше поездок — подождете! — не согласился на этот раз «ундер». О кухне заявил тоже категорически: — Не суйте туда носа!

— Без врачебного контроля она может стать рассадником болезней, вспыхнет дизентерия — как зимой сыпной тиф! — пытался доказать Оралов.

— Не успеет! — самоуверенно сказал «ундер».

Чтобы всюду было чисто и «культурно», он не возражал.

— Пусть русские почистят двор и свои конюшни.

У Оралова чаще забилося сердце, хотелось сказать, что Красная Армия скоро собьет с них спесь, отомстит за все унижения и оскорбления, за убитых и покалеченных. Но разум опять приказывал молчать, терпеть и быть «покорным».

Оралов вышел во двор. Чувствовался теплый, волнуемый запах полей. Даже травка пробилась наружу на пустыре! Человеку тем более хочется вырваться из четырех стен, куда он прятался зимой от холодов и метелей, вдох-

нуть полной грудью пряного воздуха. Алексей Федорович готов был хоть сейчас бежать отсюда к партизанам или пробираться через линию фронта. Если бы был здоров Герасимов! Надо особенно внимательно следить за Анатолием Никифоровичем — слишком слаб он! Другие больные, которые лежат с ним, уже ходят, а он еще — пласт пластом!

Поднявшись с остановками на третий этаж, Оралов зашел в ординаторскую хирургов и подслылся с ними мыслями о победе.

Калашников заговорил особенно обеспокоенно:

— Тогда больше не ходите в заразное отделение — занимайтесь только своим делом. А то тоже свалитесь, и все пропадет.

— Я поздоровее вас всех! — похрабрился Оралов, а про себя подумал: «Где там! Пожалуй, он прав».

8

Неохотно выходили на улицу худые, одетые в старое, рваное обмундирование раненые и больные. Некоторые возмущались:

— От голодухи ноги не тянем, а врачи заставляют еще и работать!

— Придумали! Двор убирать! Для кого? Для гитлеровцев?

— Зачем нам гармонь, если все равно под нее не петть — подохнем или пристрелят!

Оралов подумал: может, не надо было организовывать этот субботник? Пусть бы солдаты и полиция сами выгоняли людей на уборку мусора, на расчистку двора...

Тополя вывели под руки товарищи и усадили на самом видном месте, там, где уже разместились другие раненые, которые не могли работать.

Девушки обкладывали могилы дерном. Обласканные нежным дуновением ветра, согретые ласковым солнцем, они работали с приподнятым настроением, радуясь, что дожили до весны.

Оралов вспомнил рассказ Герасимова, как дружно шли раненые ремонтировать здание, и подумал, что Анатолий Никифорович прав: привык наш народ интересы коллектива ставить выше своих. Если у наших людей даже здесь, за колючей проволокой, не вытравили фашисты дух товарищества, взаимной поддержки, то это что-то значит... Та-

кой народ никому не победить! Единицы трусов и предателей — не в счет.

Вчера Оралова порадовал Герасимов. Он впервые поднялся при нем и с минуту постоял. Алексей Федорович попросил соседа по нарам помочь, и они вместе провели его по палате.

Прошел Герасимов метра три и повис у них на руках. Но и эти его первые шаги вселили надежду: он будет жить, скоро окрепнет, и они уйдут...

В середине мая в лазарет неожиданно приехал инспектор-врач со своим помощником, который был, по-видимому, фельдшером и одновременно переводчиком.

Осмотр больных инспектор начал с терапевтического отделения.

Акопов постарался «услужить»: подсовывал лишь таких, которые еще нуждались в лечении. Но помощник инспектора строго следил за всем и вскоре догадался, что среди пленных есть и здоровые. Он сказал об этом инспектору.

— Развели тут бездельников!— закричал тот на Акопова, когда обнаружил человек десять уже поправившихся.

Оралов молча наблюдал за осмотром и думал: в Вязьме обер-артц очищал лазарет из-за приближения фронта, а этот для чего? В нем крепло желание попробовать, как только врач успокоится, отстоять не «совсем здоровых». Даже Акопова попросил:

— Помолчи, Карен! Господину инспектору виднее,— последнюю фразу он для того добавил, чтобы «выслужаться».

В заразном отделении немецкий врач лишь постоял около двери и брезгливо посмотрел на больных в огромной палате.

Оралов доложил, что вместе с главным врачом лазарета в палате лежит уже меньше десяти человек.

— Нам бы лекарств, улучшить питание — мы бы скоро их долечили!— закончил он, надеясь на помощь инспектора.

— О-о, в этом я вам помогу!— обещал немец.

В хирургическом корпусе инспектор сразу направился в перевязочную, приказал своему помощнику надеть халат и снимать с раненых повязки. Калашникова и Зарембу к столу не подпускал. Лишь Марине разрешил подавать инструменты, салфетки.

Но под повязками были, в основном, плохо заживающие раны, и поэтому инспектор не кричал, не возмущался.

Оралов надеялся, что про раненых с гипсом он забудет, и все обойдется мирно.

Напрасно! Инспектор пошел по палатам.

В палате у летчиков и танкистов, где лежало человек пятнадцать с гипсовыми повязками, он пристально вглядывался в каждого. Больные, поняв, зачем приехал этот немец, постанывали, обозначая на лицах «боль» и «страдания».

Но к удивлению Оралова, врач, по каким-то ему лишь известным признакам, точно разгадал, кто из них здоров и только притворяется.

— Пока снять гипс у этих двоих,— сказал он своему помощнику.— Потом будет видно...

Поколебавшись, он кивнул на Тополя, единственного, кто держался бодро, не морщился от «боли».

Алексей Федорович украдкой вздохнул облегченно: может, Тополь их реабилитирует.

Марина схватила ножницы для разрезания гипсовых повязок и хотела сама снять гипс у летчика. Но врач со сладкой улыбкой остановил ее, сказав, что мужчины должны быть джентльменами, и приказал это сделать своему помощнику.

Калашников посерел, у Зарембы зашевелились скулы, а Марина засуетилась.

— Я знаю, где мы клали тоньше слой!— торопливо подсказывала она немцу.

Летчик вскрикнул от нестерпимой боли, когда фельдшер начал снимать ему гипс. Инспектор равнодушно поглядел на Оралова, который сдержанно объяснял, что сроки лечения в лазарете несколько длиннее из-за истощения раненых и отсутствия лекарств. Поэтому и гипсовые повязки не снимают дольше обычного, чтобы не было вторичного перелома.

Вдруг под ножницами фельдшера что-то лязгнуло.

— Ай!— вырвалось у Марины.

Фельдшер удивленно глянул на нее, вопросительно на своего врача. Осторожно извлек из гипса какой-то маленький предмет, завернутый в целлофан, снова посмотрел на своего начальника, словно спрашивая, что делать дальше.

Тот нетерпеливо кивнул головой.

Фельдшер развернул целлофан и на мгновение замер, увидев орден, а инспектор, пораженный находкой, широко раскрыл глаза и, взяв орден, изумленно произнес:

— Лэ-пин!

«Мой орден!»— чуть было не произнес Оралов и сделал шаг к оцепеневшему инспектору.

Тополь приподнялся на локтях. Увидев орден, мигом окинул взглядом врачей: чей же он? Раненым незачем прятать у него — они сами в гипсе. А у врачей лишь главный, вероятно, был кадровым военным. Значит, его? Так или иначе, ему надо выручать этих заботливых врачей, которые подолгу держат в лазарете его товарищей, не позволяя коменданту угонять их в концлагерь.

— Чего вы так испугались? Не мину же нашли, а мой орден! И доктора тут ни при чем — я сам замуровал его, чтоб не отобрали!

Инспектор уже поборол оцепенение и закричал:

— Чей? Чей?

Оралов лихорадочно думал: что же ему теперь делать? Сказать, что орден его,— тогда надо объяснить и кто он, за что получил такую редкую для врача награду?

А немец уже грозил отправить всех в лагерь.

— Может, у кого-нибудь из раненых вы и бомбы прячете под гипсом? Марш все к коменданту!

Алексей Федорович вздохнул: орден, кажется, спасает от угона в концлагерь не один десяток раненых! Лишь бы не вернулся к ним инспектор снова!

Марина хотела остаться. Но ее подтолкнул к выходу фельдшер:

— И ты тоже, сестрица-минерша!

— Я сказал, что орден мой! Почему вы повели врачей, а меня бросаете на столе?— возмущенно прокричал Тополь.

Инспектор остановился: что говорит раненый? Переводчик пояснил. Врач возмутился поведением летчика и приказал:

— Поднимайся! Пойдешь с нами к коменданту!

— Я сам не дойду!— категорически заявил Тополь.

Врач глянул на высоких Калашникова и Зарембу и усмехнулся:

— Вот они помогут!

— Тогда позвольте хоть загипсовать...— попросил Оралов.

— Найн! Найн!— визгливо запретил врач и двинулся к выходу.

За ним пошел Оралов. Врачи подхватили раненого под руки и поволокли следом.

Марина шла сзади и кусала губы, чтобы не расплакаться.

ся, не показать свою слабость перед гитлеровцами! Было обидно, что так легко нашли орден Алексея Федоровича. Она немало поволновалась за него еще в Вязьме, когда «нашла» его под шиной Акопова и по совету Мстислава за-гипсовала. С Акоповым орден приехал и в Смоленск. Когда ему сняли гипсовую повязку, орден решили хранить у Тополя, который должен был лежать в лазарете еще долго. Прятали от коменданта, от солдат и полицейав, а на-шел «врач-джентльмен»!

Перед выходом из здания Калашников успел шепнуть Оралову:

— Вы ничего не знали! Признаетесь, что ваш,—сорвется побег!

«Калашников прав»,— терзался про себя Оралов... Что он не знал, где хранится орден,— это правда.

— Подождите здесь,— сказал инспектор, когда они вошли в коридор к коменданту, и кивнул своему помощнику: останься-де здесь.

Первым вызвали на допрос Оралова.

«Ундер», в отличие от инспектора, заговорил спокойно, но с упреком:

— Я вам доверял, не вмешивался в лечение, а вы держите здоровых людей и еще прячете от меня вот это! — кивнул он на лежавший перед ним на столе орден.

Сдерживая волнение, Оралов негромко ответил, что лечили они раненых и больных «на совесть», и добавил:

— Я и просил у вас, господин комендант, лекарств, улучшить питание для того, чтобы ускорить их лечение...

— Довольно! — прервал Оралова комендант.— Кто за-прятал эту железку в гипс и чья она?

— Кто прятал, я не знаю...

«Ундер» нетерпеливо махнул короткопалой рукой, не требуя ответа на вторую часть своего вопроса:

— Разберемся... Сейчас иди с господином инспектором и соберите ему для осмотра всех медсестер. Половину из них он отберет для работы в других лазаретах. После — ко мне!

Вот для чего приехал инспектор! Побольше отправить в лагерь людей, забрать медицинских сестер. Теперь ему, главному врачу, не отстоять больных Акопова и тех двух летчиков, которым сняли гипс! Хорошо еще, что орден помог, иначе почти всех бы летчиков и танкистов увезли из лазарета, а врачи при побеге думают взять их с собой — летчики и танкисты нужнее Красной Армии, чем рядовые, а всем не убежать,

В коридоре врачей и Тополя уже охраняли полицаи. Оралов, проходя мимо Калашникова, еле заметно кивнул ему головой: дескать, так и держаться!

Инспектор осматривал девушек необычно. Он заставлял их раздеваться и не столько слушал стетоскопом, сколько ощупывал мышцы на руках, на бедрах, заглядывал в рот на зубы. После ухода каждой грязно и цинично оценивал.

«Не врач, а барышник! — неприязненно думал Оралов об инспекторе. — Так для перевода в другой лазарет не отбирают».

Алексей Федорович жалел девушек. На лихое время пришлось их молодость, но он был бессилён чем-либо им помочь...

Со второго этажа виднелся двор, и Алексей Федорович часто заглядывал в окно: не выйдет ли кто-нибудь из врачей от коменданта? Особенно тревожился за Зарембу. Герман Сергеевич после тифа стал вспыльчивым, неуравновешенным. Он часто проклинал фашистов и полуголодное существование в неволе.

«Силы нет терпеть! Надоело!» — кричал он.

В дом коменданта поспешно прошёл старший полицай, и Оралов заволновался ещё больше — «ундер» позвал и «цепную собаку».

Вскоре вышел Калашников. По его обычной неторопливой походке Оралов не мог определить, как идет допрос, но понял, что хирург от всего отказался. А вот и появился Заремба. Спустившись с крыльца, он оглянулся по сторонам и, повернув голову к дому, неожиданно высунул язык. «На, выкуси!» — так понял Оралов выходку врача.

Из первого корпуса навстречу Зарембе шел Яковленко. Они с минутой о чем-то поговорили, и Мстислав пожал своему земляку руку. «Значит, и Заремба не сплоховал! — удовлетворенно отметил Оралов. — Теперь осталась там одна Марина».

Алексей Федорович вздохнул: девушке будет особенно трудно отказаться. Она не только накладывала гипс со своими подругами, но еще и вскрикнула, когда фельдшер наткнулся на орден.

По списку для осмотра была и Травинова. Но инспектор, узнав, что это та самая девушка, которая сейчас у коменданта, против ее фамилии сразу поставил крест.

«Видимо, считает, что ей уже не миновать кары!» — подумал Оралов и заколебался: может, все-таки пойти к коменданту и сказать, что орден его. Пусть отпускают девушку, летчика... Но тут он увидел выходящую из комна-

датуры девушку и даже чуть не вскрикнул: «Вот и Марина!»

Безжизненную полусогнутую раненую руку она поддерживала ладонью правой, глаза ее блстели от слез.

Мстислав, поджидавший Марину во дворе, обнял девушку за плечи и повел в корпус.

После окончания осмотра Оралов спросил инспектора:

— Все же куда вы их забираете? Для лазарета так не осматривали бы...

— Конечно, нет. Их повезут работать в Германию! — не скрывая, ответил он.

К коменданту Оралов попал уже вечером. От спокойствия «ундера» не осталось и следа. Лицо его было свекольным, глаза злые и так сверлили Оралова, что тому стало не по себе.

— Все твои коллеги врали, а девчонка — больше всех! — негодуяще выкрикнул он. — Считаю меня за дурака! Кто поверит, что раненый сам спрятал под гипс эту железку?

Он опять кивнул на орден.

Комендант посадил летчика с наполовину разрезанной гипсовой повязкой под арест в маленькой комнатухе за стеной кабинета.

— Отбить кусок гипса не так уж трудно, господин комендант. А развести новый и замазать — еще проще, тем более гипс у нас не под замком...

— Спрятать! И так, чтобы к нему прикасалась одна медсестра! Я тогда буду знать, кому снимать голову!

— Сегодня же сделаю, господин комендант, — угодливо обещал Оралов.

Комендант понизил голос:

— И надо найти, кому ОН принадлежал! — «Он» комендант произнес с оттенком уважения и страха. — И мы найдем. Нас не проведешь! Таких асов, как ваш Тополь, мы знали еще до его плена. Первый орден он получил в Испании, второй в Монголии, а третий — уже здесь. Но не Ленина. Ленин — не его! Вместе со старшим полицаем помогите найти, кому он принадлежал! Не найдете — передадим всех вместе с раненым в руки гестапо! — пригрозил комендант и устало откинулся на спинку стула.

Пережитые за день волнения Оралову не давали уснуть. В его сознании не укладывалось, что так нелепо орден по-

пал в руки фашистов. «Но он спас много раненых от угона в концлагерь — инспектор прервал осмотр!» — пытался успокоить себя Оралов. Однако это не помогало.

Почувствовав, что у него заболело колено, он встал с топчана и подошел к окну. Над затемненным старинным городом, едва не касаясь креста на церкви, зависли отяжелевшие темно-серые тучи.

«Будет дождь — теплый, летний», — подумал Оралов, вспомнив, что последний весенний месяц тоже кончается. А они о побеге пока только думают. А бежать надо, и скорее, — вдруг унюхают «собаки коменданта», что орден его?

Алексей Федорович надеялся, что медицинские работники лазарета его не выдадут, как не предали вчера хирурги и медсестра Травнинова. Комендант бил девушку ремнем, старший полицай выкручивал ей руки! Но Марина твердила, что она ничего не знала и не видела. Во время снятия гипса вскрикнула потому, что ей показалось, будто у раненого хрустнула кость... Среди раненых и больных у старшего полицая, по-видимому, есть «свои» люди. Но они, очевидно, не видели армейского хирурга Оралова до пленя. Иначе уже давно донесли бы о нем.

Вчера Марине посочувствовал солдат Курт. Когда она немного успокоилась и спустилась на первый этаж за ужином, он остановил ее, быстро сунул ей в руки галеты и по-русски тихо сказал:

— Все будет карошо, Марина! — и тут же отошел от нее.

«Может быть, он поможет нам бежать? — с надеждой подумал Оралов. — Надо его прощупать».

Лишь под утро Оралов задремал...

В терапевтическом отделении Акопов сказал Оралову, что все сотрудники и раненые верят, что орден принадлежит Тополю.

— Карен, пока это неплохо, — сказал Оралов. — Только давай сначала осмотрим твоих больных, а потом уж поговорим.

Те красноармейцы, которых инспектор признал здоровыми, еще с надеждой смотрели на Алексея Федоровича, а он лишь беспомощно пожимал плечами и горько думал: «Лагеря им теперь не миновать».

После обхода Оралов решительно заявил Карену:

— Надо, Акопыч, уходить! Дознаются до всего — упекут нас к гестаповцам. Да и фронту мы нужнее.

Черные глаза Карена Манвеловича радостно засветились.

— Нужно сматываться и потому, что на нашем фронте пока тихо. Может, как раз к наступлению подгадаем! А то что-то фрицы сильно бахвалятся, будто под Харьковом много наших войск окружили.

— У тебя уже есть связь с партизанами?

— Только обещают...

— Устанавливай скорей, Карен! — нетерпеливо попросил Оралов. — Я зайду в инфекционное отделение, расскажу обо всем Анатолию и посоветуюсь с ним...

Герасимов лежал на нарах грустный, необычно подавленный.

— Я уже все знаю, Александр Федорович, — опередил он Оралова и со вздохом добавил: — Плохи наши дела...

— Да ты что, Анатолий? — удивился Оралов, пытаюсь подбодрить друга, и глянул по сторонам.

Больные и врач-инфекционист, ожидавший его рекомендаций по лечению Герасимова, ловили каждое их слово, надеясь, видимо, услышать подробности об истории с орденом.

— Вот что, Анатолий Никифорович. Поднимись и выйди со мной на воздух — у тебя сразу прибавится настроения... — предложил Оралов, рассчитывая там поговорить об организации побега.

— На общем дворе нам нельзя появляться, а своего — нет. Увидит меня комендант — живым закопает! — невесело пошутил Герасимов.

— По-моему, наоборот, обрадуется, что главный врач уже твердо стоит на ногах!

Герасимов вопросительно посмотрел на Оралова. Поняв, для кого нужно «твердо» стоять, ответил с намеком:

— Справитесь без меня, Александр Федорович. Мне, видно, уже не суждено...

— Инспектор обещал дать лекарств — в два счета тебя поставим!

Анатолий Никифорович виновато улыбнулся:

— Понимаю, что хандрю. Но сейчас из-под меня будто опору выбили!

Алексей Федорович крепко пожал худую костлявую руку Герасимова:

— Не падай духом, обер-арти! Мы еще поработаем вместе!

Когда же Оралов вышел из отделения, настроение и у

него упало! Анатолий еще слаб! А без него им нельзя уходить. Но надо готовить людей, находить связь с партизанами и ожидать окончательного выздоровления Герасимова!

Алексей Федорович поднялся вновь на второй этаж к Акопову. Невесело сообщив ему о состоянии их земляка, он попросил:

— Берись, Карен, за подготовку побега! Я сейчас на виду — мне нельзя. Могу быть твоим связным, раз каждый день хожу по отделениям.

— Этого мало, Алексей Федорович. Вы лучше меня знаете врачей и фельдшеров, их настроение. И кого брать из раненых...

— Тут ясно — летчиков и танкистов!

— С ними и начинайте потихоньку говорить.

— Это сделает Тополь, если комендант освободит его из-под ареста, а уж если отправят его в тюрьму, что маловероятно, то тогда я...

— Ну, а выйдем отсюда по траншее в котельную и айда — как предлагал Яковленко. Летом котельная работает у нас только в банные дни, не охраняется и не освещается. Пока подберем группу, Анатолий с Тополем выздоровеют.

— Учти, только ты, я и Яковленко будем пока знать о подготовке к побегу, — уходя, предупредил Алексей Федорович Акопыча.

Провизор встретил Оралова с виноватыми глазами, посадил на кровать и сам опустился рядом. Подперев свое усталое лицо большими ладонями, глухо произнес:

— Простите, Алексей Федорович, что не могли уберечь ваш орден от этих «горилл»!.. Я предложил спрятать его еще в Ванино... Сначала в лекарствах, а потом под шину, в гипс...

— Не ты, Мстислав, виноват, а случай... И взяли они его не даром — оставили здесь летчиков и танкистов, которые побегут вместе с нами.

Яковленко выпрямился, его карие глаза загорелись удалью.

— Решили? Я давно вам говорил и ручаюсь, что все будет точно — как в аптеке на весах! Пробить вход — раз плюнуть.

— В этот момент в санпропускник назначим дежурить надежных ребят, — сказал Оралов.

— Я подготовлю Марину и ее подруг. Они помогут...

Оралов отрицательно покачал головой:

— О нашем разговоре пока никто не должен знать, Мстислав!

Яковленко опустил глаза:

— Понимаю, Алексей Федорович. Немцы и полицаи не дураки. Могут уже по одному нашему настроению унюхать, что мы что-то затеваем. Не исключено и предательство.

Оралов одобрил осторожность провизора.

— Сначала подумаем сами, составим список. Кого-то из врачей и медсестер придется оставить, не взять, если здесь останется хоть один раненый. Ты, Мстислав, за это время должен научить Марину готовить лекарства и стерильные растворы. Но так, чтобы она ни о чем не догадывалась.

Яковленко заверил, что обязательно научит, но ему почему-то расхотелось бежать. Проводив Оралова, он опять сел на кровать и задумался: что с ним? Кем стала для него Марина? Во время летних боев сорок первого они редко встречались — она пропадала в операционной, а он в своей аптеке. Да и когда приходила получать лекарства, он не замечал ее.

Но с той ночи, когда они легли отдыхать и укрылись одной шинелью, многое изменилось. Теперь он даже не может представить, что настанет день и ее вдруг не окажется рядом. Лучшее плен, колючая проволока, голод и смерть, но только вместе...

10

— Увозят наших светлячков! — услышал Оралов за своей спиной мужской голос и обернулся.

Это сказал раненый лётчик с гипсом на руке.

Действительно, девушки у них в лазарете, словно светлячки: они светились добротой, лаской, сердечностью! Худенькие, большинство с короткими, еще не отросшими после перенесенного тифа волосами, они даже в кошмарные месяцы долгой зимы оставались женщинами: одевались в чистые старенькие халаты, на головы шили из кусочков бинтов, уже негодных для перевязки ран, косынки. Они входили в палаты, и у многих больных при взгляде на них светлели глаза, теплело в груди. Отцы, оставившие дома взрослых дочерей, смотрели на девушек ласково, молодые мужчины — тоскливо и задумчиво, вспоминая, видимо, своих жен — ожидают ли они их сейчас, получив стандартную, казенную бумагу, что пропал без вести. У парней появля-

лась удаль в глазах, они шутили, стараясь обратить на себя внимание.

«И, кажется, кое-кто добился своего!» — тепло улыбнулся Оралов, видя, как трое парней крепко обнимали девушек.

Алексей Федорович по-отцовски прощался с каждой, целовал их, благодарил за мужество, которое они проявили зимой вместе с врачами, спасая раненых и больных сыпным тифом.

— Оставайтесь и на чужбине нашими «светлячками»! — напутствовал их Оралов.

Девушек увезла закрытая грузовая машина. Всего — двенадцать, а лазарет будто осиротел.

С поникшими головами расходились оставшиеся подружки, сожалея не только об уехавших, но и тревожась за свою судьбу — а что ждет их?

Пошел дождь, крупный, редкий, и Оралову показалось, что небо будто заплакало по увезенным в Германию «светлячкам»! Он подумал: может, и девушек взять с собой при побеге... Но ведь всех не взять. Кому-то придется... Да и там, за линией фронта, для полков и батальонов медицинских сестер находят скорее, чем врачей и фельдшеров...

После обеда Оралова вызвал комендант. Кивнув на стену, за которой сидел под арестом Тополя, он сквозь зубы сказал:

— Забирай его. Лечи и наблюдай за ним!

«Чтоб он скорее выздоровел?» — хотел спросить Оралов, но вспомнив, что «ундер» дал задание искать, кому принадлежит орден, понял, для чего надо наблюдать за летчиком.

— Может, орден вернете? Ордена Ленина у нас и за храбрость давали,— попытался убедить коменданта Оралов.

— Нет! Такого он не получал. Полежит у меня — хозяин найдется,— уверенно проговорил комендант.

— Непременно,— подтвердил Оралов, а про себя подумал с сожалением: «Видимо, боится, что орден «потеряется» насовсем! А Тополя надо предупредить, что за ним будет слежка...»

Оралов напомнил коменданту о лекарствах, которые обещал прислать инспектор, чтобы скорее долечить больных сыпным тифом.

— Я знаю об этом... Скоро таких больных у нас не будет,— заверил «ундер» Оралова.

Алексей Федорович, не поняв, недоуменно пожал плеча-

ми, но переспрашивать не стал, чтобы не вызвать гнева коменданта: надо скорее забирать Тополя, пока он его освобождает!

Оралов сам вывел летчика из камеры — Тополь держался за его плечи, прыгая на одной ноге...

Когда перестал лить дождь и от прогретой майским солнцем земли поднимался пар, в ворота лазарета въехал автомобиль, похожий на санитарную машину. Он остановился возле инфекционного отделения.

Из караульного помещения высыпали солдаты и полицай, оцепили машину и встали у всех подъездов. Затем вышел комендант.

Он вызвал врача-инфекциониста и приказал ему быстро погрузить в машину всех больных сыпным тифом.

— Драй минутен! — предупредил он и показал врачу сначала на часы, потом на пистолет.

Удивленно посмотрев на машину, врач побежал выполнять приказ.

Весть об отправке больных тифом, среди которых был и Герасимов, мгновенно облетела лазарет. Оралов побежал вниз.

У входа на его пути встал полицай:

— Назад! Нельзя выходить!

Лишь на миг остановившись, Оралов закричал на него:

— Не знаешь, что теперь я обер-артц?

Оттолкнув полицая, Алексей Федорович выскочил во двор. Да, грузят! От машины доносилось торопливое: «Шнель!.. Шнель!»

Показался Герасимов. Он попытался что-то крикнуть, но его быстро втолкнули в кузов.

Быстро подойдя к коменданту, Оралов искал глазами переводчика и, не найдя его, на мгновение замер. Если не заговорить сейчас по-немецки, больных могут увезти. И, решившись, он высказал удивление, что увозят почти здоровых людей. Они уже не опасны для окружающих, и их скоро вылечат здесь даже без обещанных инспектором лекарств.

Брови коменданта поползли вверх:

— О, доктор неплохо говорит по-нашему!

И он спокойно ответил, что их увозят в немецкий госпиталь, где долечат очень быстро. В лазарете не должно быть заразы.

Но почему так поспешно, не спросив его, главного вра-

ча? Нет, их не в госпиталь отправят!.. Что же ему предпринять? Вернуть всех он не в состоянии, и Оралов попросил, взмолившись:

— Оставьте врача. У нас их и так не хватает! Некому будет лечить больных!

Комендант осклабился:

— Я ваш скот вылечу сам. Марш в корпус! — и выхватил «вальтер» из кобуры.— С этой минуты ты уже не главный врач!

Алексей Федорович повернулся и медленно пошел. Когда мимо него проехала машина, он успел заметить, что на ней нет красных крестов и окон. В кабине сидели трое, а фургон был закрыт наглухо.

За воротами автомобиль свернул не в город, где действительно был госпиталь, а помчался по шоссе в противоположную сторону.

Это и есть «помощь» инспектора, которую он обещал? Вспомнив слова коменданта, Оралов понял их смысл...

— Прощай, Анатолий! — вырвалось у него горестно.

Неужели в то утро Герасимов предчувствовал беду? Увидятся ли они еще?

Ночью солдаты и полицаи произвели обыск во всех палатах, операционной, аптеке, санпропускнике. Они уже смело, безбоязненно расхаживали по всем корпусам, зная, что теперь нет ни одной сыпнотифозной вши во всем лазарете.

— Ликвидировали тиф на свою голову! — проворчал разбуженный Заремба.

В перевязочной старший полицай заглядывал под топчан Оралова, в шкаф с инструментами.

— Не бомбу ищете? — сыронизировал Алексей Федорович.

Полицай прикрикнул на него:

— Тебя комендант сбросил со старшего, а мы можем — с третьего этажа!

После их ухода зашел мрачный Калашников:

— Ясно, Алексей Федорович, они ищут радиоприемник! Вчера был последний день мая. Не стал бы он нам последней надеждой уйти из плена? Не сделают ли с нами то же, что и с Герасимовым?

— Не должны,— не совсем уверенно ответил Оралов.

— Мне почему-то кажется, что для него этот день был последним в его жизни!

Оралов отметил, что Калашников считает так же, как подумалось и ему, когда он провожал взглядом автомо-

биль. Не верилось, не хотелось верить в это! И он высказал свои мысли уже вслух:

— Давай, Алексей Ефимович, верить в лучшее!

— Как говорят, проживем — увидим...

Калашников ушел, а Оралов подумал: последний день мая и... его день рождения! Никто не вспомнил и не поздравил. Забыл и сам о нем, как уже было однажды три года назад.

Пришел он тогда утром в свое хирургическое отделение и был удивлен обилием цветов, которые стояли на подоконниках, на тумбочках и даже на столике дежурной сестры. Они красовались белыми, фиолетовыми и красными кистями. В ординаторской чья-то заботливая рука поставила даже тюльпаны. Он удивился:

— Сегодня, кажется, не праздник...

Старшая медсестра посмотрела на него недоверчиво: неужели начальник отделения и впрямь не знает, почему так много цветов? Ответила с укором:

— Нынче же ваш день рождения, Алексей Федорович!

Ему стало даже стыдно. А сотрудники уже заходили в ординаторскую и поздравляли его.

Вечером к себе в кабинет он позвал Герасимова и открыл бутылку шампанского.

Растроганный и согретый этой всеобщей заботой, уходил он домой. Света в окнах не было, значит, жена опять ушла на свидание или улеглась спать. Подумав, он свернул в парк. Может же он хоть раз в году, в свой день рождения, отдохнуть и погулять. «Кто-то мне говорил, что здесь есть дуб, под которым отдыхала еще царица Екатерина», — вспомнил Оралов и улыбнулся: возможно, это и не так, но все равно интересно взглянуть на него.

Он спросил о дубе встретившуюся на аллее женщину, и та показала, где его найти.

Вековой дуб оказался подоблачным, величественным. Приятно было под ним стоять и думать, что если раньше тут могли бывать цари да знать, то теперь весь народ! Увидев в тени скамейку, он опустился на нее и почувствовал, что в самом деле его уставшее тело просит отдыха. Что ни говори, а сегодня ему стукнуло сорок пять лет. Возраст. Пора зрелости. В эти годы принято уже подводить первые итоги. Но он подождет. Ему еще надо отработать необычно высокую для рядового врача награду — орден Ленина! Сняв фуражку, он положил ее рядом с собой и блаженно прикрыл глаза.

Кто-то приблизился еле слышными шагами и остано-

вился возле скамейки. Он открыл глаза. Около него стояла Елена Гордеевна Некрасова. На ней была нарядная зеленая кофточка и черная юбка. Не сон ли он видит?

— Лена? — вырвалось у него.

— Мне показалось, что вы спите. Вот и подошла покараулить ваш сон. Я каждый вечер тут гуляю,— говорила она, словно оправдываясь.

— Присядь, пожалуйста,— пригласил он, убирая фуражку. Видя, что она колеблется, попросил настойчиво: — Побудь со мной хотя бы несколько минут. Мне надо с тобой поговорить об очень важном.

Сказал так, будто давно решил на это. А ведь пришло-то на ум только теперь! Но он не ругал себя: давно бы надо было! Не мучил бы себя и освободил бы квартиру жене, которая после отъезда дочери к месту службы мужа-лейтенанта устраивала в ней ежевечерние пирушки.

Елена отрицательно покачала головой:

— Поздно... Слишком поздно надумали вы говорить со мной об «очень важном», Алексей Федорович! — И, грустно усмехнувшись, закончила: — Если бы сделали это тогда, лет двадцать назад!

Она покраснела и опустила глаза, как девчонка. А ей уже далеко за тридцать! И живет до сих пор одна. Возможно, даже из-за него.

— О чем я собираюсь тебе сказать, Лена, ни-ког-да не поздно! — проговорил Оралов.

Теперь у нее жаром полыхнула и тонкая нежная шея, и маленькие уши под густыми короткими волосами. Она вдруг резко тряхнула ими и подняла на него зеленые глаза. С минуту смотрела, словно желая наглядеться в последний раз.

— Нет, Алеша, поздно! Прощай!

Повернувшись, Елена медленно, стараясь тверже ступать, пошла к выходу из парка. Но потом заспешила, зато-ропилась.

Он ожидал, что она вот-вот остановится, и мысленно говорил ей, что им уже нельзя больше расставаться. Пусть поздно, но они должны быть вместе. Он только сейчас, когда не стало с ним дочери, почувствовал себя одиноким, а она всю жизнь одна-одинешенька! «Можем мы, черт возьми, хотя бы на склоне лет соединиться и быть счастливой супружеской парой?»

Он смотрел на удаляющуюся Елену и думал: когда же надо было сказать ей? На фронте, когда она выходила его от сыпного тифа? Или после войны, когда встретил ее в

Кубанском госпитале аптечной сестрой? Его тогда удивило: как она оказалась в аптеке? Елена ответила, что после ранения и лечения ей предложили остаться работать в аптеке госпиталя. Она охотно согласилась, и не жалеет об этом: отвешивает вроде обычные порошки, смешивает их, некоторые расворяет в воде, а они оказываются чудодейственными — помогают людям побеждать болезни!

Однажды он спросил ее, как ей живется.

Ответила Некрасова полушутя:

— Весело! Живу все еще в подвале госпиталя.

— Попробую помочь переселиться в квартиру. Для одной или...

— А для кого же еще?

Елена прикусила губу, на щеках выступил румянец, потемневшими глазами глянула на него.

Выйдя из аптеки, он ругал себя за этот разговор. Зачем ему Елена? Симпатия? Поздно начинать жизнь заново, когда уже дочь растет...

«Видимо, тогда она и ожидала от меня этих слов», — понял он и мысленно обругал себя: каким был недотепой!

Вернувшись через семь лет в Кубанский госпиталь уже хирургом, он был удивлен, узнав о том, что она по-прежнему одна. Почему?.. Недурна собой, умна, хорошо сложена...

Однажды попытался заговорить с Еленой о ее личной жизни.

— Кому что на роду написано, Алексей Федорович, — так говорила моя мама! — отшутилась она.

Но когда Некрасова попала с ожогами в отделение, он стал часто думать о ней. «Она одинока, и я тоже!» — думал Алексей Федорович и ощущал в себе неясную тревогу.

Оралов надел поглубже фуражку, решительно поднялся и зачем-то расправил складки гимнастерки под ремнем. «Нет, Лена, теперь от своего счастья, если оно у тебя все во мне, ты уже не убежишь — твой дом напротив парка!» — насупился Оралов и пошел из парка вслед за ней.

О том, что в коридор одноэтажного дома выходит шесть дверей, а ее последняя налево, он помнил еще с тех пор, когда переселял сюда Елену.

Домой вернулся утром. Осторожно переоделся, взглянул на спящую жену и пошел в госпиталь. Дежурный врач был чем-то сильно озабочен. «Что могло случиться?» — встревожился Оралов.

— Признайся, что я тебе всегда первый приношу новости, — проговорил врач.

— Японцы напали на Монголию. Уже всюду идут бои. Тебя вызывают в Москву.

Как не вовремя! Ничего не успел оформить, и Лена останется одна. Может быть, ненадолго, как на Хасане? Он только к концу дня вырвался к ней в аптеку. Елена Гордеевна уже знала о вызове в Москву и не на шутку беспокоилась.

— Своему слову я всегда верен — ты это знаешь. Письма буду писать до востребования на третье отделение.

Она обняла его.

— Береги себя, а обо мне не беспокойся. Я ко всему привыкла...

После этого он зашел доложить Герасимову, что готов выполнить приказ...

«Тогда Анатолий проводил меня хотя в опасную, но известную дорогу. Куда и зачем сейчас его самого увезли — непонятно! — думал Оралов. — Три года назад последний день мая был моей первой ночью счастья! А что нам принесет завтрашний день здесь? Не рухнут ли надежды на побег?»

Утро подтвердило опасения Калашникова и тревожные думы Оралова: комендант вывесил приказ, в котором запрещалось собираться вместе по вечерам, ходить из одного корпуса в другой с наступлением темноты, показываться в это время во дворе. Кто высунет нос — по тому будут стрелять!

Днем опять был поголовный обыск.

Врачи загрузили, глядя на взбешенных солдат и полицаяев. «Придется на какое-то время отложить активную подготовку к побегу, если даже вернется и Герасимов! Пусть немцы успокоятся...» — грустно думал Оралов.

11

В томительном ожидании чего-то проходили в лазарете дни за днями. Не унималась охрана, опьяненная не только новыми победами германской армии, но и самогоном, который полицаи привозили из города.

— Дойдут до Сталинграда, а потом задушат «красную» Москву — попомните мое слово! — бахвалился подвыпивший старший полицай перед больными и обхватывал свое горло пальцами: дескать, сделают это вот так!

Тревожно и больно было слушать его слова, не хотелось верить в них. А какое действительно положение на фронтах, никто из врачей не знал, так как подпольный ра-

диоприемник-из-за непрекращающейся слезки нельзя было включать.

Оралов задумывался: откуда солдаты и полиция берут столько денег, что чуть ли не каждый вечер, как только из лазарета уезжает комендант, напиваются? Однажды об этом он спросил Курта, с которым уже не раз вел разговор, когда тот дежурил ночью на первом этаже. Было это после отбоя, коридор был пуст. Но Курт все равно настороженно посмотрел по сторонам: не подслушивает ли кто?

— Все еще продают и меняют на рынке обмундирование тех, кого вы закапывали на пустыре! — сказал он и опять испуганно оглянулся.

«Вон, оказывается, в какие лагеря они отправляют гимнастерки и шаровары умерших от тифа и ран! — возмущенно подумал Оралов. — Ничем не гнушаются, подонки, лишь бы утолить свою утробу!»

Устало поднимаясь на третий этаж, Оралов с огорчением думал о Курте: не помощник он им в побеге! Где-то в Саксонии у Курта свой домик, участок земли. Там ожидают его жена и три взрослых дочери. Очень боится, что ему не дадут «довоевать» в лазарете и отошлют на фронт. Поэтому с особым нетерпением ожидает победы немецкой армии в этом году. Никакой солидарности с ними, советскими врачами, у него нет...

В перевязочной Оралов подошел к окну и долго смотрел на дорогу, по которой увезли Герасимова, понимал, что Анатолий сюда уже не вернется, но все же ждал: а вдруг? Протяжно вздохнув, с трудом заставил себя лечь на топчан. «Тоска и старость во мне идут рядом», — расслабленно думал Алексей Федорович. Не давала покоя и постоянная тревога, что в любой день могут его разоблачить, и тогда сорвется их замысел. Из-за этого, по решению «штаба побега», он сейчас редко выходит во двор, не консультирует больных...

Как-то после обеда в перевязочную стремительно вошел Акопов. Его глаза были радостно-испуганными. Оралов не мог понять, с какой необычной новостью примчался Карен. Когда они уединились в ординаторской, Акопов оглянулся на дверь и лишь после этого заговорил:

— Из концлагеря, Алексей Федорович, поступила большая партия больных. Среди них есть красноармеец, который сказал мне, что партизаны уже знают о нашем намерении убежать!

— Неплохо,— обрадованно одобрил Оралов.

— Но вместе с ним гестапо прислало к нам и «подсадную утку»! Кого — он не знает!

Радость на лице Оралова погасла: в лазарете будет шпион, чтобы следить за всеми! Может, эта «утка» тоже захочет «бежать»?

— Надо, Акопыч, временно прекратить нашу подготовку к побегу. Согласен?

— Мы с Мстиславом тоже так считаем... А вы пока не должны спускаться с третьего этажа ни днем, ни вечером! Баланду вам будет приносить Марина.

— Без воздуха я совсем ослабну и не смогу бежать!

— Пока тепло — спите с открытым окном. А как только комендант отменит свой приказ, будете выходить во двор с наступлением темноты... Мне пора уходить, чтобы не навлечь подозрений, а вы обо всем сообщите Тополю...

Когда Оралов вышел из ординаторской, летчик прогуливался по коридору с самодельным костылем под мышкой. Они уже не раз вспоминали с ним далекую реку Халхин-Гол, пески Монголии, бои там и жару, которую тоже нелегко было переносить.

Алексей Федорович как-то пошутил:

— Вам, летчикам, в воздухе хоть было прохладнее. А мы оперировали круглые сутки в юртах и изнывали от духоты!

Тополь с ним согласился и с улыбкой добавил:

— Но и при сорокаградусной жаре вы, Алексей Федорович, делали это, видимо, неплохо, если вас потом наградили орденом?

— Кто же тебе такое сказал?

Тополь успокоил Оралова:

— Я сам догадался... Только до сих пор не могу вспомнить, был ли там врач по фамилии Петров...

Отказываться не было смысла. Да и перед кем скрывать.

— Годом раньше, Иван Гаврилович...

Летчик посмотрел недоуменно: за какие же бои?

— Я, как врач, ровесник Красной Армии, и с первых дней гражданской был в ней...

Сейчас, встретив Тополя в коридоре, Оралов подумал: «Раньше лишь «глаза и уши» коменданта не давали летчику покоя, а теперь еще и гестаповцы». Вслух же проговорил нарочито сурово:

— Вы слишком смело ходите, молодой человек! Не повредили ли ногу? Зайдите в перевязочную, — я посмотрю.

Он положил Тополя на стол. Кивнув Марине на дверь, коротко рассказал об обстановке.

— Да-а,— протянул летчик. Помолчав, спросил: — Вы хоть в нашу палату пока никого не кладите!

— Будем стараться, Иван Гаврилович,— обещал Оралов.— Иначе не убежать...

На второй день Акопов снова пришел к Оралову.

— Уже засек одного! — таинственно сообщил он и радостно потер ладони.— Молодой, здоровый, а жалуется на сердце! Намекал, чтобы ему подольше задержаться у нас.

Оралов охладил его пыл:

— Может быть, все так и есть? В лагерях, по-видимому, уже знают, что мы не спешим выписывать отсюда больных. Вот он и вырвался оттуда, чтобы отдохнуть...

Карен Манвелович нехотя, но согласился:

— Кажется, я поспешил, не подумал... Так уж хотелось поскорее выловить эту «утку»! Придется за ним понаблюдать, проверить...

А дня через три врач-инфекционист попросил Калашникова посмотреть больного: нет ли у него острого аппендицита?

— Привезли с острой дизентерией, а стул пятый день нормальный. Но в животе сильные боли...

При осмотре больной вскрикивал, просил скорее оказать помощь и выговаривал хирургу с обидой:

— Вы не давите, как коновал! — После паузы добавил: — Я был летчиком и не одного стервятника угробил!

Калашников продолжал не торопясь прощупывать живот. Он сожалел, что нельзя позвать сюда Оралова. Решив, что у больного, видимо, аппендицит, он распорядился:

— Пусть санитары кладут больного на носилки и несут к нам.

По дороге он думал о поведении больного. Красноармейцы и командиры обычно терпеливы, а этот кричал дурным голосом. Не из тех ли он, о ком говорил Оралов? Посоветоваться решил только с Зарембой, Оралова больному не показывал...

Заремба не уверен в диагнозе. Но они все же решили удалить отросток.

Во время операции врачи увидели, что в диагнозе ошиблись: никаких признаков острого или хронического аппендицита у летчика не было.

— Поспешили мы, Алексей Ефимович,— заволновался Заремба.

Калашников тихо выкрикнул:

— Сейчас думать уже некогда — наркоз кратковременный!...

После операции, морщась от боли и постанывая, летчик попросил положить его к своим ребятам.

Глядя на мужественное лицо больного, Калашников подумал, что он действительно летчик, но когда взгляд врача остановился на его руках, нежных, белых, сомнения усилились. Да и Оралов предупреждал, чтобы к летчикам новеньких без него не класть!

— Откуда вам известно, что у нас есть такая палата? — поинтересовался Калашников.

— Ребята еще в лагере говорили, и тут, в «поносном» отделении, болтали.

— В ней лежат только раненые, а вы больны еще и дизентерией, — категорически заявил Калашников. — А ребята будут вас навещать, они у нас веселые!

Лицо больного немного смягчилось:

— На худой конец, это — тоже табак! — попытался пошутить он.

Его унесли на второй этаж, а Калашников поспешил к Оралову в ординаторскую.

— Конечно, подозрительный, — выслушав Калашникова, со вздохом произнес Оралов. — Но не будем спешить... Пока около него надо установить круглосуточное дежурство из самых надежных санитаров. Не позволять ему ни подниматься, ни разговаривать с посторонними из-за еще не совсем «ясной» тяжелой болезни... Потом посмотрим, что с ним делать.

Подсадную «утку» обнаружил и Акопов в своем отделении.

— На этот раз точно, Алексей Федорович! — заверил он Оралова. — Один из красноармейцев «ее» опознал. Я завтра же дам ей под зад коленом!

Оралов усмехнулся:

— Так и позволит тебе комендант выписать «нелеченого». Лучше пичкай его всеми лекарствами, какие только есть у Яковленко! Не хватит — сходи к коменданту и попроси для него еще... Месяц придется держать...

— А там и от лета ничего не останется! — сокрушенно покачал головой Акопов. — Понимаю, конечно, что другого выхода у нас нет... Да и маршрута побега пока не имеем...

— «Летчика» мы постараемся подержать в постели до выписки! Ты тоже укладывай своего...

— Устрою ему полный покой! Предынфарктное состояние — ничего не попишешь! — взбодрился Акопов.

«Утки» гестапо еще были в «лежке», когда однажды утром к Оралову пришел на третий этаж старший полицай и развязно скомандовал:

— Живо со мной к коменданту!

Жаром опалило всего Оралова, перехватило горло — где-то они недосмотрели, и одна из «уток» крикнула! Или кто-то из врачей предал их?

Особенно подозрительным было поведение «летчика». Он знал до винтика самолет, не сбивался в названиях частей и в фамилиях своих командиров, когда с ним говорили ребята Тополя. Они поверили, что он летчик. Бывают же люди, у которых белые руки не темнеют от загара и не грубеют при работе? Потом на чем-то его все же поймали, и он признался, что был не летчиком, а штурманом.

— Зачем же врал? — грубо спросил один из парней.

— Чтоб врачи относились ко мне лучше и положили в вашу палату на койку.

Логично! Хотя для врачей летчик, штурман или стрелок-радист — какая разница?

Когда Калашников намекнул «штурману», что у него была сомнительная дизентерия и острый аппендицит, он, не моргнув, признался:

— Больше не было сил терпеть в лагере издевательства.

Тоже не придерешься. Если бы он не пытался узнать у одного из санитаров, нет ли среди врачей особенно «заслуженного», кто бы посмотрел его, то можно было бы верить, что он не из «перелетных»! Калашников изловил его на слове:

— Тогда продолжай лежать, чтобы комендант не выгнал тебя из лазарета.

— Но он же по вечерам уезжает? Я тогда и буду выходить...

— А полицай? Они сразу докладывают, и нам, врачам, пришьют «дело» за то, что мы держим здорового пленного, отправят в тюрьму!

«Штурман» хотел возразить, но Калашников поставил условие:

— Или лежать, или выписываться!.. Один раз не послушаешься санитаров — на меня не обижайся!

Вторую «утку», которую уложил в постель Акопов, сдерживать было легче, так как там еще не «видно» конца лечения...

Все это вспомнил Оралов, когда понуро шел за поличаем.

В кабинете «ундера» Алексей Федорович увидел поджарого, остроносого офицера в немецкой форме. Пронеслась тревожная мысль: неужели гестаповец?.. Оказалось, что это — врач и теперь он будет в госпитале шеф-артцем.

Врач сказал, что по национальности он австриец, надеется установить контакт с русскими врачами и попросил Оралова провести его по отделениям, показать больных и познакомиться с персоналом.

Но Оралову опасно было ходить по лазарету. Отказаться? Нет. Придется вести и заодно «посоветоваться» с шеф-артцем о «сомнительных» больных, которых они подолгу держат в лазарете.

«Шеф» захотел сначала побывать в хирургическом отделении. По пути туда Оралов говорил, что лечение раненых и больных затягивается из-за плохого питания, отсутствия лекарств, белья...

— Иногда ошибаемся,— покаянно произнес он.— У нас же нет ни лаборатории, ни рентгеновского кабинета! Посмотрите, несколько человек...

— Хорошо,— оборвал его шеф-артц.— А лекарств и белья я попробую добиться.

Оралов глянул на него настороженно: один немец-врач однажды уже обещал помочь. Поднявшись на второй этаж, Алексей Федорович зашел в аптеку и попросил Яковленко сбежать в ординаторскую, сказать врачам, чтобы они встречали шеф-артца в палатах и докладывали ему о больных.

— Особенно о «штурмане»,— намекнул он.— Оттуда сходи к Акопову...— и вернулся к шеф-артцу, который морщил нос от гнойного запаха, качал головой, видя голые матрасы на нарах в два этажа.

Но больных он осматривал внимательно, и его заключения не расходились с мнением Оралова.

«Этот, возможно, не обманет»,— с надеждой подумал он.

Калашников коротко рассказал о больных, лежавших в огромной палате. О «штурмане» доложил подробно, с чем он поступил в лазарет и как они сомневались — оперировать его или нет.

— И какой же исход? — спросил шеф-артц.

— Вот взгляните,— ответил Калашников и поднял рубашку больного.

«Шеф» ощупал живот, постучал согнутым пальцем по

шву. Посмотрев на лицо больного, почти месяц провалявшегося в постели, сказал:

— Гут! Зер гут! — И, повернувшись к Калашникову, распорядился: — В лагерь! Довольно ему тут дрыхнуть!

«Штурман» слезно попросился остаться в лазарете еще — он не совсем здоров! «Шеф» выпрямился, опустил руки по швам, словно для отдачи приказа:

— И сегодня же!

Калашников с «сожалением» посмотрел на «штурмана» и беспомощно пожал плечами: тут он, дескать, бесилён...

Оралов стоял за «шефом», стараясь не показывать своего лица «штурману», и вышел вслед за врачом, проводя его на третий этаж...

В палате летчиков «шеф» заметил, что многие лежат с гипсом, и удивился:

— Так много переломов?

Оралов рассказывал о раненых, а сам беспокойно поглядывал на врача, не скажет ли он сейчас: «А теперь посмотрим, что у них под гипсом?»

Но «шеф» только отметил: летчики лежат на кроватях — неплохо...

«Кажется, на этот раз пронесло!» — облегченно вздохнул Оралов, когда они направились в терапевтическое отделение.

Акопов сначала немного волновался, докладывая о больных. Но потом освоился и говорил не торопясь. Подойдя к «утке», сказал:

— Я бы просил вас послушать его. А то главного врача у нас нет, посоветоваться было не с кем...

«Шеф» долго и сосредоточенно слушал больного. Потом воскликнул:

— Он уже здоровее меня! Как и чем вы его лечили?

— Постельный режим... Давали и лекарства...

— Выписывайте! — распорядился шеф-артц.

Эта «утка», напичканная лекарствами, выслушала его заключение без возражений.

— Вот видите? А вы не хотели лежать, — упрекнул больного Акопов. — Только постельный режим спас вас от инфаркта!

Побывали они и в санпропускнике. Но перед входом в инфекционное отделение шеф остановился и потребовал доложить, кто в нем сейчас лечится.

Это вновь насторожило Оралова: какой же он врач, если боится заходить сюда? Выслушав Алексея Федорови-

ча и узнав, что тут было очень много больных сыпным тифом, а теперь их нет, он проговорил:

— Гут, гут.

Когда Оралов сказал, что сейчас лето, прибывают больные с дизентерией, а в лазарете нет врачебного контроля за кухней, «шеф» обещал проверять ее работу сам.

Но в отделение он так и не зашел, собираясь это сделать в другой раз, когда выкроит время...

С приездом «шефа» медицинскому персоналу вновь решили ходить вечером по двору, из корпуса в корпус, а больным — прогулки до отбоя. Полицай прекратили обыски...

Но от лета остался лишь один август! И Оралов, когда однажды вечером к нему в перевязочную забежал Акопов, сказал:

— Зима на носу. Хватит бояться «уток». Осторожно возобновим подготовку к побегу. Пока подберем людей, получим от партизан маршрут, соберемся... Время терпит.

Им казалось, что они готовятся тайно. Но врачи, медицинские сестры и фельдшеры, которых они намеревались оставить здесь, не только догадывались, но и по каким-то им одним известным признакам знали, что готовится побег и кто этим занимается. Иные намеком, а то прямо заявляли:

— Я тоже хочу бежать!

Или говорили с обидой:

— Почему я должен оставаться здесь?

Оралов в этих случаях молча пожимал плечами: откуда, мол, они взяли, что он к этому причастен?

Акопов «горячо» доказывал, что и сам хотел бы отсюда смотаться, но, как видите, мол, пока еще тут! Врач-инфекционист недоумевал: может, этот армянин действительно не занимается подготовкой и сам не хочет уходить отсюда? Устроился после ранения терапевтом и надеется отсидеться в лазарете до прихода своих?

Марина Травинова в первый день, когда Яковленко предложил ей учиться готовить растворы, вопросительно посмотрела в глаза любимого. Он начал объяснять, что это нужно на случай, если его вдруг куда-нибудь переведут, и совсем запутался.

— Хватит,— прервала она Мстислава.— Показывай, учи, а объяснять ничего не надо. Я не маленькая. И не слепая!

Наконец настал день, когда Акопов особенно таинственно сообщил Оралову:

— Получен маршрут.

Алексей Федорович радостно улыбнулся и пожал Акопову руку.

— Будем мы опять свободными людьми, Карен, будем! Об этом я тебе еще в свинарнике говорил. Помнишь? Теперь осталось немного ждать.

На этот раз уже Акопов ответил сдержанно:

— Рано вы начали радоваться, Алексей Федорович. Как это у вас, русских: не говори гоп, пока не перепрыгнешь!

— Но у вас уже начало «гопа» есть, Акопыч! У тебя все готово?.. Обсудим план побега, список людей, которых отобрали. Лучше это сделать в перевязочной.

Перед обедом они уложили на стол Тополя, встали по бокам от него с инструментами в руках, а Яковленко за головой, готовясь «давать» наркоз. По коридору прохаживался в «раздумье» Калашников, на лестничной площадке застыл Заремба и с «тоской» смотрел через маленькое окошко на город, на шоссе за проволокой. Марина следила, чтобы больные не выходили из палат...

Акопов зачитал список. Тридцать семь человек! Первыми пойдут шестнадцать летчиков, за ними — танкисты и фельдшеры, а замкнут группу тринадцать врачей!

— Несчастливое число, — с улыбкой проговорил Оралов. — Однажды оно у нас уже было...

Акопов взглянул на своего учителя с притворным осуждением.

Суеверие суеверием, но на душе у Оралова было неспокойно. Если вдруг что-то помешает и сорвется побег, тогда прощай свобода, а возможно, и жизнь!..

— Отсюда будем выбираться через лаз в подвале санитарного пропускника, который пробьет нам Яковленко...

— Но перед этим всем сосредоточиться во втором корпусе, — вставил Оралов и пояснил: — Иначе дежурный солдат на первом этаже может не выпустить отсюда!

Акопов попросил всех повернуться к окну, как следует рассмотреть и запомнить в деталях расположение кирпичного дома под горой.

— Направление на него. Пароль: «Профессор»! Надеюсь, его никто не забудет, — договорил он и посмотрел на Оралова.

Для трех групп Акопов дал разные маршруты.

Врачам надо будет уходить из лазарета на север и на шоссе Минск — Москва искать столб с отметкой «242 километр», а от него к сторожке лесника. Оттуда их поведут к партизанам...

Оралов слушал Акопова и радовался. Карен недаром побывал в городе: сейчас уверенно дает ориентиры, отмечая пути ухода для других групп...

— Вот теперь давайте подумаем, в какую ночь нам уходить? — спросил Акопов и остановился, ожидая ответа.

— Как в какую? — подал голос Яковленко из-за головы Тополя. — В темную и с дождем, чтобы собаки не унюхали наш след! Верно я говорю, Иван Гаврилович?

— Точно, как в аптеке! — с улыбкой отозвался Тополь. — Только не подождать ли нам еще немного...

— Ни одного лишнего дня! — нетерпеливо возразил Акопов. — Немецкое радио день и ночь взახлеб кричит, что бои идут уже в Воронеже, взят Ростов, дорога открыта на Кавказ и к Сталинграду!

«А значит, и на Кубань!» — подавленно подумал Оралов и невесело предложил:

— Я буду главным метеорологом. Мое ушибленное год назад колено теперь как барометр: ноет при приближении ненастной погоды. Заноеет — подам сигнал...

— Взлет! — добавил Тополь и повернулся к Акопову: — Хотелось бы послушать Москву и узнать, что же на самом деле происходит сейчас на фронтах. Может, уже можно включить радиоприемник?

— Полиции поуспокоились и снова пьянствуют по ночам, — в раздумье проговорил Акопов.

— Так и быть, скажу ребятам! Все — расходимся.

Тополь попытался было встать со стола, но вдруг приглушенно вскрикнул:

— Не побегу же я в гипсе!

На мгновенье все замерли, посмотрев на ногу летчика. Потом счастливо засмеялись, поверив до конца, что они непременно убегут.

Начало августа омрачило участников побега: как только ребята-сантехники включили радиоприемник, чтобы послушать сводку Совинформбюро, их схватили и увезли!

Врачи насторожились: не работа ли это их «доброто» шеф-артца?.. Или в лазарете снова плавают «утка»?!

Настроение их еще больше упало, когда несколько дней спустя Акопов, собрав руководителей штаба в перевязочную для «осмотра» ноги Тополя, передал приказ от партизан: повременить! Ожидать сигнала...

В середине августа немецкое радио передало «особо

важное» сообщение: на Волховском фронте сдался в плен вместе со своей армией генерал Власов!

Но этой новости врачи и раненые не поверили. Генерал, может быть, и перебежал. Но чтобы вся армия — это сплошное вранье! В октябре сорок первого обстановка была намного тяжелее, напряженнее, и то не сдавались, — даже попадая в окружение, старались пробиться к своим. И пробивались целыми частями и соединениями. Эти передачи, наоборот, вызывали еще большее желание бежать!

И тут привезли обожженного танкиста, захваченного немцами без сознания. Он весь был забинтован и походил на тряпичную куклу. Казалось, что на теле парня не осталось кусочка, не пораженного огнем. Обгорели русые волосы, брови, красным и распухшим было лицо. Хирурги, собравшиеся вокруг него в операционной, обменялись красноречивыми взглядами. По-видимому, почти одна треть кожной ткани обожжена, в некоторых местах пузыри, струпья..

Оралов сказал Травиной:

— Беги, Марина, к Мстиславу и скажи, чтобы он быстро приготовил мазь Вишневского и хотя бы сто граммов раствора новокаина!

Марина скоро вернулась:

— Обещал все сделать и через полчаса принести!

Парень оказался чрезвычайно крепким и терпеливым. Он даже пытался шутить, обращаясь к Марине:

— Соскучились тут по мне, сестрица?

Марина и в самом деле была рада видеть человека с той стороны фронта, в ее движениях и словах появилось столько тепла и ласки, что Алексей Федорович подумал: какое счастье, что около него такая девушка! А парню будет еще тяжелее, когда наступит интоксикация!

— Где это тебя так угораздило, братец? — спросил Оралов.

— Недалеко от станции Касня. Не слышали такую?

— Так это же... — лицо Оралова прояснилось, он глянул на Калашникова, на Зарембу, — недалеко от Вязьмы!

— Севернее. Немцы жмут на юге, а мы их на западе. Далеко не продвинулись, но к железной дороге Вязьма — Ржев подошли. Отвлекли на себя не одну дивизию!.. Мой танк прорвался к немцам в тыл и подавил артиллерийскую батарею. Но машину им удалось поджечь. Экипаж погиб... — грустно закончил он.

— Как звать тебя? — спросил Оралов, надеясь этим отвлечь парня от горьких воспоминаний, и наклонился к его забинтованному лицу.

В щелях между бинтами Оралов увидел, как моргнули его глаза, еще раз.

— Климов, старший сержант.

— Ну, вот что, Климов. Тебе придется потерпеть, пока мы будем снимать с твоего тела засохшие повязки, обрабатывать раны. Будет очень больно. Но помочь тебе, увы, у нас нечем!

— Постараюсь,— обещал Климов.

Марина отдираала бинты, а старший сержант сжимал челюсти и кусал губы, чтобы не вскрикнуть.

Травинова наклонилась к нему и со слезами на глазах посоветовала:

— Товарищ Климов, родной, не сдерживай себя — кричи! Может, легче станет?..

— Хотя бы один кубик морфия был у нас! — не выдержал Заремба.— Фашисты! Провались в тартарары вместе с Гитлером!

Оралов строго посмотрел на хирурга, призывая взглядом замолчать.

Танкист скрипел зубами, вздрагивал, и из его глаз капали слезы. Но он ни разу не крикнул, не простонал.

— Положим тебя в палату летчиков, не пожалеем никаких лекарств, чтобы вылечить,— обещал Оралов, преклоняясь перед мужеством парня.— Сейчас отдохни, а вечером мы придем послушать тебя...

Поздно вечером в палату летчиков набились врачи, медсестры и окружили кровать танкиста. Ему было плохо, но он рассказал, что нового на фронте, как живет страна.

Старший сержант не скрывал, что на юге дела пока «неважные».

— Фрицы у Сталинграда, прут на Кавказ! Но мы тут так ударили, что они прекратили перебрасывать свои дивизии на юг и подбросили сюда новые! — И авторитетно, словно был Главкомом, заявил: — Мы-то воюем вовсю, а вот союзники никак не могут открыть второй фронт! Все-таки тяжело одним. У Гитлера вся Европа в кулаке.

— Это верно,— подтвердил кто-то.

— Нет, больше отступать не будем,— с еще большей твердостью проговорил старший сержант, польщенный всеобщим вниманием.— Сталин на отступлении крест поставил!

В палате было так тихо, что даже слышалось затрудненное дыхание танкиста.

Он попросил Марину подать воды, отпил из кружки

несколько глотков и, когда Яковленко осторожно опустил его голову опять на матрас, пояснил:

— В июле вышел приказ: ни шагу назад! Кто отступит без приказа, тот кровью будет искупать свою вину. Хватит, набегались! Будем стоять насмерть! — В его словах слышалась такая горячность, будто он был не в немецком лазарете, а в своей части. Когда уже обо всем, казалось, расспросили парня, Марина вдруг поинтересовалась:

— А какие песни сейчас поют?

— Кто? — не сразу понял танкист.

— Ну вообще, люди, народ.

Обожженный парень знал и про это.

— И поют, и танцуют, и в кино ходят. Композиторы новые песни сочиняют. Вот, к примеру, какой песней они поднимали народ на войну? «Вставай, страна огромная», — запел он хриловато.

— Эту мы знаем! — перебила его Травинова.

— Тогда вот, — и запел: «Темная ночь, только пули свистят по степи...»

У парня еле раскрывался рот, но он старался петь. У врачей от этой песни на глазах навернулись слезы. Оралов расчувствовался, повторяя слова: «Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь, и поэтому, знаю, со мной ничего не случится». И одернул себя — уже случилось! Почти год, как в неволе — в позорном плену. «Бежать, бежать отсюда немедленно!» — Алексей Федорович, бледнея, посмотрел на своих коллег.

У Аكوпова стремительный, порывистый взгляд — он может сейчас же рвануться в побег! Калашников сурово наммурил брови, в его глазах нетерпеливая тоска. У Зарембы даже квадратный подбородок подался вперед! Яковленко сжал пальцы в кулаки, сдерживая свое нетерпение, глядя то на Марину, по щекам которой скатывались слезы, то на танкиста.

На лицах летчиков Оралов видел ту же решимость, тот же порыв.

— Ну и, само собой, «Катюшу», — добавил старший сержант. — Это уж обязательно.

Из палаты врачи выходили молча и в коридоре без слов жали друг другу руки.

Оралов, взволнованный и песней, и теми воспоминаниями, которые она всколыхнула в нем, сидел у себя на топчане. «Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь...» — шептал он и чувствовал, что его глаза влажнеют. Вспоминал: из Монголии он надеялся вернуться че-

рез месяц, а приехал через пять — в воскресный день. Там он тосковал по садам и нивам родного края, а еще больше по Елене. После его отъезда она прислала ему одно письмо и замолчала. Что с его бедной Аленушкой? Не могла же она разлюбить его... Но с вокзала Оралов прошел домой. Дверь оказалась незапертой. Это встревожило его. Почему жена спит с открытой дверью?..

— Приехал? — грубо спросила Ольга. — Раздевайся. Сейчас будем завтракать, — и вышла на кухню.

Вернулась она со сковородой и полной тарелкой помидоров, нарезанных с луком. Поставила все на стол, подняла крышку:

— Твое любимое блюдо.

Да, он всегда ел с аппетитом очищенный картофель, сваренный в подсолнечном масле. Сковородка была горячей, и масло шипело, распространяя душистый домовитый запах.

Жена достала бутылку вина.

Когда выпили по стакану, она, оглядев его, спросила:

— Ничем больше не наградили?

Он улыбнулся, узнав в ней прежнюю Ольгу.

— Получал благодарности и грамоты...

Но вдруг он решил, что самое время сейчас объяснить-ся, сказал:

— Оля, мы с тобой договаривались разойтись по-доброму, без всяких обид и упреков. Я нашел себе женщину, которую полюбил.

Хотя они уже года полтора не были мужем и женой, но ему все равно было нелегко об этом говорить. Расставаться с женщиной, с которой прожил почти четверть века!.. Подумал, что ей еще тяжелее. Ожидал, вот Ольга заплачет, начнет упрекать его, но она лишь презрительно усмехнулась:

— Любовь в такие годы? И к кому? К старой деве, от которой все мужики отвернулись.

Ольга уже знает! Выходит, ему не надо объяснять!.. Она сама все объяснила по-своему, как всегда, ничего не поняв. Истерично заявила:

— Блудили при живой жене! Поэтому ты и поселил ее тогда рядом с больницей. Клялся, что пропадал по ночам на операциях, а сам выходил за ворота и — к ней. Вот и вся была твоя хирургия!

Сдерживая негодование, он ответил:

— Если говорить правду, Оля, то я перед тобой честен. Был у Лены всего один раз...

Жена не поверила:

— Если бы было так, то по городу не ползали бы, как ядовитые змеи, гадкие слухи, пока ты там воевал! Елене-то что? Она останется ни клята, ни мята, а тебе, видному человеку, позор на седую голову.

— Какой позор? Я срочно выезжал и поэтому ничего не успел оформить. И тебе не сказал, чтобы не расстраивать...

— Лучше бы я знала, чем слушала от подруг про ваши шашни!

— Как только мы завтра отнесем заявление на развод, разговоры прекратятся. Я оставлю тебе квартиру, буду помогать...

— Без твоих подачек проживу! — перебила она его. — Я теперь сама работаю санитаркой в психбольнице. И подруги помогут в нужде.

— Какая нужда, если каждый месяц я буду перечислять тебе третью часть своей зарплаты?

Она стояла на своем.

Он оделся и пошел к Елене, чтобы поскорее узнать: не эти ли слухи повлияли на нее и она прекратила писать ему?

Октябрьское утро было прохладным, но он шел так быстро, что вспотел. Перед тем как войти в квартиру, где жила Некрасова, снял фуражку и вытер платком лоб.

На Елениной двери висел замок. Из соседней комнаты вышла невысокая круглолицая женщина:

— Вы к Елене Гордеевне?.. Она недавно уехала куда-то. Даже ключи не оставила. А вы к ней по делу или так? — Женщина подозрительно оглядела его, но тут же у нее в глазах промелькнула догадка, и она улыбнулась: — Извините, не сразу узнала вас, Алексей Федорович. Изменились вы сильно...

Он поблагодарил разговорчивую соседку. Выйдя из дома, остановился в тревожном раздумье: что заставило Елену уехать? Она же знает, что война с японцами закончилась месяц назад и он вот-вот вернется оттуда.

Решил, что у родственников случилась беда и она срочно уехала к ним. Во всяком случае, ему надо потерпеть до утра: начальник госпиталя Герасимов и начальник аптеки должны знать... Вздохнув, он не спеша побрел к затону. Миновал его и вышел к реке. Кубань в этом месте заворачивала и бурлила, пенилась. Лишь метрах в трехстах вниз по течению успокаивалась и текла быстро, но уже без шума,

Он подумал, что и его жизнь протекала стремительно, в ежедневных заботах о больных, о раненых, которых он оперировал уже на двух войнах. Не было у него времени ни остановить ее, ни хотя бы притормозить, чтобы не доводить до такого крутого поворота в семье, когда самого уже дочь сделала бабушкой, а он еще, выходит, жених... Всю жизнь надеялся, что Ольга поймет наконец сама, что не в праздной жизни основное счастье человека. Им бы еще тогда, в Казани, надо было спросить себя: пара ли они друг другу. Он приглашал ее гулять по Воскресенской улице, а она под всяким предлогом отказывалась, искоса поглядывая на его заношенную одежду. Ясно было, что стеснялась идти с бедно одетым студентом. Но он почему-то считал, что так и должно быть... Упрекала его, что главный врач госпиталя мог бы иметь квартиру в центре города, а не во дворе, куда выходят больные. Зато как загорелись ее глаза, когда узнала, что ему предложили заведовать здравоохранением округа: «До наркома, Алеша, дойдешь!»

Вот так бы надо было давно постоять и хорошенько обо всем подумать. Тогда бы не было под старость резкого поворота! Хорошо еще, что дочь уже имеет свою семью, живет со своим командиром дружно... Теперь, как Кубань не может повернуть свои воды назад, так и он уже не вернется к жене. Лишь бы с Еленой все было хорошо.

Он убеждал себя, что с Некрасовой плохое и не должно случиться. Но сердце его тревожилось.

Утром, поднявшись рано, он опять пошел к затону, чтобы там скоротать время до прихода Герасимова в госпиталь.

На берегу уже сидели рыбаки с удочками. Остановившись возле самого почтенного, как ему показалось, седоволосого рыбака, Оралов тихо спросил:

— Дедусь, клюет?

Тот пыхнул махорочным дымом из самокрутки и недовольно обернулся. Но тут же смекнул, что ни с того ни с сего не придет человек в такую рань, коли не рыбак и тоска не гложет, и сменил гнев на милость:

— Если хочешь позабавиться, то вон еще одна удочка — попробуй.

Оралов закинул удочку и вскоре обо всем забыл, успокоился. Даже азарт появился, когда выудил крошечного окунька, и ревниво взглянул на соседа. Да, не зря люди становятся рыбаками! Как много в жизни он еще не испытал!

Дед завернул новую сигарку и смачно затянулся.

Герасимова еще не было, когда Оралов пришел в госпиталь. Но аптека работала. В прихожей его встретил удивленный начальник аптеки Горлов. Они обнялись и после короткого расспроса, как ему там воевалось, Горлов, понимая, что Оралов ожидает рассказа о Некрасовой, со вздохом сказал:

— Виноват я перед вами, Алексей Федорович. Обещал помогать Елене Гордеевне, а она неделю назад хотела уволиться, но взяла отпуск и уехала к сестре в станицу Отрадная!

— Да как же это, Степан Васильевич?

— Не могу знать, Алексей Федорович! — беспомощно развел руками Горлов и рассказал, что в день его отъезда в Монголию Елена Гордеевна крепилась изо всех сил, а потом разревелась. Он взял ее за плечи и увел подальше от любопытных глаз, а сам стал готовить порошки, микстуры.

— Несколько дней она ходила как потерянная, а потом начала успокаиваться. Однажды она тихо запела прямо за ассистентским столом и весь день не переставала улыбаться. Хмурилась, лишь когда кто-нибудь заходил из посторонних. Но заглушить счастье на своем лице не могла. Я спросил: «Не оттуда ли получила весточку, Елена Гордеевна?» Она ответила, что получила, но из других краев!.. А потом по госпиталю пошел слух, что она беременна...

— Беременна? Как же я об этом не подумал! — крайне удивился Оралов.

Порывисто встав, он возбужденно зашагал по комнате.

— Однако это еще не причина для увольнения. Наоборот, она должна беречь себя и ребенка, я так считаю.

— И я об этом ей говорил, Алексей Федорович. С Еленой Гордеевной пошел к Герасимову. Вместе с ним мы уговорили ее взять сначала отпуск, а заявление об увольнении прислать по почте, если она не передумает от нас уходить. Возможно, она скрылась, чтобы сделать аборт? — предположил он.

— Нет, Лена на это не пойдет.

— Тогда чего же вам переживать? Берите отпуск, езжайте в Отрадную и там все узнаете.

— Верно, — согласился Оралов и пожал начальнику аптеки руку.

Герасимов встретил его приветливой улыбкой. Сообщил:

— А вами уже интересовался санитарный отдел округа... Приглашают сделать доклад о своей командировке.

— Может быть, попозже...

— Понимаю, вам надо отдохнуть. Тогда отложим. Идите в отпуск, набирайтесь сил. А потом уж доклады и конференции.

Он откровенно сказал:

— Мне, Анатолий Никифорович, надо устроить и свои личные дела!

— Слухи и до нас с комиссаром дошли... Это правда, Алексей Федорович?

— Да! — ответил он и рассказал о своем решении завести новую семью.

Герасимов посожалел. Но не осудил и не грозил «аморалкой».

— Вам, Алексей Федорович, конечно, виднее, с кем жить... Тогда и Елена Гордеевна у нас останется! Она нам тоже очень дорога и как прекрасный ассистент аптеки, и как опытный руководитель профсоюза! Потом дадим вам квартиру...

Жены дома он не застал. Написав записку, положил на стол, рядом с ней — половину полученных денег за отпуск. Когда уже стоял на вокзале с чемоданчиком в руке, вдруг напало сомнение: правильно ли он поступает? Да, верно. Останавливаться на полдороге и возвращаться назад — не в его правилах.

Оказалось, Елена и не приезжала в Отрадную. В письме к сестре она сообщала, что в этом году поездку в Отрадную отложит — ждет возвращения из Монголии одного человека...

«Может быть, пошла на берег Кубани и бросилась с обрыва?» — с ужасом подумал Оралов...

14

...В палате летчиков горел свет. Раненые, лежавшие рядом с кроватью танкиста и над ним, не спали, встретили Оралова озабоченно-тревожными взглядами, и он понял, что волнуются за жизнь танкиста, возле которого сидела Марина.

Климов, когда Алексей Федорович поклонился к нему, посмотрел на врача лихорадочным взглядом и вдруг «выкрикнул»:

— Держись лощины, Ваня, держись!..

«Началось отравление организма продуктами распада ожоговых поверхностей, бредит», — заключил Оралов. Срочно нужен морфий, чтобы неотложно снять ужасные боли, необходима камфора или кофеин для поддержания работы

сердца, кровезамещающие жидкости. Вряд ли найдется что у Яковленко. Алексей Федорович беспомощно опустил руки. Не представлял, где взять лекарства, чтобы спасти этого мужественного парня.

Оралов посмотрел на Тополя, горестно вздохнул и попросил:

— Иван Гаврилович, пусть ваши ребята осторожно перенесут Климова в перевязочную. А ты, Марина, последи...

Тополь испуганно глянул на Оралова:

— Неужели опять будете сдирать с парня все бинты?

— Пока нет,— неопределенно ответил Оралов и вышел.

В коридоре он почувствовал слабость.

«Это после бессонной ночи и от постоянного недоедания,— отметил Оралов.— А мне, видимо, придется давать старшему сержанту свою кровь. Хватит ли сил после этого бежать?»

Но и это не остановило Оралова: парню она очень нужна...

В перевязочной, осматривая Климова, он спросил Травинову:

— Марина, ты еще не забыла, как брала из моей вены кровь и переливала раненому в вяземском лазарете?

— Нет,— неуверенно ответила сестра. Поняв, зачем хирург вспомнил об этом, вскрикнула: — Лучше возьмите у меня — я здесь остаюсь! — Она, спохватившись, быстро закрыла рот ладошкой и, посмотрев на дверь, твердо заявила: — Я позову Алексея Ефимовича, Германа Сергеевича...

— Лучше Мстислава,— прервал ее Оралов.— Без врачей мы пока обойдемся — пусть они поспят, а без провизора — нет.

Марина быстро вышла, а Оралов застыл в раздумье около Климова, продолжавшего невнятно бормотать и вскрикивать. Возможно, эта девушка права? Но, представив высоких худых хирургов и Яковленко, переболевших сыпным тифом, он решил, что у них брать кровь нельзя: здесь невозможно сделать анализа и точно сказать, годна ли она будет танкисту, принесет пользу или вред. А он единственный из врачей, кто тифом не болел.

— Только мою тебе надо переливать, дорогой! — вслух проговорил Оралов, словно тот возражал.

Когда появился Яковленко, Оралов кивнул на лежавшего Климова и взволнованно сказал:

— Надо спасать парня, Мстислав!

— Чем?

— Чем-нибудь снять боль, поддержать работу сердца, восполнить потерю крови...

Яковленко посмотрел на Оралова виноватыми глазами:

— Вы же знаете мои запасы, Александр Федорович! У меня есть одна ампула камфорного масла, немного поваренной соли...

— И ни грамма глюкозы?.. А в свинарнике ты ею нас поил, здоровых!

Яковленко удивился:

— Разве она бы сохранилась у нас до сих пор?

— Нет, конечно,— согласился Оралов.— Передай с санитаром ампулу камфоры, а сам приготовь литра три физиологического раствора и граммов пятьдесят четырехпроцентного цитрата натрия...

Яковленко недоуменно пожал плечами: неужели Оралов хочет брать у кого-то кровь и ему нужен лимоннокислый натрий, чтобы предотвратить ее свертывание? Но расспрашивать не стал: надо срочно готовить раствор соли, стерилизовать его...

Когда Яковленко вышел, Оралов нетерпеливо спросил сестру:

— Надеюсь, резиновая трубка, иглы у тебя есть?

— Нет капельницы! — ответила Марина так, будто без нее нельзя брать кровь.

— Перельешь без нее, с зажимом — лишь бы было видно, что кровь по трубке течет. Начинай стерилизовать...

Алексей Федорович не договорил, увидев входящих Калашникова и Зарембу. Вот почему Марина появилась в первязочной позже Мстислава — она забегала в ординаторскую и разбудила врачей! Сейчас Травинова не двигалась с места, ожидая, видимо, что хирурги уговорят его отказаться от дачи крови. Оралов прикрикнул на девушку:

— Чтoб через двадцать минут было все готово!

— Подождите, Александр Федорович! — попытался вмешаться Калашников.— Поговорим, обеудим...

— Пока пареь не умрет — так? — жестко проговорил Оралов и кивнул на лежавшего на столе Климова.

Калашникова его слова словно ударили в грудь, и он выпрямился:

— Извините, Александр Федорович, но могу и я высказать свое мнение?

— Консилиум мне пока не требуется,— хмуря брови, ответил сурово Оралов.— Надо срочно спасти старшего сержанта от интоксикации.

— Но почему только одни вы должны давать кровь? А мы? — уже повысил голос Калашников.

Оралов объяснил, поглядывая за Мариной: не прекратили ли она подготовку к переливанию? В конце добавил:

— Твоя, Алексей Ефимович, вообще не годится для парня — она второй группы. А какая у него — определить у нас, сам знаешь, нечем. Моя же подходит ему по всем статьям!

— Дадите, а потом недели две будете набираться сил, задерживать всех! — намекнул Калашников о побеге.

— Будет сигнал — уйдете без меня! Я подожду, пока Климов придет в сознание и узнает меня, не будет принимать за своего товарища Ваню! — закончил Оралов с улыбкой.

— Да вы что, Александр Федорович? — не выдержал Заремба. — Для этого потребуется неделя или две! Да он, может, и не выйдет из этого состояния?..

— После завтрака я пойду к шеф-артцу и буду просить для Климова лекарств.

— Вы думаете, австриец что-нибудь даст? — усомнился Калашников.

— Еще в день своего приезда обещал...

— Остаться здесь из-за одного раненого — это безумие! — воскликнул Заремба. — Вы забыли про подсадных «уток», которые в любой момент могут разоблачить вас!

В дверь тихо постучали, и все насторожились: слишком они тут громко стали разговаривать.

К счастью, это санитар принес ампулу камфоры.

— Спасибо, братец! — поблагодарил его Оралов так, словно ему он подарил талисман для спасения раненого. — Сразу вводи ее, Марина... — И продолжил, когда санитар вышел: — Для меня, Герман, этот танкист так же дорог, как и те раненые, которых мы спасли вместе с вами! А «уток» бояться — на охоту не ходить!.. Хватит нам вести ненужный разговор. Лучше помогите Марине быстренько наладить все для прямого переливания — цитрата натрия у Мстислава нет.

Калашников сокрушенно покачал головой: армейского хирурга никакими силами не оторвать от раненых. Вслух произнес со вздохом:

— Так и быть, перельем немного...

— Двести пятьдесят граммов! — заявил Оралов.

Заремба удивился:

— А как же мы узнаем с такой точностью?

— Я вам скажу, когда кончать.

Калашников посмотрел на топчан. Он был ниже перевязочного стола. Хотел послать санитаров во двор за кирпичами, но, глянув в окно, понял, что их не выпустят — там еще ночь.

— Пойдем, Герман Сергеевич, в операционную и притащим оттуда еще один стол,— сказал он Зарембе.— А ты, Марина, пока мы будем переносить, подогрей на плитке воды и напои ею нашего отважного донора! — невесело закончил он.

Когда Травинова подала Оралову кружку с горячей водой, он с улыбкой упрекнул ее:

— Не водится у нас в лазарете сахар — всыпала бы сюда хоть чайную ложку глюкозы.

— С глюкозой я бы дал пол-литра крови! — подтрунил над Ораловым Заремба.

— Но это еще не поздно: утром я буду у шеф-артца и специально попрошу ее для тебя,— отпарировал Алексей Федорович.

— Ложитесь на стол! — скомандовал Калашников.

Оралов лег, засучил рукава халата и положил свою руку на столик. Ему казалось, что раз кровь горячей потечет напрямую к раненому, то тот быстрее справится с интоксикацией!..

Ослаблен жгут, и кровь Оралова заструилась тонкой нитью через стеклянное «окошко» в резиновой трубке. Он поднял голову и хотел посмотреть на лицо Климова: не розовеет ли оно у парня. Увы! Он забыл, что на танкисте сплошной слой бинтов!

— Лежите спокойно, Александр Федорович,— предупредил Калашников и спросил: — Как себя чувствуете?

— Отменно! — бодро ответил Оралов, хотя на самом деле у него появилось легкое головокружение, тошнота.

Лишь сознание, что его кровь попадет в искалеченное войной тело молодого воина и придаст ему силы, удерживало Оралова не останавливать переливание.

— Может, уже хватит? — минут через пять спросил Алексей Ефимович.

Оралов упрямо возразил:

— Нет! Еще минуты две...

Выдержав и их, он облегченно выдохнул:

— Все! — и расслабленно закрыл глаза.

Марина сняла жгут, а Калашников вынул иглу, и Оралов почувствовал, как перестала вытекать из его руки кровь, но он был уже безучастен ко всему.

— Вам плохо, Александр Федорович? — услышал Оралов над собой тревожный девичий голос.

Он ласково посмотрел на Марину:

— Пройдет, доченька... Я тут полежу, а ты налаживай систему для вливания Климову физраствора и устанавливай ее в палате. Пойдете завтракать — принесите мне...

По дороге к шеф-артцу Оралов ощущал только слабость. Перед входом в его кабинет он приосанился, поправил ворот гимнастерки. «Шеф» встретил его уже не так дружелюбно, как в первый раз. Своим надменным видом он словно подчеркивал, что хотя они оба и врачи, но стоят на разных ступенях и в иных качествах.

«Пусть считает себя хоть самым фюрером! Лишь бы нашел для Климова лекарства», — подумал Оралов и сдержанно заговорил:

— Вы знаете, господин шеф-артц, что к нам привезли раненого и обожженного танкиста?

— Да, мне известно. Ну и что ж?

— Он отяжелел, бредит, а лечить у нас нечем!

«Шеф» недовольно пожал плечами:

— На фронте гибнут сотни с обеих сторон...

— Но там он остался живым, его довели до лазарета. Теперь наш врачебный долг спасти, вылечить.

— Я вам не запрещаю...

— Мы можем это сделать только с вашей помощью, господин шеф-артц, — не отступал Оралов. — Для него нужно немного: десяток ампул морфия и столько же камфоры, граммов двести порошка глюкозы...

«Шефу» не хотелось заботиться об обгоревшем в танке «Иване». Но уж очень уважительно разговаривал с ним этот врач Петров, владеющий немецким языком. И он позволил в немецкий госпиталь. Положив трубку на рычаг, произнес свое излюбленное «гут», а потом уж снисходительно проговорил:

— Завтра кое-что дадут...

Оралова это не обрадовало.

— Они нужны для раненого сегодня, сейчас! Пошлите за ними солдата или полицая! — с отчаянием в голосе попросил он.

— О, боже мой! — воскликнул «шеф». — Бывший обер-артц так любит русских солдат?

«Не переборщаю ли?» — подумал Оралов и ответил отпосительно спокойно и твердо:

— Господин шеф-артц! Мой долг врача — спасти людей.

— Лекарства будут... Но только завтра! — категорично отрезал «шеф» и показал Оралову на дверь.

«На этом, может, все и закончится, — недоверчиво и безразлично подумал Оралов, выходя на крыльцо. — Не привезет ничего завтра — и никто ему не указ! Выживет или нет русский пленный — ему безразлично. Лишь бы не утруждать себя, сохранить свой покой».

Посмотрев на окна второго этажа, где располагалось терапевтическое отделение, Оралов решил было зайти к Акопову и рассказать о своем решении. Но, вспомнив о запрете ходить по лазарету, поспешил в свой корпус.

Акопов пришел к Оралову в перевязочную вместе с Яковленко вечером. Оба невеселые, молчаливые.

Они уже знали все от Калашникова, и Оралову ничего не пришлось пояснять.

Первым из них заговорил Акопов:

— Так и быть, Александр Федорович, несколько дней мы еще можем подождать. Но если выздоровление танкиста затянется, а нам поступит сигнал, то тогда не обижайтесь!.. Сами понимаете, шестнадцать летчиков могут поднять в воздух две эскадрильи самолетов, а тринадцать врачей — сформировать еще один медсанбат или полевой госпиталь! А враг уже на нашей Кубани, у Сталинграда! И август на исходе — начнутся холода, слякоть...

— Вы на меня тоже не имейте зла, друзья мои. Иначе поступить я не могу! — пожимая им руки, сказал Оралов.

В глазах Яковленко вместо осуждения промелькнула радость: он еще несколько дней побудет тут с Мариной!..

Проводив их, Оралов пошел навестить Климова, посидеть около него...

Оралов прощупывал пульс Климову, прислушивался к его хриплому дыханию, к словам, которые танкист выкрикивал, с тревогой думал: «Безусловно, не один и не два дня потребуется парню, чтобы справиться с отравлением организма. Да и останется ли он живым?» Все ли они, врачи, для этого сделали?.. Пожалуй, и другие врачи не отказались бы дать кровь, и Яковленко тоже бы. Теперь Климову надо дожить до завтрашнего дня. Если шеф-артц привезет обещанные лекарства, то шансов выжить у танкиста будет больше...

Очень похоже ожидание исхода борьбы за жизнь парня на то, что испытывал Оралов, когда возвратился со станции Отрадной в родной город и увидел на двери Некрасовой тот же молчаливый замок! Где она, что с ней — никто не знал. Ему оставалось надеяться, что закончится ее отпуск и Елена или пришлет письмо, или живая и здоровая, с мягкой улыбкой на моложавом лице появится перед ним сама.

Он читал дома журналы, которые накопились за его отсутствие, и нетерпеливо поглядывал через окно второго этажа в сад больницы. Каждый вечер ходил к ее дому, следил с той памятной скамьи в парке за окном Елены — не засветится ли оно.

Когда и шестого ноября окно осталось темным, он все потерял покой. Пытался утешать себя тем, что Елена, возможно, задерживается где-то на праздничные дни. Днем восьмого сожалел, что так медленно движется время. А к вечеру ему уже казалось, что часы совсем остановились! Поэтому, едва небо померкло, он быстро пошел к ее дому. Но все было как и полторы недели назад!.. Он сел в парке на ту скамью недалеко от векового дуба и решил не вставать с нее до тех пор, пока в окне Елены не вспыхнет свет. Даже если ему придется сидеть здесь до второго пришествия.

Но свет вспыхнул так скоро и так неожиданно, что в первое мгновение он почувствовал разочарование: только настроился ждать и ждать... Не поверив, стал считать окна. Точно, её! Вскочив, пошел к дому. Похудевшая, но живая Елена обняла его!

И опять все было так, как в первую ночь. Она ему рассказывала, как жила без него... Когда вдруг почувствовала тошноту от валериановых капель, а потом от хлороформа и мази Вишневого, догадалась — это беременность! Ошибки быть не может. Она станет матерью, а на свет появится еще один человек. Ее ребенок. И его! От него ребенок.

Дома она мечтала о том, какой будет у нее сын, именно сын, почему-то решила она, на кого похож, кем станет, когда вырастет. Она не думала о предстоящих родах, о своем здоровье, легко или тяжело ей будет — все это несколько не беспокоило ее. Она, минуя все это, уже видела своего сына. Он представлялся ей таким, каким был в молодости Алексей Оралов.

Елена принялась просить судьбу, чтобы поскорее вернулся он домой. Для него это тоже будет радость. Может,

написать ему об этом? Или уж не тревожить, подождать, когда вернется... У нее будет сын, а у сына отец... Как это хорошо, если у сына есть отец.

Когда в сентябре было подписано соглашение о прекращении военных действий, река Халхин-Гол стала для нее символом счастья. Пусть он еще немного задержится, но во второй половине октября уже обязательно приедет и посмотрит на нее такую! Даже самые широкие платья теперь не могли скрыть беременность. Не затягиваться же ей?! Вдруг повредишь младенцу...

Елена каждый день гуляла в парке, часто присаживалась отдыхать на ту скамью, где сидел в тот вечер Оралов. Появление его жены Ольги она почувствовала прежде, чем увидела ее. Елене показалось, что на нее надвигается какая-то опасность. Сердце испуганно замерло. Наверняка она ищет встречи! Но та прошла, не заметив Елены.

Среди ночи Елена проснулась от какого-то нового, незнакомого ей ощущения. Долго лежала в постели, прислушиваясь к легким толчкам внутри.

— Это он. Мой мальчик, — радостно прошептала она. — Теперь расти.

Однажды перед вечером к ней в квартиру постучали. Она открыла.

На пороге стояла... Ольга.

— Можно к вам? — спросила она с покорностью, что еще больше насторожило Елену.

— Чем обязана? — в свою очередь спросила сухо Елена.

— Я знаю о твоей связи с Алексеем и о том, что ты от него беременна.

Елена невольно покраснела. Каким тоном она это сказала! Сейчас начнет раскладывать все по полочкам.

— Если даже так, все равно незачем об этом говорить.

— Прогнать меня хочешь — мол, глупая баба, совсем одурела... Пойми и ты меня... За Алексея переживаю. Мы с ним уже почитай два года не живем. Я жду не дождусь, когда он уйдет от меня. Но Алексея еще нет, а про вас с ним уже ходят сплетни...

Ольга говорила так искренне, что Елена поверила ей. Присела на табурет и молча слушала. Когда Ольга кончила, она произнесла лишь одно слово:

— Поздно.

— Да ты что, Лена? Ничего не поздно. По себе знаю.

— Без советчиков обойдусь.

— За него прошу: не позорь его седины!

— Поздно, говорю!

— Будет лучше, если ты уедешь из города, если хоть немного уважаешь Алексея.

Она хотела сказать «любишь», но язык не повернулся.

— Как уедешь?

— Сейчас же, пока он еще не вернулся. Тебя не будет — заглохнут и сплетни.

Елена встала. В самом деле, если она уедет, то Алексея не станут хулить и укорять. Для нее самой счастья было уже предостаточно.

— Но я работаю в госпитале со дня его основания! Да и куда я подамся?

Ее слова попали в точку! Ольга говорила горячо, сочувственно и искренне — так, по крайней мере, казалось Елене.

Но Елена догадалась, что ее отъезд был нужен не Алексею, а Ольге. И чем больше она слушала, тем все сильнее росло недоверие к ее словам.

— Я подумаю, Ольга Трофимовна, — только и обещала Елена.

— Спасти честь Алексея!..

Некрасова не собиралась уезжать из города совсем, как советовала ей Ольга. Не могла она уехать, не поговорив с ним. Дождаться его приезда, а потом уж решать вместе, как им жить. Поэтому она и согласилась с предложением Герасимова взять вначале отпуск...

В этот день Елена решила ехать к сестре в Отрадную. Забежала в магазин и накупила подарков для детворы. Больше ничего не успела — сразу на вокзал.

В Армавире она поторопилась, рывком подняла чемодан. И тотчас почувствовала головокружение и боли в животе. Дойдя до тесного здания вокзала, присела там на скамью. Началась перебои в сердце.

Все это не только напугало ее, но и натолкнуло на мысль: сумеет ли она доехать до Отрадной, ведь до нее больше ста километров! Не лучше ли вернуться домой?

— Вам плохо? — услышала она над собой тихий голос.

Елена подняла голову и увидела полную женщину с добродушным лицом и участливым взглядом серых глаз.

— Пройдет, — ответила Некрасова.

— Подожди... Да ты не сестра ли Верки Самариной?

Елена Гордеевна повнимательней посмотрела на женщину, пытаясь узнать, кто она такая. В Отрадной ее не видела.

— Сама-то я живу в Туапсе, а в Отрадной — старший

сын. Навещала его часто — вот сдается мне, что видела тебя там с кучей племянников. Сейчас я оттуда: живы они все, здоровы. Меня Евдокией зовут, а сына — Семен. Если по-хорошему, то я вам родственницей прихожусь. По отцу.

— Я вспомнила. Ваш дом над самым обрывом стоит. Евдокия оглядела ее всезнающим взглядом.

— Пройдет, говоришь? Хорошо, если так. Но одной тебе ехать не резон. Да и нечего сейчас делать в Отрадной. Возьму я тебя лучше к себе. Тебе как раз сейчас морской воздух нужен.

«Откуда ей известно», — подумала Елена, но тут же сообразила, что догадаться не так уж трудно по ее виду, тем более что Евдокия, как выяснилось, работала где-то няней.

Елена Гордеевна доверилась ей и рассказала о себе все.

— Вот и хорошо! — вроде бы даже обрадовалась Евдокия. — В доме для тебя найдется боковушка — тебе одной хватит. Чай, не чужие..

Через час они уже ехали на поезде. Евдокия напоила Елену чаем с коржами и заботливо ухаживала за ней всю дорогу, попутно расспрашивая о родственниках, вспоминая, кто где живет и чем занимается.

В ее домике царили чистота и порядок. Елена вместе с Евдокией готовила детям еду, провожала их в школу. Оставшись одна, выходила к морю и подолгу стояла на берегу, любуясь необычным цветом волн: темно-зеленым — возле ног, синим — вдаль и серебристым — на горизонте.

Когда море бывало спокойным, она подолгу просиживала на берегу, прислушиваясь к его невнятному шепоту. О чем она только не передумала в эти дни! Думы были нерадостные, тревожные, и тоска все больше охватывала ее. Евдокия это заметила.

— Если невмоготу. — поезжай домой! — сказала она.

Утром Елена вышла в последний раз подышать морским воздухом. Глядя на волны, она, сама не зная почему, еще сильнее затосковала по Алексею. Наверно, он давно приехал, а ее нет. Надо немедленно ехать домой.

Но ночью у нее поднялась температура, появился насморк, кашель. Начались сердечные перебои.

Женщина-врач, осмотрев ее, покачала головой:

— Будьте осторожны. Пока постельный режим... Выпишу микстуру, а вводить камфору пришлю сестру. Через неделю будете здоровы.

Елена осталась одна со своими думами. К вчеру ей стало хуже. Она так испугалась, что на лбу выступила испарина: а что, если умрет раньше, чем родит! И ОН погибнет вместе с ней!..

Лишь к утру, когда температура упала, Елена облегченно вздохнула. Что с ней будет потом — не важно. Она спасет ребенка.

Вечером Елена попросила Евдокию присесть возле кровати и поделилась с ней своими думами. Та простодушно всплеснула руками:

— У вас же любовь? Чего же тебе бояться и наперед загадывать?

Евдокия считала, что Елене прежде всего надо зарегистрироваться, чтобы у ребенка был отец, фамилия и отчество. Все честь по чести.

Елена верила ей, но сомневаться не переставала.

Лишь шестого ноября врач позволила ей выехать...

Евдокия проводила ее до вокзала. Прощаясь, еще раз наказала:

— Не глупи, Лена, сходитесь и живите.

Елена ей не возражала, но про себя уже твердо решила поступить по-своему...

Была глубокая полночь, когда Елена, погладив Оралова по голове, смолкла на минуту, а потом сказала с печалью в голосе:

— А решила я; Алеша, вот что... Я не могу сейчас стать твоей женой.

Он посмотрел на нее, ничего не понимая.

— Ты мне не веришь, сомневаешься? Но я уже взял развод, по обоюдному согласию разошлись с женой! Самое трудное у нас позади.

Он пытался продолжить разговор, надеясь убедить ее отказаться от своего, как ему казалось, совершенно необъяснимого решения. Больше того — чудовищного!

Елена горько заплакала. Но и сквозь слезы говорила просящим голосом:

— Я и сейчас тебя люблю, как прежде. Только ты подожди. И на работе... на меня тоже не обращай внимания.

— У меня отпуск, — напомнил он ей.

Она посоветовала ему поехать отдохнуть на море.

— Море и в эту пору прекрасно!

Он согласился с нею. Но про себя подумал, что ему не надо спешить уезжать: может быть, Елена еще передумает?..

Проходили сутки за сутками, а улучшения в состоянии здоровья Климова не наступало. Парень оставался живым, но слабел с каждым днем. Шеф-артц хотя и привез для него лекарств, но очень мало: только три ампулы морфия, пять камфоры и пятьдесят граммов глюкозы!

Алексей Федорович и за это сказал ему спасибо. Даже подумал, что во враче-австрийце, хотя он и носит нацистский мундир, больше человечности и заботы о раненых противника, чем в немцах-нацистах. Но медикаменты уже кончились, надо было опять идти к «шефу» и низко кланяться...

А немецкое радио в эти дни «орало во весь кадык», как выразился Яковленко, что их войска вышли к Волге и заняли почти весь Сталинград. Полицаи и солдаты-охранники самодовольно улыбались. Они, как видно, тоже считали себя победителями.

В эти дни комендант распространил среди обслуживающего персонала и раненых красноармейцев листовки, в которых предлагалось вступать в русскую освободительную армию.

В перевязочную вбежал Акопов и показал листовку Оралову. Прочитав ее, Алексей Федорович возмутился:

— Ну, из этого у них ничего не получится! Не туда обратились. Вряд ли найдется такой безумец, который, побывав в фашистском «раю», отважится защищать его!

— Но от агитации они могут перейти к насильственной вербовке,— озабоченно проговорил Акопов.— И тогда мы, врачи, обязательно «загреем». Сигнал от партизан мог не дойти до нас, где-то по пути оборваться? Поэтому нам, по-моему, надо сматываться отсюда завтра же, Алексей Федорович. Как ваш Климов?

Оралов тяжело вздохнул и ответил:

— Еще в бреду... Ты прав, Акопыч, надо пробовать...

— Без вас?

Алексей Федорович беспомощно развел руками:

— Тридцать шесть не должны ожидать одного! А если парень придет в сознание, то я тоже не отстану... Ты позови Яковленко, а я приглашу в перевязочную Тополя. Обсудим положение, снимем с летчика гипс. Калашников с Зарембой и Мариной будут, как всегда, на охране...

Говорил об уходе врачей и летчиков Оралов искренне, но когда положил Тополя на стол, а Яковленко занял свое место за его головой, Алексей Федорович посмотрел на

них с надеждой: может, они захотят подождать сигнала от партизан, повременить, и тогда он уйдет с ними. Тем более Мстиславу трудно, конечно, покидать Марину.

Но медлить с побегом никому не хотелось. Даже летчик и провизор высказывались за это.

— Если только небо не закроют тучи, то придется отложить на послезавтра,— озабоченно проговорил Яковленко.— Луна сейчас с вечера светит как прожектор: когда выйдем из котельной, с вышек могут заметить часовые.

— Поползем ужами,— не согласился с ним Акопов.— Как вы, Иван Гаврилович, считаете: заметят нас с высоты?

Тополь глянул снизу на Яковленко, улыбнулся:

— Мстислав теперь это лучше меня знает! — намекнул он на его посиделки с Мариной по ночам.— А что говорит ваш «барометр», Александр Федорович? Вы обещали предсказать погоду.

В работе, в постоянных заботах за жизнь Климова Оралов забыл о своем ушибленном колене. Прислушавшись сейчас, удивленно пожал плечами, улыбнулся:

— Не пойму... Кажется, теперь все суставы ноют!

— Будем надеяться на нелетную погоду! — обрадованно произнес Тополь.— Но если тучи не закроют «прожектор», то лучше переждать день-другой...

Акопов напомнил об одежде:

— По ночам уже будет холодно. Не забудьте прихватить шинели и вместо фуражек пилотки: в них удобнее бежать по кустарникам и можно закрыть уши... Еще раз о маршрутах...

Когда сняли гипс с ноги Тополя, Оралов приглушенно вздохнул:

— Будем надеяться, что это в последний раз! Иди, Иван Гаврилович, в палату и присылай по одному твоих хлопцев...

Вечером Оралов долго сидел около Климова и терпеливо ожидал, что у парня наступит улучшение. Не дождавшись, пошел в перевязочную и лег на топчан.

«Может, действительно это безумие с моей стороны оставаться тут из-за одного раненого? Останутся же здесь другие врачи!»— думал опять Оралов. Ему казалось, что кроме Климова здесь его задерживает еще что-то. Но танкист — прежде всего. «Кто лучше меня знает, какие у парня ожоги, чем лучше их лечить,— вздыхал Оралов.— Да и шеф-арти... Вряд ли другие посмеют просить у австрийца лекарства».

По мнению Оралова, убежать ему сейчас, бросать танкиста в таком состоянии — равносильно предательству.

Алексей Федорович поднялся с топчана и почувствовал в правом колене боль. Грустно улыбнулся: уйдут ребята сегодня — «барометр» показывает на ненастье. Прихрамывая, заспешил к Климову.

В палате дежурила Марина. На молчаливый вопрос о состоянии парня она тихо ответила:

— Все так же... Может быть, и хуже: стал сильнее кричать, метаться!

— Ты иди отдохни, доченька, а я посижу тут, посмотрю за системой для вливания физраствора...

— Вы сами очень мало спали,— попробовала возразить она.

— Нам, старикам, много и не надо,— успокоил он сестру и ласково погладил по тонкой руке.— Иди, а то ты совсем извелась за эти дни.

Марина вдруг покраснела и быстро вышла:

Уже сегодня вечером она может остаться одна; без Мстислава. Прислушавшись к хриловатому дыханию Климова, к его голосу во время выкриков, Оралов уловил какие-то изменения. Но к худшему они или к лучшему, определить он еще не мог. Нащупав пульс парня, он мысленно попросил его быть умницей! «От тебя зависит не только твоя, но и моя жизнь! Если ты сегодня не узнаешь меня, то я не смогу уйти отсюда...»— вздохнул он.

Перед рассветом, когда почти все раненые уже проснулись и тихо переговаривались между собой, Оралов, сидевший на табурете, заснул. Его руки повисли как плети. Подергивая головой, он еще пытался ее держать, но она опускаясь все ниже и ниже. И, наконец, упала на грудь.

Первым это заметил Тополь. Он привстал на локте и с удивлением смотрел в лицо своего врача. Повернувшись к раненым, сказал полупшепотом:

— Ребята, доктор заснул!

Шум притих, но громко вскричал Климов:

— Ваня! Дави гадов!.. Да-ви!

«Разбудит! Ей-богу, разбудит! И пяти минут не даст поспать!» — встревожился Тополь.

А старший сержант уже крыл фашистов бранными словами.

Тополь быстро слез с кровати и, подойдя на носках к танкисту, нетерпеливо попросил:

— Браток, дай доктору хоть пару минут поспать. Не кричи!

Климов начал приходить в сознание; но никак не мог понять; чего от него хотят. Пока еще никто не запрещал ему кричать. Наоборот, он помнил ласковые слова широколицей сестрички в операционной, которая со слезами на глазах советовала это делать; чтобы легче переносить боль.

— Да прошу тебя, замолчи! — повисил голос Иван Гаврилович.

В гулком помещении большой палаты наступила тишина. Только изредка слышались вздохи и приглушенный шепот. Тополь, затаив дыхание, смотрел на покачивающегося на табурете спящего врача.

Но именно наступившая тишина, от которой отвык Оралов за последние сутки, и разбудила его. Он открыл глаза, медленно поднял голову и задержался еще не видящим взглядом на «снежном» лице танкиста. Долго не мог понять, где он.

— Заснул, кажется! — Оралов испуганно взглянул на Тополя, стоявшего у изголовья танкиста, и вскрикнул: — Умер?

— Что вы, что вы, доктор! Наоборот, парень ожил и внял моей просьбе, — поспешил успокоить Оралова Тополь.

Алексей Федорович схватил руку Климова. Нащупав ровный, спокойный пульс, обрадованно выдохнул:

— Выжил!

Приподнявшись, он наклонился к лицу раненого — из-под бинтов на Оралова смотрели осмысленные глаза.

— Доктор? — удивленно прошептал пересохшими губами Климов.

— Узнал! — воскликнул Оралов. Повернувшись к Тополю; он похвалил танкиста: — Богатырь — выдюжил! — И опять посмотрел в глаза Климова.

Ему показалось, что в них промелькнула улыбка, а в своих Оралов почувствовал слезы. От слабости ноги его подкосились, и он присел на табурет.

— Пить! — попросил свистящим шепотом Климов.

— Можно дать ему воды; доктор? — спросил Тополь.

— Конечно, Иван Гаврилович. Напоите; пожалуйста, парня.

Кто-то из летчиков подал кружку с водой. Тополь приподнял Климову голову:

Старший сержант жадно глотал воду, расплескивал, смачивая бинты вокруг рта. Выпив до дна, несколько минут лежал тихо. Потом вдруг окрепшим голосом сказал:

— Эх, братцы, теперь бы закурить и умереть!

— Вот тебе раз! — вырвалось у Оралова. — Мы его,

можно сказать, с того света вытянули, а он — умереть! Не давайте ему папиросу, а то он и впрямь умрет,— договорил хирург с улыбкой.

— У нас ее и нет. Надоело смолить листья да мох — почти все побросали. Так что он будет жить — не волнуется,— заверил Тополь.

Летчики улыбались, радуясь, что парня потянуло на курение. Значит, врачи спасли его!

«Вот она, моя награда, которую ни один фашист не сможет отнять!»— радовался Оралов, ощущая на себе добрые взгляды раненых. Вслух сказал, словно попросил прощения:

— Теперь я часик посплю...

— Лучше два. Тогда вы не заснете стоя,— намекнул Тополь и весело засмеялся...

17

Не мог Оралов после того, как Климов наконец-то узнал его, сразу лечь спать. Еще не совсем успокоившись от такой радости, он подошел к окну. Плыли, клубились на небе, обгоняя друг друга, серые облака. «Вот так и мы побежим по своим маршрутам, не отставая от товарищей. Все тридцать семь уйдем из-под проволоки! Поистине из-под нее!» — улыбнулся Алексей Федорович, представив, как они на четвереньках или полусогнувшись пройдут по тоннелю и окажутся на той стороне проволоки, не задев ее. И если тучи замаскируют землю, то ни одна «утка» не выследит их, ни один самый глазастый часовой не заметит с вышки!

Помечтав, он лег на топчан и блаженно вытянулся: теперь можно поспать два, а то и три часа, чтобы к моменту «взлета» быть бодрым, свежим, готовым бежать по городу, по лесу...

Уснул Оралов так крепко, что не услышал тревожный голос Калашникова, стоявшего над ним:

— Алексей Федорович, вставайте!

Лишь когда тот потряс его за плечи, Оралов открыл глаза и испуганно спросил:

— Опять с Климовым? — Вскочив, он нервно начал надевать гимнастерку.— Что с ним?

— С Климовым ничего, а вот нас кто-то выдал...— шепотом договорил хирург и оглянулся.

— Что вы сказали, Алексей Ефимович?

В перевязочной никого больше не было, и Калашников усилил голос:

— Говорю, что нас, очевидно, выдали. Полицаи сгоняют всех медиков-мужчин к дому коменданта. И нам надо туда идти...

Неужели кто-то предал? У Оралова в памяти тотчас замелькали картины их подготовки к побегу, лица участников, которых они все лето так тщательно отбирали. Не верилось, что кто-либо из них «крякнул» коменданту...

Но полицаи не вели их под конвоем, как арестованных, а лишь покрикивали сзади:

— Всем! Всем лекарям к дому господина коменданта!

Когда Оралов и Калашников вышли во двор, около дома уже стояли почти все врачи и фельдшеры лазарета. Едва они подошли к ним, старший полицай заорал:

— Строиться в две шеренги! Сначала становятся доктора, а за ними — фершала!

Значит, за чем-то другим их сюда согнали. Оралов взглянул на небо и в отчаянии, что сорвался побег в такую прекрасную «нелетную» погоду, чуть не вскрикнул: «Ни единого просвета!» Поднявшийся ветер гнал отяжелевшие тучи на запад, куда отвезли их «светлячков». Теперь, видимо, настала очередь врачей и фельдшеров. Только отправят их в тюрьму, а не для работы. Алексей Федорович передернул плечами: стоять в выношенной гимнастерке, шароварах и без фуражки было холодно.

Ветер трепал на всех одежду, уныло гудел в натянутой проволоке, нагоняя тоску. Коллеги Оралова становились в строй, бросая на полицаев презрительные взгляды.

— Но-но, забыли, как держать равнение! Выше головы! — покрикивал полицай, стараясь навести порядок, чтобы медицинский персонал имел приличный вид.

Но разве мог такой вид быть у изможденных голодом и переболевших сыпным тифом людей, обутых в рваную обувь, одетых в вылинявшее обмундирование?

На правом фланге стоял Яковленко и старался держаться независимо. Заремба рядом с ним хмурился. Акопов попытался пошутить по поводу их затрапезной одежды и «скелетного» вида, но, глянув снизу вверх на пасмурного, покачивающегося при порывах ветра Калашникова, только сдавленно вздохнул.

Солдаты вынесли из здания стол, поставили его перед домом, на него положили листы бумаги и несколько карандашей. Зачем? Для чего?

На крыльцо вышли шеф-артц вместе с комендантом,

сухопарый офицер и несколько цивильных, среди которых невысокий худощавый мужчина в добротном гражданском костюме Оралову показался очень знакомым.

Мужчина посмотрел на врачей с нарочитой рассеянностью, будто был погружен в какие-то свои важные мысли. И эта его рассеянность тотчас напомнила Оралову, как в лесу ясным ранним утром сидел на пеньке врач и сочинял стихи. «Пухов! Вот она та, «подсадная утка», которая выдаст сейчас меня!.. Сорвется побег всех»,— удрученно подумал Алексей Федорович и опустил голову, ссутулился, намереваясь спрятаться за стоявшего впереди Акопова, досадуя, что его бывший ученик такой маленький. «Да я, никак, трушу? Не смей! И среди девятнадцати врачей все равно не затеряешься»,— успокаивал себя он, выпрямившись и смело посмотрев на Пухова. Своим видом и взглядом ему хотелось показать, что хотя он сейчас и пленный, но по долгу и чести перед своими ранеными как был армейским хирургом, так им и остался!

Пухов по-прежнему смотрел на всех рассеянно, не замечая Оралова. Алексей Федорович шепнул Акопову на ухо:

— Карен, узнаешь того плюгавого среди цивильных?

Акопов присмотрелся и удивленно-испуганно выдохнул:

— Так это же... Он вас...

— Спокойно, Акопыч... Он самый — Пухов... За чем он к нам пожаловал вместе с такой компанией?

Первым начал говорить главврач. Через переводчика австриец пояснил, что в лазарет приехала комиссия, вербуемая добровольцев в русскую армию. И почти слово в слово повторил то, что было написано в листовках.

— Не успели...— тихо произнес Акопов и понуро опустил голову.

Пышнотелый мужчина длинно говорил о долге и чести русских врачей, начав со времен Пирогова, приводил в пример собственную жизнь.

Оралов слушал, а взгляд косил на Пухова, стараясь понять: выдал уже его он или еще нет? За какие сребреники продался этот иуда?

— Вам предоставляется возможность поступить на службу в истинно русскую армию и вместе с доблестными солдатами фюрера помочь православным победить нехристей,— продолжал пышнотелый.— Вас будут кормить, одевать и обувать, как немецких офицеров.

Алексей Федорович посмотрел на своих коллег: что они думают в этот момент? Не соблазнятся ли на посулы?

Следом за пышнотелым заговорил Пухов, и Оралов направил за него свой негодующий, убийственный взгляд, надеясь им остановить речь холая, не позволить ему говорить, раз нет в руках пистолета, чтобы пристрелить эту гадину.

Пухов призывал следовать его примеру, расхваливал теперешнюю жизнь:

— Я и сыт, и свободен, и буду заниматься любимым делом — лечить русских воинов...

Он не договорил. Запнувшись, закашлялся, выпучив на Оралова глаза.

«Давно бы так, предатель!» — сказал ему Оралов своим взглядом и удовлетворенно вздохнул.

А Пухов уже склонил воробьиную головку к коменданту и что-то нашептывал ему, кивая на Алексея Федоровича.

«Доносит, кто я! — тревожился Оралов. — Сейчас меня схватят и поволокут!»

У «ундера» поднялись брови. Он поговорил с офицером, что-то сказал Пухову, но с места не сдвинулся.

Наконец переводчик объявил:

— Кто желает служить России — два шага вперед!

Оралов недоумевал, почему его не берут под арест. Поняв, что они ожидают от него примера, надеются, что он первым шагнет, возмутился: за кого они его принимают! Алексей Федорович глянул на коллег. Никто из них не шевелился, ни один не делал два шага, которыми измерялся сейчас путь к предательству.

— Разойтись! Один час подумать! — перевел слова «ундера» переводчик и добавил: — Но со двора не уходить.

Врачи отошли от крыльца, чтобы их не слышали полиция и агитаторы. Молодые зашептались:

— Записаться, а потом бежать!

Оралов посмотрел на Аكوпова: ему уже незачем больше скрываться! Не допуская никакой сделки с совестью, Алексей Федорович жестко заговорил:

— Не соблазняйтесь, ребята! Подадитесь в этот вертеп — уже совершите преступление. Поверьте моему слову — слову, армейского хирурга! Да, да, я не врач Петров! — добавил Оралов и увидел на многих лицах удивление. — И не такие они идиоты, чтобы не понять такой хитрости. Они сначала заставят всех обогреть руки кровью наших людей. И тогда дороги назад не будет!

Калашников, стоявший молча, вдруг сказал еще резче:

— Кто подумает это сделать — задушу своими руками!

Не дождавшись добровольцев, начали по одному приглашать в кабинет коменданта.

Первым позвали Оралова.

Алексей Федорович шел в дом коменданта и думал, что его не арестовывают не только потому, чтобы он показал пример, но и потому, что им до зарезу нужны хирурги!

За столом сидели офицер, комендант, по бокам — пышнотелый господин, еще один сухощавый цивильный и переводчик. Пухова здесь не было. В руках «ундера» Оралов увидел свой орден Ленина, и лицо его напряглось еще больше.

«Не только Климов удерживал меня здесь, но и орден!» — вспомнив о своем нежелании уходить отсюда, подумал Оралов.

— Ну, врач Петров — профессор Оралов! Я же говорил, что хозяин этой «игрушки» найдется? — самодовольно сказал комендант, обращаясь к Алексею Федоровичу, минуя переводчика.

Он опять пренебрежительно говорит об ордене! Оралов молчал, словно абсолютно не понимал немецкого языка.

Вмешался переводчик:

— Вы почему не отвечаете господину коменданту?

— Меня вербуют в «русскую» армию — и я буду говорить только по-русски! — твердо заявил Оралов.

Выслушав перевод, комендант презрительно усмехнулся. Но если они и это стерпели, то сейчас будут стараться затянуть его в свой вертеп, используя шантаж и запугивание, надеясь, что за бывшим «обер-артцем» пойдут остальные. Глядя на свой орден, Алексей Федорович выпрямил голову, расправил плечи.

— Почему скрыли, что вы были профессором Ораловым, хирургом армии и что это ваш орден? — спросил комендант через переводчика.

Если «были профессором», то с ним говорят уже на «вы»! Что он профессор, сказал, конечно, Пухов! И Алексей Федорович с достоинством ответил:

— Был я не профессором, а рядовым ассистентом клиники госпитальной хирургии. Почему скрыл, что я Оралов, думаю, объяснять не надо... По этой причине не признался, что орден мой...

— За что вам его дали? — поинтересовался офицер.

— За то, что я был неплохим врачом, лечил красноармейцев!

— О-о, профессор очень любит солдат! Он и мне не давал покоя, чтобы спасти их, особенно этого танкиста, которому даже дал свою кровь, — вставил шеф-артц так, словно набивал Алексею Федоровичу цену.

— Если пойдете служить в русскую армию и будете так же лечить наших солдат и офицеров, то сможете заслужить самые высокие награды, получить звание генерала,— доверительно заговорил пышнотелый.

— Какой из меня теперь генерал, если мне уже под пятьдесят, я еле волочу ноги!

— На офицерском пайке быстро восстановите силы...

Мягко стелет — только жестко будет спать! Перед глазами Оралова промелькнули картины искалеченных детей на станции Рудня, ночная трагедия в Ванино, оставленные в свинарнике раненые, за которыми никто не поехал, вереницы подвод с умершими в Вязьме, сотни закопанных на пустыре, увезенные неизвестно куда почти здоровые люди во главе с Герасимовым... И теперь его уговаривают, чтобы он лечил тех, кто творил все это, кто будет убивать воинов Красной Армии, которые должны освободить землю от современных варваров!

— Уж никакие пайки не помогут мне набрать то, что я потерял тут.

Сухощавый цивильный напомнил:

— Но Красная Армия будет уничтожена, Советов не будет. Если вы не пойдете сейчас с нами, то после войны врачом вам не быть!

— Пойду работать в больницу санитаром. Но от больных не уйду!

Немец-офицер, очевидно, понимал по-русски, потому что вдруг заговорил с угрозой по-немецки:

— Передать его в гестапо, посадить в тюрьму! Зачем вам такой «красный» врач?

Оралов не выдержал и ответил сдержанно, тоже по-немецки:

— Кто хотя бы месяц побыл в вашем плену, тому никакая тюрьма не страшна, господин офи...

— Вон! Как смеешь так разговаривать!— прервал его тот.

Повернувшись к коменданту, офицер приказал посадить Оралова под арест, чтобы он не общался с врачами.

Когда Алексея Федоровича втолкнули в узкую комнатушку с зарешеченным окном, он сел на пол, вытянул ноги и, привалившись к стене, с безнадежностью подумал: «Может, все же еще удастся убежать? Выпустили бы отсюда хотя бы на одну ночь! А уходить из лазарета надо». Если и докопаются, что все летчики давно были здоровы, то его расстреляют без суда или повесят на воротах лазарета. Но если не он, то его коллеги и летчики все же сумеют

убежать, во всяком случае надежда на это полностью не похоронена.

За стеной начался разговор с кем-то из врачей лазарета. Оралов напряг слух, чтобы разобрать слова. Но там беседовали слишком тихо. И он беспокойно прошептал: «Устоите ли, мои коллеги?»

Пухов в это время ходил по палатам и настороженно приглядывался к врачам: не появится ли среди них Оралов? Он теперь не был ему подчинен, но его по-прежнему брала перед ним оторопь. Если бы знал, что Оралов здесь, то не поехал бы сюда. Ишь, замаскировался под врача Петрова, спрятал в гипс свой орден Ленина, которым гордился на фронте в сорок первом, слепил ему глаза в том лесу...

Пухов всю жизнь ненавидел политику. Считал, что политика врачу не нужна. Он медик. Это и определило его поведение. Сначала его мобилизовали на Дону в армию Деникина, и он лечил солдат белой армии. Потом его взяли в плен буденновцы, и он стал лечить красноармейцев, так же добросовестно спасая их от смерти. В мирное время лечил станичников. Они, разумеется, его благодарили: в доме Пухова, как у всякого «уважающего» себя врача, только птичьего молока не было.

Он и в сорок первом не думал сдаваться в плен. Но когда немцы напали на санитарную роту и открыли стрельбу, то подумал: зачем рисковать, напрасно проливать кровь — ею и так полито пол-России. Немецкие солдаты не тронули его, когда он вышел к ним с поднятыми руками и без оружия.

А большевиков в этом лазарете, видно, немало, если ни один из пленных не хочет откликнуться на призыв.

Пухов подошел к раненому и заговорил с ним о вступлении в роту добровольцев. Тот молча выслушал, но ответил отказом: не может, дескать, потому, что истощал, не удержит винтовку в руках.

— Вас подкормят, подправят...

— Уже бесполезно — не в коня корм.

Пухову не верилось, чтобы во всем лазарете среди раненых и больных не нашлось добровольцев. Ведь немецкая армия в Сталинграде, ее уже не сокрушит и не остановит никто! Об этом он сказал бойцу с загипсованной ногой. Тот неожиданно засмеялся и ехидно спросил:

— Вы, наверно, еще в сорок первом об этом знали, когда бросили нас на произвол судьбы.

Нарвался! Видно, из тех, с кем служил в одной части. Лицо Пухова покраснело, он смутился, но тут же овладел собой:

— Я не хотел лишнего кровопролития. А вам и сейчас не поздно.

— Рад бы, да вот нога не срывается,— насмешливо сказал раненый.

В следующей палате за всех ответил Тополь:

— Вы не сюда попали. У нас тут свои агитаторы, не вам чета.

18

В течение двух дней так никто и не изъявил желания идти «плечо в плечо» с армией рейха.

Это радовало и тревожило.

Акопов и Яковленко ждали ареста, придумывали, как выручить Оралова. Тополь предложил выставить раму и освободить Оралова.

Акопов с ним не согласился: окно выходит к запретной зоне, которая хорошо освещается.

— Надо придумать что-то другое...

Алексей Федорович сидел и с тоской вслушивался в разговор за стеной. Доносились обрывки немецких фраз. По ним он понял, что офицер кричит на коменданта:

— Курорт!.. Лагерь!.. Безумие!..— переводил Оралов, что удалось разобрать.

Из всего услышанного он сделал вывод, что офицер отчитывает «ундера» за то, что врачам и больным в лазарете «вольготно» живется. Поэтому-то только один и записался в добровольцы. Полиция прижились в теплом месте. Всех врачей завтра же отправить как добровольцев, а на их место он пришлет таких, у которых все больные тотчас станут здоровыми, и врачи тут будут не нужны!

«Любыми путями надо передать Акопову, чтобы они сегодня же бежали, так как завтра может быть поздно,— решил Оралов.— Но как? Хоть один бы пленный появился под окном!..» Алексей Федорович посмотрел на небо: оно закрыто сплошными тучами. Ночь должна быть темной, а ветер заглушит звук шагов. Попробовать выбраться через окно и по стенке пробраться в корпус?..

Разговоры прекратились, вскоре послышался шум отъезжающей машины. Возле двери его комнаты замерли шаги. За ним? На пороге выросла фигура коменданта. После нагоняя он был раздражен до последней степени. Срывающимся голосом «ундер» закричал, чтобы Оралов убирался отсюда вон, а завтра все они узнают, что такое плен!

«Нет, «ундер», завтра многих здесь уже не будет», — подумал Оралов и быстро вышел. Во дворе оглянулся на дом коменданта: не верилось, что его выпустили. Видимо, ни один врач не поддался их уговорам. Вот его и отпустили, как приманку; надо, мол, сломить бывшего обер-артца, за ним и другие пойдут... Да, или бежать в эту же ночь, или... Если завтра действительно поменяют солдат и полицаев, то тогда им уже не уйти! Присмотревшись к прогуливающимся раненым и больным, Оралов увидел летчиков, одетых в шинели.

«Уже похолодало! — отметил Алексей Федорович, чувствуя, как легкий влажный ветерок холодит его лицо, руки. — Но зато все уже одеты по-дорожному!» Он направился мимо летчиков.

Поравнявшись с Тополем, замедлил шаг, негромко сказал:

— Взлет, Иван Гаврилович! Пойдем без сигнала. Передай об этом Акопову, а я зайду к Яковленко.

— Только вас и ожидали, — словно ответив на пароль, тихо проговорил летчик.

Оралов зашел в аптеку. Яковленко был на месте. Он усадил хирурга на кровать, подал банку с водой.

— Надо уходить, Алексей Федорович! Как только комендант за ворота — начнем долбить!

— Только сегодня, Мстислав! Завтра будет уже поздно, — твердо проговорил Оралов и, кратко рассказав о том, что ему удалось услышать через стенку, добавил: — Передай всем, чтобы незаметно, по одному, сосредоточились во втором корпусе, пока немцы не выставили на первом этаже охрану. — Оралов выпил воды и, поднявшись, произнес: — В путь!.. Я предупрежу Калашникова, оденусь и тоже выйду погулять. Без шинелей нам сегодня нельзя появляться на улице, — закончил он с улыбкой и кивнул на окно.

Алексей Федорович поспешил в перевязочную. Надев там халат, зашел в палату летчиков. В ней были лишь те, кто не мог сейчас бежать: двое летчиков в гипсе и один танкист.

Климов встретил Оралова радостно:

— А мы о вас горевали...

— Пока выпустили. Как ты тут, братец?

— Скучновато втроем. Когда все в палате — веселее...

— Это теперь ты переживешь.

— Конечно, доктор! — заверил Климов Оралова. —

А как встану на ноги — протараню проволоку и уйду!

Оралову так захотелось взять с собой этого последнего раненого, спасенного им здесь! Хоть оставайся и жди, когда Климов наберет силы. Если было бы можно, Оралов так бы и сделал!.. Алексей Федорович пожал руку Климову, окинул прощальным взглядом палату, грустно вздохнул и направился к выходу.

— Счастливого вам пути, доктор! — услышал он сзади себя хриловатый голос.

Оралов на секунду остановился. Поняв, что и эти ребята знают о побеге, благодарно кивнул головой.

Сняв в перевязочной халат, Оралов взялся за шинель. Утешая себя тем, что раненых в лазарете осталось немного, вздохнул, оделся. Поглядев на фуражку, вспомнил слова Аكوпова о пилотке. Но где теперь искать ее...

По лестнице Алексей Федорович спускался настороженно, опасаясь, что на первом этаже уже стоит какой-нибудь Курт. Там пока никого не было...

Народу во дворе убавилось, но было достаточно, чтобы среди них незаметно свернуть на пустырь.

Около могил Оралов снял фуражку, отдавая последнюю почесть тем, кто погиб тут не от пуль и осколков, а от сыпного тифа и ран. Вспомнил о Герасимове, который первый из врачей лазарета добровольно взялся лечить и спасать своих воинов. Где он теперь?.. Лишь бы был жив. Алексей Федорович не сомневался, что Анатолий Никифорович тоже убежит, а может, уже и убежал и сейчас там, за линией фронта...

Оралова встретил Аковов. Сказал, не скрыв тревоги в голосе:

— Уйдем, чтобы стать опять людьми! «Ундер» уже уехал из лазарета, полицаев во дворе не видно.

Аковов побегал в подвал.

Отсутствие охраны во дворе Оралов связывал с тем, что комендант, видимо, уже объявил старшему полицаяю и немецкому ефрейтору, что завтра всех полицаев отправят служить в «русскую» армию, а солдат — на фронт. С горя, что им не удалось отсидеться здесь до конца войны, они все вместе пьют...

От Аكوпова передали, что наконец-то можно уходить и врачам. Значит, летчики уже за проволокой...

Оралов внимательно всмотрелся. Плотная темнота сливалась с землей, и Алексей Федорович ничего не мог различить: Взглянув в последний раз в сторону дома коменданта, он вздохнул: там оставался его орден, его награда за нелегкий труд врача.

В подвале около отверстия в тоннель стояло несколько врачей.

— Твоя очередь! — сказал Акопов такому же щупленькому врачу, как и он сам. — За ним вы, Алексей Федорович.

Врач легко и проворно юркнул в лаз. Оралов протиснулся с трудом. Хоть и исхудал он за время плена, но был достаточно широк в кости. Сердце билось так часто и сильно, что появилась боль в груди. Не хватало воздуха...

Алексей Федорович задышался, обливался потом, но пробирался на четвереньках... Чьи-то руки подхватили его и потянули вверх.

— Стойте здесь и отдыхайте, пока выйдут остальные, — услышал он голос Мстислава в темноте.

Акопов появился последним и сразу заторопил:

— За мной, товарищи!

Сердце Оралова забилось еще чаще; неужели это правда, что он вместе с коллегами будет сейчас на свободе? Яковленко потянул Оралова за руку к выходу из котельной. Поднявшись вместе с провизором по лестнице, Алексей Федорович остановился, глотая широко открытым ртом прохладный густой воздух, наполнявший котельную через открытую дверь.

— Теперь за мной! — подал команду Яковленко и пошел через порог в темноту.

Надо и ему не отставать от Мстислава, чтобы не потерять его из виду, не напороться на проволоку! Оралов опустился на цементный пол и, упиравшись коленями и локтями, последовал за провизором...

Когда они уже спускались с обрыва, усилился ветер, заморосил косой секущий дождь.

— Теперь следов наших и собаки не учуют! — обрадованно произнес Яковленко, поддерживая Оралова.

— Еще рано торжествовать, Мстислав, — порывисто дыша, предостерег его Алексей Федорович.

Им же надо еще выйти из города, добраться до леса. Лишь после можно...

— Вперед! Не исключена погоня! — напомнил всем Акопов и свернул в переулок...

Еще не раз в течение ночи врачи слышали тревожный голос Аколова:

— Вперед! Не исключена погоня!

«Сейчас Карен как заведенный механизм: повторяет одно и то же! — уже с раздражением подумал Оралов, когда они были далеко за городом:— Хотя бы на минуту остановился и дал всем передохнуть!»

В предрассветной туманной дымке перед врачами встал наконец массивной стеной смешанный лес. Они облегченно вздыхали: кажется, побег удался! Войдя в его спасительный сумрак, все без команды стали, и казалось, уже никакая сила не сдвинет никого с места. Лес дохнул на них грибной сыростью, запахами хвои и стоячих болот. Они глубоко вдыхали весь этот аромат и улыбались: теперь будет где спрятаться и отдохнуть!

Но Акопов опять упрямо напомнил о погоне. Повернув голову назад, он еще и тихо воскликнул:

— А дождь перестал! Собаки могут напасть на наш след!

— Пока нападут — мы переплывем Днепр, и они его снова потеряют...— заверил Яковленко, но сам шагнул вперед.

Оралов еле успевал за провизором и Акоповым. Он среди всей группы был самым старшим и отвык от такой длительной, быстрой ходьбы. Кружилась голова...

Начинало светать.

Акопов недовольно посмотрел на растянущуюся группу и сказал Яковленко:

— Мстислав, ты иди впереди, а я немного отстану, подбодрю уставших!

Оралов слышал сзади себя его голос:

— Товарищи, шире шаг — светает! Промедлим — утопят нас в Днепре!

О, если бы весь путь плыть! Алексею Федоровичу казалось, что на воде им было бы легче, чем бежать по лесам и болотам. Дойдет ли он до реки? Вспомнился октябрь сорок первого. Тогда его мучило ушибленное колено. Но все равно у него хватило сил, чтобы идти вместе с врачами медсанбата. Возможно, и теперь не отстанет...

Яковленко вдруг шагнул за дерево и замер, чертыхнувшись, удивленно произнес:

— Корова!

За первой появилась вторая, третья. И все с колокольчиками на шее. Они издавали редкие, ленивые звуки.

Показался пастух. Опираясь на суковатую палку, не спеша брел благообразный старик с седой бородой, одетый в домотканую длинную рубаху, холщовые штаны и лапти.

— Стой, дед, — остановил его Акопов.

Тот испуганно перекрестился. Видя, что ему не угрожают, оглядел Акопова с ног до головы, посмотрел через его плечо на Яковленко, Оралова.

— Вы и есть господа пленные! — понял он.

— Откуда вам известно? — насторожился Акопов.

Дед хихикнул и поднялся на цыпочки, словно считая, сколько их.

— По одежке... Вас ищут полицаи да немцы! Сюда не пускали даже меня с буренками — как есть, все окружили. Но смилостивовались и наказали: как только узрю вас, чтобы сей момент подал им весть!

— Каким образом?

Старик оглянулся: не подслушивает ли кто?

— Гнать всех коров разом. Они и услышат звоночки и прибегут! — таинственно сообщил он.

— Они близко?

— Не за тридевять земель, знамо, если так наказали!

Оралов зябко повел плечами: не повезло! Дед, кажется, говорит искренне. Да и зачем ему врать?

Очевидно, то же самое подумал и Акопов. Он тихо спросил:

— Как, Алексей Федорович?

— По-моему, ему можно верить.

Старик, вероятно, догадался о сомнениях.

— Истинный крест, истинный крест, господа-товарищи!

Акопов сказал пастуху, чтобы он стоял на месте, а сам отошел в сторону и позвал всех к себе. У кого какое мнение? Что делать дальше?

Решили разделить на четыре группы, чтобы легче было просочиться сквозь заслоны. Акопов проинструктировал, где лучше переправляться через Днепр, и назначил место встречи групп.

— Кто с кем желает? — спросил он.

Яковленко шагнул к Акопову. Рядом с ним встал и Оралов и Заремба. Когда группы определились, Акопов подзвал старших и, оглянувшись на старика, тихо сказал:

— Пароль «Профессор». Помните? Но если он не работает, ведь мы без сигнала, то знайте: мы идем в партизанский отряд...

Он до того понизил голос, что Оралов еле расслышал фамилию командира отряда — Вишневу.

Проводив группы, Акопов отрывисто вздохнул и, кивнув головой провизору, сказал:

— Веди нас, Мстислав. Я человек гор и в лесу ориентируюсь плохо. Алексей Федорович пойдет за тобой, а я буду замыкающим.

Заремба и Яковленко не возражали, и они, настороженно приглядываясь к местности, пошли. Прислушивались к шорохам, присматривались к любому подозрительному кусту...

Где они миновали посты преследователей, никто из них не заметил, да уже и не думал об этом. Уставшие, голодные, мокрые от росы, дождя и перехода через лесные болота, они не шли—брели. Ноги, казалось, сами собой переставлялись. Глаза слипались в дремоте. Оралов шел, опираясь рукой на плечо Яковленко. Иногда, напрягая волю, он стряхивал с себя сонное оцепенение и, оглянувшись назад, замечал, что Карен тоже борется со сном.

За ночь Акопов еще больше осунулся, нос его заострился, шинель на нем еще больше обвисла, но, упрямо сомкнув губы, он старался тверже ставить ноги.

Алексей Федорович взмолился:

— Мстислав, давай сделаем привал!

Яковленко посмотрел на тусклое солнце, потянул носом воздух:

— Уже полдень. И Днепр, чувствуется, недалеко. Давайте заберемся где-нибудь в чащу, отдохнем и подкрепимся.

Нашли густой подлесок — березняк, молодой орешник. Оралов, Акопов и Заремба, войдя в него, тут же, не разбираясь, сели на прелую листву, а потом прилегли и уснули.

Провизор, глядя на них, участливо покачал головой и пошел обратно, чтобы собрать ягоды и грибы, которые приметил по дороге. Вернувшись, он подремал около врачей, часто открывая глаза и поглядывая на солнце: не пролежать бы тут лишнее — тогда не успеют засветло дойти до Днепра! Разбудив врачей, он подал каждому по горсти брусники и по сыроежке, пошутил:

— Это вам на закуску, на второе и на третье!

Им бы подкрепиться хлебом, мясом! Сил и так было мало, а теперь и вовсе не осталось. Алексей Федорович попытался вспомнить, когда последний раз наедался вдоволь. Так и не вспомнил.

К наступлению темноты они подошли к Днепру. Всем

троим он запомнился по сорок первому году. Тогда Днепр редко был спокойным, тихим. Он бился волнами о свои берега, вода в нем столбами поднималась от взрывов бомб, снарядов и мин. «Теперь фашисты вышли к Волге. Пытаются опоганить и ее, наполнить гневом и горем народным...» — подумал Алексей Федорович и тяжело вздохнул: и на ней страданий будет не меньше, если не отгонят от нее фашистов...

— Как будем переправляться, Алексей Федорович? — прервал мысли Оралова Яковленко.

— Надо раздеться, а одежду связать в узлы. Иначе мы потонем!

Заремба предложил сделать для одежды небольшой плот.

Они нашли две короткие жерди, которые, очевидно, вынесло на берег во время половодья.

— Хоть возвращайся обратно в лес! — заволновался Акопов.

Мстислав успокоил его:

— Обойдемся, Карен Манвелович... Вы разойдитесь метров на пятьдесят в стороны, наблюдайте, прислушивайтесь. Я свяжу жерди прутьями, наложу на них хворост...

Уже через полчаса Яковленко позвал врачей и скомапдовал:

— Раздевайтесь!

Сняли с себя одежду и связали ее в узлы довольно скоро. Но пока Мстислав укладывал все на плот, Акопов — он же человек южный — первым начал мерзнуть.

— Ды-ды-ды! — издавал врач звуки, похожие на пулеметные очереди.

— Войдем в воду — согреемся, — утешал его Оралов. — А сейчас поприседай, пошевелись...

— Готово! — обрадовал всех Яковленко. — Понесли!

Плот не потонул, когда они опустили его на воду. Он лишь слегка погрузился в нее.

— Я буду тянуть его спереди, а вы толкайте сзади, — распорядился Яковленко и окунулся по шею. — Сделайте и вы так — вам будет теплее...

Действительно, темная вода, когда окунулись, показалась теплой-теплой, а плыть было легко-легко.

Они медленно продвигались туда, где было их спасение. У Оралова появился страх: если посветят хотя бы фарой автомобиля, сразу заметят... Показалось, что лучше было идти по земле — там оставалась возможность спрятаться где-нибудь...

— Ды-ды-ды!—сдержанно «запулеметил» опять Акопов. Алексей Федорович тоже почувствовал, что вода теперь как бы охладилась. Все сильнее жгло ледяным холодом тело. Это оттого, что они очень долго находятся в ней! Вслух Оралов подбодрил Акопова:

— Потерпи, Карен, немного осталось.

— Куда денешься, Христос терпел и армянину велел!— пытался пошутить Акопов, надеясь этим отвлечься.

Но вот наконец Оралов услышал голос Яковленко — провизор уже стоит ногами на дне. Это показалось спасением.

Когда они стали одеваться, у Оралова тоже зуб на зуб не попадал. Он дрожал не только от холодной воды и осеннего ядерного воздуха, но и от нервного напряжения: Днепр они переплыли, а что ожидает их впереди, пайдут ли они сторожку лесника, не нарвутся ли теперь на засаду?

Яковленко оделся первым и помогал Акопову продеть руки в рукава гимнастерики.

— Сейчас быстро пойдем стороной вдоль шоссе Москва — Минск и сразу согреемся,— тихо приговаривал при этом Мстислав.

Но днепровская вода их и освежила, взбодрила, придала им сил. Теперь они уже не тащились, как было днем,—немного даже пробежали. Яковленко вел группу так уверенно, как будто тут уже бывал много раз. А может быть, и в самом деле бывал?..

Возле шоссе они залегли, пережидая, когда прекратится поток машин. Потом снова пошли, чтобы найти столб с отметкой «242 км».

— Вот он! — облегченно сказал Заремба.— Теперь найди дом лесника — пара пустяков!

Врачи взяли нужное направление, прошли полтора километра, но тут не было ни домика, ни стога сена, ни штабеля дров. Тогда они стали ходить вокруг этого места — слева, справа, спереди... Но все напрасно.

— Смываемся отсюда,— коротко приказал Яковленко, когда убедились, что ничего здесь и не было.— Чего доброго, на засаду нарвемся. Видимо, напутали мы что-то...

Страх гнал их подальше от шоссе, от столба с отметкой «242 км». Шли, то и дело ускоряя шаг. Алексей Федорович еле-еле попевал за молодым провизором, порой даже забывался, где он и что с ним, и машинально переставлял отяжелевшие ноги.

Когда на востоке засветилась неяркая зорька, Яковленко убавил шаг. Вспомнил, что в это время обычно просы-

пается Марина. При последней встрече он ничего не сказал ей, но когда подал ей ключи от аптеки, она догадалась, в чем дело, пригнула к себе его голову и трижды, словно мать, поцеловала.

— Будь счастлив, Мстислав...

Какое же ему счастье без нее?

Поднимающееся солнце зарябило у Оралова в глазах, он задохнулся, и перед ним все поплыло: и спина Яковленко, и лес, и солнечный свет... Акопов еле успел поддержать его...

20

С трудом открыв опухшие веки, Оралов увидел лицо Акопова. Тот уже не спал. Через силу улыбнувшись, Карен озабоченно покачал головой и что-то проговорил. Его черные страдальческие глаза были неправдоподобно большими, скулы обтянуты тонкой нездоровой кожей. Что он говорит? По губам Оралов понял:

— Отдохнули?

— Отдохнул.

Алексей Федорович сел, потер отекавшее лицо, огляделся. Лес был все таким же, как и две недели назад, когда они вырвались из плена. Все те же сосны, осины, березы, все то же безлюдье и глухой шум, словно морской прибой. Нет только с ними Яковленко и Зарембы. Два дня назад они не выдержали: «На вас кости да кожа. Пойдем в деревню, попросим хоть картошки». Их не отпускали, но они все же ушли. Вскоре с той стороны послышалась стрельба, лай собак. Потом все стихло. С замиранием сердца ожидали их возвращения.

Но Яковленко и Заремба так и не вернулись. Погибли ли они или снова попали в плен — неизвестно.

— Вы умойтесь, а я половлю карасей... Хворостину для удилища я уже выломал, червей накопал...— сказал Карен и направился к озерку.

Алексей Федорович посмотрел ему вслед: ну и Акопыч! В чем душа держится, исхудал, а минуты не посидит на месте. Он еще вчера, когда увидел в одном из озер плавающих карасей, мечтательно проговорил:

— Нам бы хоть пару изловить и полакомиться!

— Но для этого нужна, по крайней мере, удочка,— с сожалением произнес Оралов, понимая, что крючки в лесу не продают.

Акопов вскинул на него вопрошающие глаза:

— А что, если...

Он сдернул с головы пилотку, опустил отворот:

— У меня же есть тут иголка с ниткой! Иголку со-
гнем — вот и будет крючок, а вместо лески — нитка.

Но, размотав нитку, он огорченно вздохнул:

— Слишком коротка.

Оралов вспомнил, что с полкилометра отсюда они видели убитого коня, и сказал Акопову.

— Надо нам вернуться к той лошади и надергать из хвоста волоса для лески! — воскликнул Акопов и побежал туда.

Вернувшись, Акопыч сплел из волоса «нитку», сделал удочку и пошел ловить карасей.

Алексей Федорович присел на валежник и задумался: может, им сообщили неверный маршрут, перепутали все? Или они не нашли избушку лесника, или... Как бы то ни было, но за многие дни блужданий по лесам им пока не встретился ни партизанский отряд, о котором говорил Акопов, ни свои коллеги. А как удачно начался побег из лагеря!..

Подошел Акопов. Глаза его сияли.

— Вот он, мой улов, Алексей Федорович! — радостно произнес он, подавая Оралову мокрую пилотку, в которой еще шевелились три карася. — Будет у нас барская уха!

— Есть-то придется сырыми — надо их хотя бы почистить чем-нибудь от шелухи...

— Об этом я уже подумал. У меня есть металлическая расческа...

Глядя, как быстро мелькает в руках Акопова расческа, Оралов усмехнулся:

— Худо бы нам было, Карен, если бы мы оба были с тобой лысыми...

Вынув из карасей внутренности, Акопов подал Оралову самого большого:

— Подкрепляйтесь, Алексей Федорович, свежинкой. А то еще сколько нам тут бродить — одному аллаху известно.

Оралов жадно ел сырую рыбу, советуя самому себе и Акопову:

— Только надо хорошо пережевывать, не спешить.

Но желудок требовал, прямо-таки вопил, чтобы его наполнили скорее!..

После завтрака они прошли довольно далеко вдоль ручья. Остановившись на отдых, Алексей Федорович решил не ложиться, чтобы не расслабляться, и лишь прислонился

к сосне. Голова его кружилась, перед глазами мелькали красные круги.

— Вы тут постоитте, а я попромышляю,— сказал Акопов.

Через несколько минут он вернулся и подал горсть брусники:

— Пожуйте, Алексей Федорович.

Оралов подставил дрожащие руки. Глотали ягоды прямо не разжевывая.

— Теперь пошли! — сказал Оралов, когда ягоды были проглочены.— Но в какую сторону?

В самом деле, в какую?

— Мы стали классическими дистрофиками, Алексей Федорович. Надо идти в деревню за едой.

Он уже не раз предлагал Оралову выйти из леса и попросить у населения продуктов. Тот запрещал и думать об этом: «Опасно, Карен. Яковленко пошел с Зарембой, и сам знаешь, что из этого получилось».

Сейчас Алексей Федорович ничего не ответил на его предложение и молча шагнул вперед. В глазах Оралова снова замелькали разноцветные круги, а в голове пронеслась тревожная мысль, что он опять может потерять сознание и упасть, как это случилось еще во второй день их побега и как было потом не раз.

Пройдя с полкилометра, Оралов попросил осипшим голосом:

— Передохнем малость, Акопыч.

Колени его подкосились, и он повалился на мох. Акопов посмотрел на закат, вздохнул и тихо напомнил:

— Надо двигаться, Алексей Федорович.

Оралов согласно кивнул головой и спросил:

— Какое сегодня число?

— По моим подсчетам, девятое сентября...

Давно уже брели они, не зная, где идут. Брели с одной мыслью: идти до последних сил. Может быть, нападут на след партизан.

Темнота сгущалась все плотнее. Остановившись, они уловили, какой-то гул. Затем ясно различили стук колес поезда. За деревьями, совсем близко от них, пронесся состав.

— Из Смоленска на Витебск,— определил Акопов.— Теперь ясно, где мы находимся. С рассвета приблизимся к дороге и осмотрим местность.

— Только очень осторожно, Карен,— согласился наконец Оралов.

Акопов засуетился, собирая траву и сухой валежник.

— Не спеши, Акопыч. Я отдохну минуту и буду тебе помогать. До утра сил у нас прибавится.

Плотно прижавшись друг к другу на сырой подстилке, они уснули. Под утро, лишь чуть обозначился рассвет, снова двинулись в путь. Выйдя на опушку, залегли. Перед ними была железнодорожная линия, а за ней тоже лес.

Вновь углубившись в чащу, побрели на север, чутко прислушиваясь к проходящим эшелонам. Уловив момент, где поезда начинают сбавлять ход, поняли, что недалеко должна быть станция.

Пройдя еще немного, увидели станционную будку, за ней — деревеньку с одинокими деревянными домами, приткнувшимися к лесу. Оралову она показалась похожей на родное село Белехово... Продвигаясь к ней по лесу, они несколько раз выходили на опушку и присматривались. Деревенька выглядела вымершей. Залегли, наблюдая. За весь день увидели двух женщин, промелькнувших между домами, да несколько ребятишек, которые тоже не задержались на улице.

— Немцев нет — заходим,— сделал вывод Акопов.

— Не будем торопиться — подождем до вечера.

Но и с наступлением темноты ничего подозрительного не появилось. По-прежнему тишина окутывала пустынную улицу... Они настороженно вышли из леса и подошли к крайней избе. Притаившись возле стены, прислушались. Акопов прильнул к маленькому окошку. Как ни напрягал зрение, ничего не увидел. Тогда тихо поскреб пальцами по стеклу. И снова прислушался.

Вдруг дверь рывком распахнулась, и на пороге выросла здоровенная фигура. Прозвучала команда с матерщиной в конце:

— Руки вверх! Ни с места!..

«Ну и верзила!»— почему-то успел подумать о полицее Оралов, и тут же силы оставили его, и он упал.

— Попались, голуби сизокрылые! — радостно басил полицай, обращаясь к своему молодому напарнику.— Этот вот старик — большой хирург, в чинах.— И снова к Акопову:— Сколько дней вас искали! Знали, что брюхо погонит из леса в деревню. Где остальные?

«Значит, попались они одни! Еще, может быть, Герман и Мстислав...»— мелькнуло в голове Оралова последнее, что он помнил.

Часть третья

I

Оралов окинул затуманенным взглядом территорию. Куда их привезли? Подумал, что здесь, очевидно, небольшой концлагерь для военнопленных: несколько длинных одноэтажных зданий, огороженных колючей проволокой в три ряда... То, от чего спасали они раненых и больных, задерживая их в лазарете. Отсюда уж вряд ли им удастся вырваться, если даже и останутся живыми.

Из кирпичного дома, около которого остановилась подвода, вышел полицай, которого Оралов про себя назвал верзилой, и распорядился:

— Этого живчика, — показал он на Аكوпова, — сразу к следователю, а профессора — к господину коменданту.

«Опять мне особая честь, раз я профессор», — усмехнулся Оралов, идя впереди верзилы.

В большом просторном кабинете, обставленном креслами и диваном, обитыми зеленой материей, восседал за массивным столом поджарый гауптман. На его удивленном лице появилось что-то наподобие сочувствия, когда он посмотрел на оборванного, истощавшего Оралова, у которого выпирали скулы на заросшем седой щетиной обветренном лице. Кивнув полицая, чтобы вышел, комендант показал Алексею Федоровичу взглядом на стул и укоризненно покачал головой:

— Ай, ай, профессор! Довели себя до такого состояния... Как мальчишка, кинулись бежать... Куда, зачем?

Алексей Федорович не ответил. Ради чего тратить силы на разговоры? Сейчас ему, чтобы открыть только рот, надо прилагать усилия...

Комендант поднялся, подошел к Оралову и встал возле него.

Алексей Федорович почувствовал запах пахучего мыла, сигарет и каких-то незнакомых духов.

— Я не отдал вас в руки следователя. Сами понимаете, чем могло это кончиться! — проговорил гауптман с со-

жалением.— Нам известно, что вы прекрасно говорите по-немецки. Почему молчите, не отвечаете?

— А зачем? — еле разжав губы, тихо спросил Оралов, глядя снизу на длинноногого коменданта.

— Хотя бы для того, чтобы спасти свою жизнь, заслужить наше доверие.

— Зачем оно мне, — безразлично произнес Оралов и коротко махнул рукой.

— Вы же врач! — удивленно и, как показалось Оралову, искренне сказал комендант и заходил по кабинету.— Еще можете принести пользу...

— Тогда я должен сделать что-то для вас. Не правда ли?

— Как же иначе? Вы совершили преступление!.. Поэтому должны искупить свою вину. Скажите, по каким маршрутам ушли ваши коллеги и летчики, кто был организатором побега, и мы вам все простим, позволим служить в «русской» армии.

— От службы в этой армии я отказался уже в лазарете — для этого свобода мне не нужна. Об остальном ничего не скажу! — твердо заявил Оралов.

«Старика не сломил ни голод, ни страх за жизни! Увещеваниями и елейными речами говорить его не заставишь! — подумал комендант, лицо его покрылось серым налетом злости.— И эта тень бывшего профессора позволяет себе так со мной разговаривать?»

— Встать! — произнес он зловеще.

Оралов медленно поднялся, смело поглядел в глаза коменданту. «Вот и кончился твой маскарад, господин гауптман!» — сказал он своим взглядом.

Комендант резко согнул левую руку, отвел локоть назад и ударил Оралова в скулу. Падая на пол, Алексей Федорович безразлично подумал, что этот фашист был не бургером, а боксером-левой.

— К следователю! Пороть и бросить в карцер, если будет молчать! — кричал гауптман, пиная Оралова носками сапог в грудь, в живот...

Избитого еще и на допросе, окровавленного, Оралова втолкнули в карцер. Он упал и долго лежал скрючившись, не в силах подняться. А на воле все же был... Во-ля! Какое это короткое, но удивительное слово, сколько в нем заложено света, тепла, радости! Когда выбрался в Смоленске на свободу, вздохнул с облегчением: воля, воля!..

Когда за его спиной загремел запор, Алексей Федорович понял, что уже утро, и с облегчением вздохнул: одну ночь пережил! Открылось окошко, и послышался настороженный шепот:

— Товарищ военврач!

Оралов в недоумении замер: ишь, товарища нашел!

Полицай отпрянул от окна, очевидно для того, чтобы осмотреться: нет ли кого вблизи, кто мог бы подслушать.

— Тише, пожалуйста, доктор. Денисов я. Вы меня спасли в вяземском лазарете.

— Денисов?.. Денисов!.. Да, помню.

В сознании тотчас возникло испуганное, прыщеватое лицо красноармейца. Это было во время операции...

— Знать бы мне, какой дорожкой ты пойдешь!..— с сожалением проговорил Оралов.

Денисов подал еду.

Оралов взял из рук полицая кружку с водой, кусочек «гольцброта» и отвернулся: «Я его выходил, а он стал прислужником фашистов!..— горько подумал Оралов.— Можно ли было предположить это?.. Своими руками отвоевал у смерти, спас на свою лысую голову! А он...»

Алексею Федоровичу вдруг расхотелось жить. Он сам помог, поставил на ноги предателя Родины! А может, не один Денисов стал им из тех, кого он лечил, кому отдавал свою кровь, спасая от смерти? А те раненые, которые убежали еще в прошлом году, когда их гнали в Вязьму? Нет, не могли те стать предателями. Они, если не полегли, воюют где-нибудь с гитлеровцами, как тысячи других, которых он с коллегами вылечил... Перед глазами Оралова всплыло обгоревшее лицо отважного танкиста Климова. Парень прикован к постели, но уже заявил, что протаранит проволоку!

«Нет, мне надо жить ради таких преданных Родине ребят, как Климов, летчик Тополь и его товарищи, земляки-кубанцы Овечкин и Ольховой — эти защищают сейчас Волгу, нашу Кубань»,— убеждал себя Алексей Федорович.

Вспомнив о Кубани, Оралов вдруг подумал: ему надо держаться не только ради бойцов и командиров. У него же растет сын! Это он и будоражил в нем мысль, заставляя думать о своем спасении!

Память отбросила его в предвоенные годы, к тем последним дням тридцать девятого года, когда он еще устраивал свою жизнь с Еленой Некрасовой.

Всю осень Оралов ездил по городам и станциям Северного Кавказа, делясь опытом работы на реке Халхин-Гол.

Вернувшись домой, на квартиру к Ольге, за несколько дней до Нового года, решил хорошенько выспаться и отдохнуть. Но не удалось: среди ночи раздался тревожный стук в дверь, словно какой-то неожиданный вестник специально дожидался этого часа. Он вскочил, предчувствуя недоброе. Выйдя в коридор, увидел невысокую соседку Некрасовой.

— С Леной плохо! — выпалила Фрося.

Он побледнел. Шинель свалилась с плеч.

— Вы не пугайтесь — она жива! — успокаивала Фрося прерывающимся голосом. — Просто очень плохой она мне показалась. У нее начались схватки, и она попросила сообщить вам.

— Куда ее увезли?..

По дороге Фрося рассказала, как все получилось.

Алексей Федорович полуслушал и все прибавлял шаг. Улица словно вымерла, ни одной машины. Он, извинившись перед Фросей, побежал бегом.

Дверь приемного покоя открыла дежурная акушерка.

— Я хирург Оралов. Дайте мне халат. Я пройду к дежурному врачу. Что с Некрасовой?

— Врач в операционной.

— Я помогу...

В это время вошел врач.

— Помощь не нужна, Алексей Федорович. Все кончено.

Он не понял.

— Прошло благополучно? Сын? Дочь?

— Простите, Алексей Федорович, кто вы Некрасовой?

— Как кто?

— Понимаю, — вздохнул врач. — Вы сами хирург и знаете, что бывают случаи, когда мы бессильны...

— Оба?

— Сына успели спасти...

На похороны Елены Гордеевны собрались не только сотрудники госпиталя и знакомые, но приехали многочисленные друзья Некрасовой из других городов, что было для Оралова неожиданностью.

Смерть Некрасовой Ольгу огорчила: она ожидала, что Алексей Федорович вот-вот уйдет от нее, а теперь... По ночам Ольга подолгу лежала с открытыми глазами, на работу уходила, забывая иногда поесть. Возвратившись домой, садилась на табурет и о чем-то думала.

Оралову казалось, что она хочет что-то вспомнить и не может. Нужно было поговорить с ней, успокоить, что квартиру он освободит. Только пока не знает, куда ему податься с сыном.

Неожиданно помог Герасимов. Он вызвал Оралова в кабинет и спросил:

— Как вы решили поступить с сыном Некрасовой, Алексей Федорович?

— Воспитаю таким, какой была его мать, Анатолий Никифорович! — твердо заявил Оралов. — И будет он всею живой памятью о Елене. Если бы не эта нелепая смерть, то я бы с нею был самым счастливым человеком в мире!

Герасимов понимающе улыбнулся:

— А местный комитет профсоюза, Алексей Федорович, постановил считать мальчика Елены Гордеевны — сыном госпиталя! Наши женщины уже шьют для него распашонки, пеленки и все остальное, что только понадобится малышу. Попросят выделить для него небольшую комнату, где бы они могли дежурить круглосуточно!

Вечером на квартиру Оралова пришла Фрося. Она попросила его выйти в коридор и сказала:

— Для нас Лена была и родной сестрой, и сестрой милосердия, и домашним лекарем. Мы, ее соседки, будем ухаживать за сыном поочередно. Привозите его в ее комнату.

Фрося вместе с Алексеем Федоровичем поехала в родильный дом. Уверяла, что сын похож на мать.

Сам Алексей Федорович не находил никакого сходства. Вряд ли можно сейчас определить, на кого он похож. Лицо красное, бесформенное, уши прижаты к голове. Да и сам крошка: рост — сорок четыре сантиметра, вес — чуть больше двух килограммов. Одним словом, недоношенный...

— Конечно, Фрося, — согласился он и улыбнулся одними губами.

Ребенка назвали Алексеем. Вначале было странно видеть его в палате хирургического отделения. Но потом Оралов привык. Повеселел. Успокоился... Не ожидал, что сына подстерегает опасность: он заболел гриппом, начал чихать и плакать... У него поднялась температура. Несмотря на весь свой опыт, Оралов растерялся, не зная, как лечить ребенка.

Поздно вечером в госпиталь пришла Ольга. Увидев Оралова, прикладывающего ребенку горчичники, она остановилась в растерянности: с мальчиком что-то случилось!..

— Заболел? — испуганно вырвалось у нее.

Он с надеждой повернулся к ней.

— У него, видимо, грипп.

— Раз он твой, то чего же ему здесь делать? Забирай домой. Живем мы рядом с госпиталем. Пока я буду на ра-

боте, кто-нибудь подежурит около маленького. Потом при-
смотрю...

В этот же день Ольга перенесла мальчика к себе...

Ребенок рос, радуя их спокойным, не капризным харак-
тером.

Начав говорить, первым словом он произнес «ма-ма!»,

Ольга схватила ребенка и принялась целовать...

Ребенок помирил и объединил их. Последние месяцы пе-
ред войной они жили так дружно и весело, что, посмотрев
на них, посторонний человек ни за что бы не поверил, что
совсем недавно семьи здесь вовсе не было.

— Сын госпиталя!.. Сын госпиталя!..— твердил сейчас
Оралов, не сомневаясь, что Кубанский госпиталь не за-
был взять Алешку с собой, когда уходил на восток из го-
рода.

Алексей Федорович поклялся выжить в этом склепе и,
если его после карцера не расстреляют, немедленно убе-
жать из плена!

Когда звякнул засов, Алексей Федорович уже размял
суставы и смог взять протянутую кружку с водой и «гольц-
брот». Но в нос ударил запах настоящего хлеба. Да и ку-
сок увесистый! Денисов наклонился к окошку:

— Свою пайку вам отдаю, доктор. Ешьте. И никому ни
слова.

Принимать этот дар от предателя или кинуть ему в ли-
цо? Оралов об этом только думал, а сам уже доедал паху-
чий ржаной хлеб. Забыл даже, когда так аппетитно ел.
Вода оказалась подслащенной, чего он тоже никак не ожи-
дал.

Вернувшись за кружкой, Денисов сказал, что напарник
Алексея Федоровича помещен в одном доме вместе с Яко-
вленко.

Оралов воспрянул духом. Трое — не один! Если им
удастся соединиться, они что-нибудь придумают.

Несмотря на то что Денисов принес Оралову хлеб и
сладкую воду, Алексей Федорович глядел на него сурово и
осуждающе — тот не выдержал, хлопнул оконной створкой
и ушел. Теперь Денисов ничего уже не мог изменить в сво-
ей судьбе: слишком поздно, назад ему дороги нет. Да и за-
чем отсюда уходить, если немцы в Сталинграде, в Вороне-
же, от которого рукой подать до Рязани! Он и в полицаи
пошел для того, чтобы побыстрее вернуться домой. Он, Ва-
лерка-прыщ, как его звали в деревне, не торопится лезть в
петлю, у него жена и двое малолетних детей.

Оралов долго стоял, привалившись к двери. Так и заснул, незаметно опустившись на каменный пол.

Последние сутки в карцере оказались для Оралова особенно тяжелыми. Он не переставал твердить про себя, что ему нельзя ложиться на цементный пол, но колени подгибались сами собой. Наконец почувствовал, что уже не может держаться на ногах, — на это не осталось сил.

— Наверное, приходит конец... — безразлично прошептал он и даже не испугался.

В его угасающем сознании пронеслись какие-то печальные звуки, и вслед за ними он вдруг увидел себя в лазарете на койке, где лежал обожженный танкист Климов, а вокруг стояли врачи, словно в почетном карауле. Опять понеслись печальные звуки, и он ясно различил удар колокола. Безошибочно определил, что это на звоннице Ипатьевского монастыря. Так обычно звонили, когда в Костроме хоронили фабриканта или епископа. Он же не епископ, а простой врач. Зачем же поднимать такой шум?

Открылась дверь карцера, и Оралов зажмурил глаза от света. Затем повернулся на живот и начал подниматься.

«Без паники, Алексей, без паники, — успокаивал он себя. — Надо набраться сил и выйти отсюда».

Свет был такой яркий, что он не сумел рассмотреть, кто пришел за ним.

— Главное, не упадите во дворе. Мне помогать вам нельзя, вас просто пристрелят.

Ага, Денисов! Оралов собрал все свои силы, чтобы дойти до барака. Он шел, наклонив голову и подавшись всем телом вперед. Голова казалась налитой свинцом — так и клонилась к земле. Что-то похожее когда-то было с ним. Определенно было. В Казани на пристани, когда ему на спину впервые взвалили пятипудовый ящик и он пошел с ним по сходям. Но тогда же он не упал, выдержал? Обязан и теперь... Оралов переступил порог, на секунду остановился, и ему показалось, что под ним закачался пол. Он закрыл и снова открыл глаза, шагнул еще.

— Но-но, шевелись! — прикрикнул на него Денисов.

«Так, так... Кричи, ори на меня, только не дай упасть», — молил про себя Оралов.

К нему уже спешили Акопов и Яковленко. Они подхватили его под руки и повели к нарам.

— Спать, спать, — только и проговорил он...

Лишь на третьи сутки Оралов окончательно пришел в себя и осмотрелся. Справа от него лежал на голых нарах Яковленко, слева — Акопов. Они обрадовались его осмысленному пробуждению.

— Наконец-то, Алексей Федорович! — произнес Акопов.

— И поедите сами... А то приходилось в вас силой толкать, — сказал Яковленко и подал Оралову два кусочка «гольцброта».

Акопов поспешил заверить:

— Мы уже вздохнули от побоев и карцера. Нас сажали в него всего на пять суток, а вас на десять! Так что... ешьте, Алексей Федорович, набирайтесь сил.

Они рассказали ему, что находятся в лагере, километрах в десяти севернее Рудни, на месте бывшего кирпичного завода. По ночам вся территория освещается прожекторами. На вышках часовые не с автоматами и карабинами, как было в лазарете, а с пулеметами.

— Но и это еще не самое страшное, Алексей Федорович. Поместили нас не в общий барак, а в дом смертников.

Оралов удивленно посмотрел на Акопова:

— Откуда это тебе известно?

— Денисов сказал! Перед вашим приходом здесь были еще двое. Отсюда их увели и пустили в расход!

— Тогда и нам не выбраться из этого дома живыми, — обреченно проговорил Оралов. — А нам, друзья, надо бы обязательно бежать.

Они все помолчали. Яковленко подавленно заговорил:

— А еще Денисов сообщил, Алексей Федорович, что весь лагерь заминирован, и наш дом — в особенности... По всему видно, парень хочет искупить свой грех — согласен помочь нам бежать.

— Но из этого дома — нечего и думать. Тут и Денисов нам не подмога! Из него нас ни на шаг не выпускают, держат взаперти, — возмущенно произнес Акопов.

— Сначала нам надо любыми путями перейти из этого дома в общий барак, — убежденно сказал Яковленко. — Потом уж думать, как удирать!

— Лучше бы в лазарет — он, наверное, в отдельном доме. Оттуда было бы легче уходить, — подал мысль Акопов.

— Да-а, это не смоленский лазарет — отсюда по тоннелю не уйдешь! Но все равно пытаться будем, если нас не уведут, как тех товарищей! Главное, у нас с вами есть согласие! А как говорится в латинской пословице, где согла-

сие — там победа! Пока надо набираться сил и думать, как выкарабкаться отсюда,— подвел итог Оралов и посмотрел на своих друзей.— Акопыч выглядит еще неважно, а ты, Мстислав, как всегда, молодцом! Как вы тогда попались? Что с Германом?

Яковленко нахмурился:

— Сами влезли волку в пасть. Пришли в дом к старосте. Герман погиб...

Ежедневно врачи просыпались с одной тревожной мыслью: что сделают с ними гитлеровцы сегодня? Вызовут на допрос или уведут на расстрел?

И вдруг однажды утром, когда они только открыли глаза и не успели еще подумать, что с ними будет нынче, к ним вошел верзила.

— Быстро одевайся, головастик, выходи! — приказал он Оралову пропитым, сиплым голосом.

— Куда? — вырвалось у Алексея Федоровича.

Если в расход, то зачем к гауптману? Да и верзила пришел без автомата. Не на «душевную» ли опять беседу? Надеется, что, возможно, карцер вразумил... На всякий случай Оралов пожал друзьям руки, обнял:

— Если что — помните...

Гауптман был необычно взволнован и, показалось Оралову, чем-то сильно напуган. Он не пригласил его сесть, как в первый раз, не сказал ни слова, а только оценивающим взглядом осмотрел и быстро сказал полицаяу, чтобы тот отвел хирурга в каптерку, выдал чистую одежду и потом усадил в машину.

Надевая свежее белье, примеряя стиранные гимнастерку и шаровары, Оралов недоумевал: куда же его хотят везти во всем чистом? Ясно, что не в тюрьму и не на расстрел.

«Но не на бал же?» — чуть не воскликнул он, когда ему дали и целые ботинки.

Около задней двери фургона Оралов замешкался, вспомнив, что однажды машина, похожая на санитарную, но без крестов, увезла Герасимова, и он уже не вернулся к ним.

В фургоне верзила проговорил:

— Вот что, лекарь, слушай меня внимательно. Едем мы на квартиру к коменданту. Для тебя это большая честь. К нему приехала жена с сыном. С мальчишкой что-то случилось. Врач у них есть, но не хирург. Если вылечишь, получишь награду.

Этого Оралов никак не ожидал. Его везут к сыну фашиста-боксера, который чуть не свернул ему скулу, бил его

сапогами, приказал бросить в карцер на десять суток! Он же приложил свою левую руку к Акопову и Яковленко! Его подчиненные расстреляли тех двоих, которые были в доме смертников. А сколько еще загубил он бойцов и командиров? Это неизвестно, но можно не сомневаться, что немало. А как комендант издевается над пленными красноармейцами, если так зверствовал над ними, людьми самой гуманной профессии в мире!.. Нет, он, Оралов, и пальцем не прикоснется к его выкормышу. Пусть мальчишку лечат врачи из того же изуверского сборища, откуда сам отец. Алексей Федорович через плечо полицая глянул на дверь: если бы можно было выпрыгнуть на ходу?

Машина остановилась, а Оралов продолжал искать предлог, чтобы отказаться от лечения «гитлерюнга». Таким представлялся ему мальчик. Он не может быть иным у такого отца.

— Выходи, профессор! — напомнил Оралову верзила.

И этот головорез назвал его уже не головастиком! Алексей Федорович вылез из кузова и осмотрелся. Перед ним был особняк. Это Рудня!

Если бы в доме Оралова встретил сам комендант, то он, возможно, заявил бы: стреляйте на месте, но к вашему выкормышу не прикоснись! Но в коридоре его ожидала худая заплаканная немка, которая назвала себя Элизабет. Она пригласила Оралова в ванную комнату помыть руки. Затем подала белый халат. Пока он надевал его, рассказала, что Рихарда осматривал немецкий врач, русская женщина из больницы, но они не смогли помочь ему. А мальчик горит, у него сильные боли в животе.

«Так и быть, посмотрю, проконсультирую, но не больше. Потом пусть делают со мной, что заблагорассудится», — думал Оралов, входя в комнату.

Тут были уже сам гауптман, приехавший раньше их, переводчик и еще какой-то человек с длинной шеей, по-видимому врач, о котором говорила немка. Мальчик лет восьми лежал, скрючившись, на диване, и держался руками за живот. Лицо его было измученным, испуганные глаза полубессмысленно уставились на Оралова.

Неожиданно Алексею Федоровичу вспомнился мальчик, раненный осколком бомбы в живот и просивший найти ему мать, и он остановился: ведь покалечили его собратья гауптмана — отца... «Но я же советский врач, — тут же запротестовало все в нем, — и призван бороться с болезнями, а болезни не разбирают...» Убеждая себя в том, что мальчику все же надо помочь, Оралов подошел к дивану. При-

коснувшись пальцами к животу больного, он почувствовал себя в своей стихии.

Оралов без сомнений определил, что у Рихарда прободной аппендицит с явлением перитонита, заволновался: нужна немедленная операция, а пока гауптман будет вызывать своего хирурга, мальчик может умереть. Взяться самому? Но кто даст гарантию, что ребенок не погибнет во время операции? Если такое случится, то комендант прямо в операционной разрядит свой парабеллум в его голову. И он уже никогда не увидит своего родного Алешку.

Алексей Федорович затрудненно вздохнул, глянул на немку, у которой по щеке скатывалась слеза, на сурового коменданта, вопросительно сверлящего его глазами, и мысленно обратился со словами к сыну: «Что бы потом комендант со мной ни сделал, но поступить иначе, Алеша, я не могу!» Вслух Оралов решительно заявил:

— Необходима срочная операция!

Элизабет испуганно переглянулась с мужем. Гауптман нахмурился, но ничего не сказал.

Как видно, они опасались и не доверяли русскому.

— Не будем терять время,— твердо напомнил Оралов.— Ребенка надо немедленно везти в местную больницу. Туда же доставьте из лагеря моих ассистентов — Акопова и Яковленко. Я доверяю только им. В противном случае я не могу дать гарантии...

Комендант начал было возражать, но жена в отчаянии бросилась к нему, умоляя скорее на все согласиться. Каждая минута промедления может стоить Рихарду жизни...

3

Около входа в одноэтажное здание больницы Оралов остановился. Ему чудились голоса детей, которые лежали тут летом сорок первого, когда с Акоповым он приехал сюда со станции. Их голоса явственно стояли в ушах. «Я хочу домой!..— неслись детские крики.— Помогите мне найти маму! Как же я буду держать ложку?..» Слышался Алексею Федоровичу и плач того грудного ребенка, раненного в ножку, который смотрел на него испуганными глазками.

Верзила подтолкнул:

— Чего застрял, профессор? Мальчишку уже занесли.

Алексей Федорович медленно вошел в подъезд. Казалось, что было бы легче идти на эту операцию, если бы не слышались эти голоса, не стояли перед глазами убитые и покалеченные во время варварской бомбардировки дети...

Полицай провел Оралова до кабинета главного врача и

остался в коридоре. Алексей Федорович вошел в кабинет уже один. Тут его ожидала похудевшая, совсем седая Серафима Трофимовна Иванишина.

— Вот так так! — невольно воскликнул Оралов, пораженный неожиданной встречей.

Иванишиной Оралов показался совсем глубоким стариком.

— Простите, Серафима Трофимовна... — тихо заговорил Оралов. — Когда-то я обещал вам ни много ни мало — близкую победу. А вместо этого...

Врач ответила тоже негромко:

— Не извиняйтесь, дорогой Алексей Федорович, будет и победа... Я ждала вас с нетерпением. Вы уж извините: это я посоветовала вызвать к больному именно вас.

— Вы знали, что я в концлагере?

— Комендант сам сказал, что у него есть профессор Оралов. Я ему и заявила, что только вы сможете спасти его Рихарда! И добавила: он на моих глазах оперировал сотни малолетних...

— Что с теми детьми, Серафима Трофимовна, которых мы лечили?

— Все живы, — вздохнула она. — Но многие будут калеками. Почти всех успели отправить на восток, а оставшихся разобрали жители... Полина Герасимовна помогла определить. Она тоже здесь. Пройдемте к ней...

В предоперационной медсестра, увидев Оралова, засуетилась, быстро доложила, что инструменты она сумела сбегать.

— Вот полюбуйтесь, Алексей Федорович, — показала сестра на стеклянный шкаф.

— Прекрасно, Полина Герасимовна! — похвалил ее Оралов. — Хорошо их стерилизуйте — будем удалять аппендикс у сына коменданта.

Алексей Федорович принялся мыть заскорузлые, дрожавшие от истощения руки. Он намыливал их и продумывал до мельчайших подробностей ход операции, чтобы, по возможности, исключить случайности, непредвиденные осложнения, которые могли бы окончиться трагически для мальчика и для него самого...

Тем временем привезли Акопова и Яковленко, одетых тоже в чистое обмундирование. Они немало пережили за дорогу, теряясь в догадках, куда их так быстро переодели и мчат в фургоне. Сейчас они смотрели на Оралова недоуменно.

Алексей Федорович коротко объяснил:

— Будем оперировать сына гауптмана. Мстислав, готовь растворы.

Провизор молча согласился: так надо, если решил Алексей Федорович. Акопов воскликнул:

— Этого нам еще не хватало! Да и если что случится?.. Оралов улыбнулся:

— Я тоже почти так думал, Карен. Но мальчик может погибнуть, если мы не поможем!

Акопов только пожал плечами.

Комендантша беспокоилась о врачах, и не без оснований — ведь у них может не хватить сил! Поэтому всех провели вначале в кабинет главного врача и накормили мясными котлетами, принесли кофе и шоколад...

В операционной, куда вошел Оралов со своими помощниками, около мальчика стояли комендант, его жена, немецкий врач. Алексей Федорович попросил посторонних выйти.

Гауптман и Элизабет покинули операционную, а врач остался.

«Пусть торчит! — неприязненно подумал Оралов. — Подтвердит, если будет нужно, что тут произошло».

В своем искусстве хирурга Алексей Федорович по-прежнему не сомневался. Но здесь особый случай, когда одного этого для оправданий, если ребенок умрет, будет мало.

— Полина Герасимовна, вы не разучились давать наркоз? — стараясь гнать от себя сомнения, спросил Оралов.

— Разве не под новокаином?

— Нет, лучше обойтись без уколов. Эфир...

Алексей Федорович встал к операционному столу. Акопов, как это уже было летом сорок первого, занял место по другую сторону. Яковленко замер у столика с инструментами.

— Начинаем! — подал команду Оралов.

Взяв в руки скальпель, поданный Мстиславом, он снова почувствовал себя прикоснувшимся к любимому делу. «Справимся не больше чем за полчаса», — надеялся Оралов, вскрывая брюшную полость.

Да, в диагнозе он не ошибся — гангренозный аппендицит. Но какой? Отросток расположен нетипично, замурован в спайках, омертвел и развалился. В животе гной, неприятный запах...

«Тут и за два часа вряд ли управимся! — с тревогой подумал Оралов и оглянулся: за дверью ожидает результата операции сам комендант лагеря! — Лучше бы он вызвал своего хирурга...»

Акопов сочувственно посмотрел на Оралова.

С этого момента Алексей Федорович забыл о гауптмане и его жене, о том, что здесь он подневольный врач и перед ним сын врага. Он уверенно работал скальпелем, зажимами, с большим трудом выделяя из сращений омертвевший отросток...

Но уже через полчаса дверь с шумом открылась, и в операционную вошла перепуганная Элизабет. Она от порога закричала:

— Жив ли мой мальчик?

От неожиданности руки Оралова слегка вздрогнули. Он зло глянул на немку и нетерпеливо потребовал:

— Цурюк!

Грубый, требовательный голос хирурга ошеломил ее, она открывала рот, словно ей не хватало воздуха. Потом издала возмущенный звук — как так «назад»?

К ней шагнул военный врач:

— Пожалуйста, фрау Элизабет, не отрывайте профессора от операции. Он делает для вашего Рихарда, что нужно,— и вежливо оттеснил ее в предоперационную.

Оралов усмехнулся: хоть в этом немец им помог! Вытерев рукавом халата пот, заливающий ему глаза, подумал, что летом прошлого года у него он лился от жары и напряженной работы по спасению советских детей. Сейчас пот холодный, и появился он от слабости и волнения, что делает операцию «гитлерюнг», отец которого нетерпеливо ожидает ее конца и готов в любую минуту, если только сын умрет на столе, прикончить их тут же. Пока не выдержала мать... У гауптмана есть, безусловно, отцовские чувства. Они и заставили его привезти к сыну пленного врача, которого он ненавидел, остервенело избивал и держал в доме смертников. Но он, эсэсовец, офицер из высшей арийской расы, как вдолбил ему в голову Гитлер, самонадеянно считает, что русский врач не посмеет умертвить мальчика, и потому держится.

«Нет, господин комендант, не страх перед твоим пистолетом заставляет меня сейчас оперировать в поте лица, а мой долг врача!» — мысленно говорил Оралов коменданту, продолжая операцию.

— Мстислав, вытрите Алексею Федоровичу лоб,— услышал Оралов голос медсестры и благодарно кивнул ей.

Когда Яковленко прикладывал к его лбу салфетку, Оралов вспомнил, что Полина Герасимовна заботилась о нем и в те июльские жаркие дни...

Около часа потребовалось Оралову только для того, что-

бы удалить отросток, зашить воспаленный, с несколькими надрывами кишечник. Шумно вздохнув, он присел на табурет.

«Немного отдохну, а уж потом начну чистить полость»,— удовлетворенно подумал Алексей Федорович. За жизнь мальчика придется бороться и после операции. Но главное они сделали.

В этот момент в операционную ворвался — не выдержал! — комендант. Высокий, с серым от злости удлинненным лицом, он гневно сверкнул глазами, увидев сидящего без дела Оралова.

— У мальчика раскрыт живот, а он бездельничает! Не зарезал ли его? — закричал гауптман на своего врача.

— Как видите,— устало за немца ответил Оралов и кивнул на грудь мальчика, которая поднималась и опускалась.

— Почему сидишь? Немецкие хирурги сделали бы такую операцию за десять минут!

— Вызывали бы их — мы к вам в работники не подражались,— тихо ответил Оралов и, поднявшись, сдержанно-гневно показал глазами на дверь:— Выйдите отсюда! Или я не буду продолжать операцию.

— И ты еще смеешь мне указывать? — распаляясь, зловеще проговорил гауптман.— Да я тебя!

Он быстро поднял полу халата, расстегнул кобуру.

К нему кинулся врач-немец:

— Господин комендант! Господин комендант! Терпение! У вашего мальчика необычная операция. Сейчас нельзя волновать доктора. Иначе... он не сможет ее закончить, и ваш сын погибнет!

Скрипнув в бессильной злобе зубами, комендант нехотя застегнул кобуру и опустил полу халата, затем резко повернулся и вышел.

Оралов победно усмехнулся: хоть угрозой жизни сына заставил этого самонадеянного фашиста-боксера выполнить свою волю, подчиниться бесправному врачу!

Операция продолжалась еще не меньше часа. Но уже никто не беспокоил Оралова. Наложив последний шов, он отошел от стола, присел на табурет. Сняв маску, вытер ею пот со лба. Голова его слегка кружилась, колени подрагивали. Лишь минуты через три он смог выйти в предоперационную.

К нему кинулась мать Рихарда:

— Спасли ли вы моего сына, гер профессор?

Алексей Федорович неопределенно пожал плечами:

— Аппендикс мы ему удалили. Но сделать операцию —

это еще полдела. Выходить больного тоже нелегко,— и, обращаясь к коменданту, закончил: — Наш провизор приготовит для капельного вливания физиологический раствор поваренной соли, а вы срочно найдите в своих госпиталях кровозамещающую жидкость.

Элизабет принялась Оралова благодарить...

Яковленко на руках отнес мальчика в кабинет главного врача, где для него поставили койку. Вернувшись, посмотрел на инструменты, лежавшие в стеклянном шкафу. Глаза его вдруг повеселели.

— Чему ты обрадовался? — спросил его Оралов.

Провизор огляделся: кроме Аكوпова в предоперационной никого не было.

— Здесь есть то, что может нам очень скоро потребоваться,— кивнул Мстислав на полку, где лежали ножницы для гипса.

Вошла Иванишина и сказала, что гауптман приказал всем трем попеременно дежурить возле больного.

— Я нарочно посоветовала ему это. Побудьте хоть денька три, отдохните, подкрепитесь.

— Нам это крайне необходимо, Серафима Трофимовна! — поблагодарил ее Оралов...

4

Пробыли они возле сына коменданта четверо суток. Элизабет даже хотела, чтобы они остались еще. Но гауптман наотрез отказался. Сын быстро поправлялся, и коменданту явно не нравилось, что мальчик с улыбкой говорил Оралову: «Доброе утро, гер профессор».

При прощании с Иванишиной Оралов негромко сказал:

— Желаю вам дожить до победы.

— Вы-то сами доживите,— посочувствовала она ему.

Полине Герасимовне было особенно жаль расставаться с Яковленко. Он помогал стерилизовать инструменты, наточил скальпели, исправил автоклав и успел побелить операционную.

Она же рассказала ему, какая местность вокруг Рудни, куда ведут дороги, и «не заметила» исчезновение из шкафа ножниц для гипса.

В том же фургоне повезли их обратно в лагерь. Говорить не хотелось: дни, проведенные в больнице на харчах Элизабет, остались в памяти как из сказки. Впереди — опять баланда, «гольцброт», наполовину с древесной мукой, и тоскливое, тревожное ожидание в доме смертников: что с ними будет завтра утром, доживут ли до ночи?

У Акопова теплилась надежда: может быть, за то, что они спасли коменданту сына, он смилостивится над ними и поместит их хотя бы в общий барак? А лучше бы в лазарет, конечно...

Оралов вспомнил о Климове: думал, что танкист — последний человек, которого он спас по эту сторону фронта, а им оказался сын эсэсовца! Алексей Федорович не пожалел об этом не только как врач, но и как гражданин страны, которая хочет принести людям мир. «Если победим,— думал он,— то Рихард не станет таким, как его отец. Он будет жить после войны. И не исключено, что, в отличие от отца, станет строить новую жизнь у себя...» Машина остановилась около дома коменданта. Врачи вышли из фургона и вопрошающе, с волнением поглядывали на дверь, за которой скрылся их полицай. Куда теперь их поместят?

Наконец вышел верзила и махнул рукой:

— В лазарет!

Акопов от радости едва не подпрыгнул, Яковленко улыбнулся, не смея пошевелиться, чтобы из-под мышки не выпали ножницы, которые он привязал бинтом. Оралов, поняв, что это снисхождение им, награда за спасение Рихарда, удивился: почему же об этом раньше он не подумал, когда его привезли в дом к больному?

Лагерный лазарет был настолько бедным, в нем было так мало инструментов и лекарств, что Оралову с большим трудом удалось организовать скудную перевязочную. Яковленко тут же оборудовал что-то наподобие аптечного лотка и готовил простейшие лекарства.

Но пленные, узнав, что теперь прием ведет профессор, повалили с жалобами на болезни, на незаживающие раны. А чем им можно было помочь? Нужны другие условия жизни, и прежде всего усиленное питание...

Мысль бежать, пока не ударили морозы, не давала Оралову покоя.

С помощью Денисова он узнал время смены часовых и патрулей, уточнил, куда достает свет прожекторов. Дело осложнялось тем, что лазарет находился недалеко от пулеметной вышки, с которой прожектор бросал то в одну, то в другую сторону снопы света.

Яковленко предложил дерзкий план: резать проволоку под вышкой! Именно в этом месте образуется мертвое пространство — оно их и выручит. Да и часовые спокойны: ни один безумец не осмелится под нее совать свой нос.

Денисов поддержал этот план. В пасмурную погоду и в двух шагах не видно человека — не то что с вышки.

— Будете уходить во время моего патрулирования,— предложил Денисов.

Оралов пожалел этого парня. Если им повезет и они убегут, то его могут и расстрелять, и Алексей Федорович спросил:

— А как же ты, Денисов?

— Мне легче,— неопределенно ответил он.— Я бываю на воле.

— Может, лучше с нами?

Денисов отказался:

— Можем все погубить! А так, в случае чего, я вас прикрою...

Казалось бы, Денисов говорил то, что нужно. Но у Оралова было опасение: не сделали ли они ошибку, что доверились ему? Если человек струсил однажды, то он может снова не устоять в трудную минуту. А бывает и наоборот.

Неделю спустя у Алексея Федоровича состоялся разговор с комендантом. На этот раз гауптман был весел и самонадеян. Он сидел в кресле, заложив ногу за ногу, и курил сигарету. По всему было видно, что гитлеровец доволен собой. И держался он с хирургом чуть ли не на равных, даже предложил сесть. Удивленный врач ждал, что будет дальше.

Комендант сказал, что его жена перед отъездом в Германию просила выдать русскому профессору пачку маргарина за спасение сына. Маргарин он может получить на продуктовом складе, так как честно заслужил эту награду. Специалисты считают, что операция была сделана блестяще, и его сын — будущий солдат фюрера и рейха — находится в полной безопасности.

Алексей Федорович в знак того, что понял все сказанное, молча наклонил голову, хотя вертелось сказать: вряд ли он будет солдатом фюрера, потому что армии рейха скоро все-таки не станет!

После этого комендант сообщил, как о давно решенном деле, что не сегодня-завтра падет Сталинград (значит, еще держится, радостно отметил Оралов), война закончится уже в этом году и, пока не поздно, русский профессор должен подумать о своей судьбе.

— Ваши способности в медицине дают вам полную возможность стать полноценным человеком в великой Германии. Это последний ваш шанс обрести новую родину. Дважды разговаривать на эту тему я считаю излишним.

— Я не воспользуюсь этим последним шансом, гер комендант. Предательством нельзя обрести родину. Вы правы в одном — наш разговор на эту тему не имеет смысла.

Ответил Алексей Федорович твердо, хладнокровно. «А когда вышел из дома, заволновался: неужели Сталинград падет и война закончится победой фашистской Германии? Не верилось. Не хотелось верить в это. Уж сколько раз они слышали в плену подобные хвастливые речи? Еще в конце сорок первого года немецкое радио захлебывалось, сообщая о скором падении Москвы, а вяземский обер-артц ожидал, что вот-вот немецкие госпитали переедут в столицу и лазарет перейдет из барачков в здания, занимаемые ими. Пришлось же разгонять и увозить пленных на запад! В мае этого года о скорой победе войск рейха говорило не только радио, но и комендант лазарета, обещая трофейные медикаменты. Теперь вторая половина сентября, а армия Советов сражается и Сталинград — не пал.

«Положение на фронтах, конечно, опять очень тяжелое», — со вздохом подумал Оралов. Тогда тем более надо бежать, быть там, где решается судьба войны, лечить и возвращать, как можно больше, раненых на фронт.

Идя в лазарет, Алексей Федорович внимательно разглядывал лагерь. Он был невелик — пять длинных кирпичных зданий, караульное помещение, домик для смертников, напоминавший морг при больницах, и деревянное здание лазарета. Раньше в нем, по всей вероятности, было заводоуправление. Сейчас эти постройки были огорожены колючей проволокой. Три ряда колючей проволоки! Внутренний ряд в виде спирали, а столбы сделаны в форме виселицы, будто предупреждают: смотрите, что вас ждет, если попробуете убежать. А на вышках — пулеметы.

И все-таки надо бежать!..

5

Все было продумано, подготовлено, но побег откладывался со дня на день: слишком ясными были ночи, да и Денисова долго не назначали в караул.

Лишь на пятые сутки над лагерем повисли сплошные тяжелые облака и пошел дождь. Как раз в эту ночь Денисов заступил патрулировать.

Оралов встретился с ним, чтобы уточнить время. На душе было беспокойно, и он высказывал свое опасение.

— Служу им, доктор, как цепной пес, это верно, но никого не предавал. Если у вас получится, попробую и я смыться. Конечно, не раньше, как все тут успокоится.

— Давно тебе об этом надо подумать, а когда разгромят немцев — поздно будет.

— Думаете, такое будет? — недоверчиво спросил Денисов.

— Непременно!

— Да я и сам так думаю. А пошел к немцам потому, что надеялся сразу удрать! — заявил он хвастливо. — Но подзастрял...

Заступая патрулировать, Денисов узнал, что старшим в наряде станет Андриан, которого Оралов назвал верзилой. В случае чего справиться с этим опытным уголовником будет нелегко, но Денисов был уверен, что все пройдет тихо. Ночь темная, дождь с вечера. Вряд ли кто захочет в такую погоду торчать на дворе.

И все же, когда они вышли из караульного помещения, Денисов затревожился: сумеют ли уйти врачи, не замешкаются ли?

Он занял место рядом с проволокой, чтобы отвлечь внимание Андриана, если он вдруг сунет сюда нос. А уж на худой конец, нажмет на спуск автомата, и поминай как звали! Сам погибнет, но спасет профессора. Разве можно забыть, как тот возвратил ему жизнь. Почти из могилы вытащил. Такое не забывается. Ему до того стало жаль себя, что даже почувствовал слезы на глазах.

Луч света метнулся по перерезанной проволоке и ушел намного левее. Переждав, пока затихнут шаги солдат, Яковленко подполз под нее и оказался по ту сторону. Вслед за ним двинулись все остальные... Бесшумно перекатились они через ограду и через дорогу, доползли до леса. Побежали.

У Оралова распирало грудь, он задыхался и жадно хватал воздух широко открытым ртом. Воля! Вот она! Яковленко остановился и дождал его и Аكوпова.

— Теперь от меня не отставать, — проговорил он и повел их через кусты к реке.

Наткнувшись на противотанковый ров, они пошли вдоль бруствера. Отыскав поудобнее место, посадили друг друга и перебрались через ров. Побежали. К рассвету отмахали километров двадцать. Остановились, чтобы сориентироваться.

После этого Яковленко шутя спросил:

— Отдохнули?.. Теперь рысцой. Если не хватились нас ночью, то вот-вот обнаружат пропажу. Только Денисов может оттянуть до сдачи смены...

Они настороженно прислушивались в течение всего дня: не раздастся ли лай собак... Погоня должна начаться сразу, как только узнают о побеге.

Лишь на закате все немного успокоились и поверили, что Денисов сдержал свое слово.

— Грешным делом, я ему не доверял,— признался Оралов.

— Почему?— спросил Яковленко.

— Трус он по натуре...

У Денисова вырвался вздох облегчения, когда патруль, освещая фонариком ту сторону проволоки, прошел мимо. Значит, ничего не обнаружили и пленники — на свободе.

В четыре утра с Андрианом он вновь вышел на патрулирование. Стало еще темнее, как это обычно бывает перед рассветом. Прошли мимо «лазейки». Верзила ничего не заметил. На вышках спокойно дремали часовые. Ничего не слышно было и в лазарете.

И только перед восходом солнца, когда уже совсем рассвело, Андриан заметил оборванную проволоку и остановился, пораженный.

Денисов испуганно сжался. Ему показалось, что верзила уже все понял и сейчас убьет его.

— Как же ты проморгал, паршивец!— заорал Андриан.

— При чем тут я? Мы ходили вместе...— залепетал Денисов.

— Вместе? Ты был ближе к проволоке! Я ходил по эту сторону,— зловеще проговорил Андриан.

— У меня что, вместо глаз — прожекторы! — запетушился Денисов.— Тьма кромешная, а под вышкой и вовсе...

Андриан спохватился, что они зря теряют время. Уйдут беглецы, и им тогда обоим несдобровать. А сколько убежало? Может, половина лагеря?

— Давай сигнал тревоги!

Верзила побежал к караульному помещению, где стояли наготове машины и дежурили каратели с овчарками.

Денисов дал короткую очередь. На улицу выбежал начальник караула.

— Под проволокой обнаружен лаз,— доложил Андриан.

Его и Денисова включили в группу преследования, посадили в машину вместе с овчарками, и погоня началась.

Разбившись цепью, преследователи прочесали вначале местность за проволокой. Возле рва Андриан обрадованно воскликнул:

— Вот где они переползали!

Все сгрудились возле него. Несомненно, здесь! На этой стороне следы от стоптанных каблуков, а на той видно, как они поднимались. Проводники тыкали в следы морды собакам, полицейские повеселели: теперь убежавшие уже не уйдут от них.

Денисова эти отпечатки повергли в безотчетный страх. Врачей поймают, как бы далеко они ни ушли. Вместе с ними погибнет и он, Денисов. Ведь он помогал врачам. Какой дурак! Как он не подумал об этом? Теперь не скроешься. Будьте вы прокляты, твари! Денисов вскинул автомат и стал хлестать очередями... Палец его свело судорогой на крючке, и он не мог разжать его, пока не выпустил весь диск. Поняв, что ни одного патрона не осталось, отбросил автомат и, в полубезумии, кинулся бежать обратно в лагерь, словно искал там защиту.

Оставшиеся в живых жандармы и полицейские, придя в себя, открыли огонь по нему. Подгоняемый страхом, Денисов петлял по лугу, как заяц. В его разгоряченном мозгу вспыхнула надежда, что и он может остаться живым, и врачи успеют дойти до своих!.. Но... Тут его будто толкнули в спину, и он замертво упал...

6

Ночью Яковленко позволил сделать привал. В глубоком овраге они соорудили шалаш, развели у входа костер, обсушились. Когда поели хлеба и маргарина, уснули как мертвые.

На третий день у них кончились продукты. Они ели лесные ягоды и грибы, ловили карасей, сделав крючок из булавки. Когда совсем истощали, Яковленко промышлял в болотах лягушек, сдирал с них кожу, заворачивал в лопухи и жарил на горячих углях. При этом приговаривал:

— Будут вам вустрицы деда Щукаря!

Оралов с аппетитом их ел, похрустывая косточками, и думал, что за дни нового скитания по осенним лесам все опять исхудали так, что на каждом остались кожа да кости, глаза провалились, у провизора и Аكوпова они светились нездоровым блеском от недосыпания, переутомления и голода. Одежда, в которую их передел комендант, прежде чем везти к сыну, уже порвалась, была грязной до неузнаваемости, ботинки разбились.

Алексей Федорович вспомнил свое отступление в сорок первом году, и ему показалось, что всю войну он только и делал, что ездил и ходил. Что расскажет сыну, Алешке,

при встрече? Не о мерзостях же плена и скитаниях по лесам и болотам!.. Раненых Алешка видел, вероятно, не меньше, чем он сам, если Кубанский госпиталь взял мальчика с собой во время эвакуации.

Через неделю после долгих блужданий по лесам и болотам они услышали далекий звук канонады. И все трое замерли: не показалось ли? Нет, не показалось. Где-то гремят пушки... Теперь они дойдут.

Но потребовалось еще двое суток, чтобы приблизиться наконец к линии фронта.

Яковленко решил сходить в разведку.

— Замаскируемся — и ждать меня... Посмотрю, что собой представляет передний край. Тогда и решим, где переходить.

Они забрались в чащобу, натаскали туда веток.

— Будете отдыхать и прислушиваться, — наказал им Яковленко и, не договорив, поднял голову — отчетливо слышался гул самолетов. — Наши!

— Наверное, перед наступлением, — предположил Акопов.

Вокруг начали рваться снаряды, мины. Будто налетел смерч. Из болота полетела грязь, свистели и ударились о бугор осколки.

Это была «катуша», о которой они тогда еще ничего не знали.

Один из снарядов разорвался совсем близко. Оралов почувствовал тупой удар в плечо, по руке потекла кровь.

Мстислав разрезал ему рукав, а Акопов сделал перевязку.

Стала нарастать ружейно-пулеметная стрельба.

Яковленко поплотнее запахнул шинель, положил в карман ножницы и выполз из убежища.

Друзья без него словно осиротели. Лежали молча, напряженно прислушиваясь. Стемнело. Стало совсем тихо.

Сверху посыпалась земля. Яковленко приполз с автоматом. Где его раздобыл?

Он был так взбудоражен, что только после того, как отдышался и успокоился, сказал:

— Не зря тащил с собой ножницы. Оказывается, ими можно не только проволоку резать. Подстерег одного ротозея...

Можно ли было сравнить с чем-нибудь эти минуты последних шагов до своих? Даже с побегом из лагеря под

вышкой часового!.. Там было только начало. Если бы оно сорвалось, то жалели бы о своей горькой судьбе лишь они, так как их, скорее всего, «показательно» вздернули бы на тех похожих на виселицы столбах заграждения, которые опоясывали все пространство лагеря.

Думая об этом, Оралов не спускал взгляда с идущего впереди Яковленко, рассуждал, чтобы придать себе твердость: «Конец — всему делу венец! Обнаружат немцы — предпочту умереть! Мы сейчас не с ранеными. А ради спасения только своей жизни попадать в плен — это уже не для них! Не стану больше выносить унижения и полуголодное существование... Пусть лучше Мстислав застрелит из автомата сначала нас, врачей, как договорились, а потом и себя!.. Жаль только будет не своей жизни, а напрасно перенесенных мучений во время блужданий по лесам: без крова над головой, терпя мучительный голод, холод осенних ночей, нудный, пробирающий до костей дождь, ледяную воду бесчисленных топких болот...»

Они остановились, прислушиваясь к шорохам впереди,— перед ними был передний край. Вспыхнули ракеты, и они все трое замерли, а как только свет погас, перебежали к следующему дереву и поползли...

Наконец впереди показалась траншея. Послышалась приглушенная немецкая речь. По-видимому, из блиндажа. Вот вспыхнул и погас огонек в траншее — это закурил часовой...

Но вот и передняя линия — траншея, за которой они вновь станут людьми! Там будут уже свои, родные лица, люди, одетые в серые шинели и в пилотки или фуражки с красными звездами, которых они лишились еще в октябре сорок первого!.. Но как перейти эту линию, чтобы не погибнуть у порога своего дома?

Яковленко крепко сжал руку Оралова. Алексей Федорович понял, что провизор решил убрать стоявшего на часах «куртца», чтобы расчистить всем путь к свободе.

Как только догорела ракета, Мстислав прыгнул в траншею и ударил солдата автоматом по голове. Падая, тот неожиданно заорал по-русски:

— Красные!

Оралов и Акопов оторопели. Полицаи? Власовцы?

— Бегите!— крикнул провизор.— Я прикрою. Меня не ждите.— И полоснул вдоль траншеи из автомата.

Оралов бежал, падал, поднимался и снова бежал, чувствуя за собой дыхание Акопова.

По ним открыли огонь из пулемета, но они были уже

вне опасности: пули проносились над головами... Оба успокоились, поднялись и пошли во весь рост, когда впереди раздалась команда:

— Ложись!

Они мигом распластались на земле.

— Теперь ползите,— приказал тот же голос.— Да не все вместе, а по одному!

Что было с Яковленко, они не знали. Изрешеченного, но живого, его подобрала санитары у бруствера первой траншеи и отправили в медсанбат.

7

Оралов открыл глаза и при мертвом свете угасающей ракеты увидел склонившегося над ним Акопова.

— Мы дома, Алексей Федорович!— услышал он его голос.

— Что? — переспросил Оралов, еще не понимая, где он.

— Я с вами. О Яковленко ничего не знаю.

Только теперь Оралов вернулся к действительности.

Поднявшись, он посмотрел в ту сторону, откуда они пришли. Лес стоял глухой и неподвижный. Подошедший красноармеец сказал, что их хочет видеть комбат.

— Я провожу вас,— добавил он.

— Сначала скажите, как Сталинград?— не сдержался Оралов.

— Порядок,— ответил боец. — Как же иначе!

В блиндаже они увидели уже немолодого седоусого капитана и старшего лейтенанта. Около полевого телефона дежурил связист.

При свете коптилки, сделанной из гильзы, хозяева блиндажа внимательно оглядели пришедших.

— Оттуда?— спросил капитан и показал рукой в сторону немецких окопов.— Докладывайте, кто такие? Как шли? Из какого лагеря?

Вперед выступил Акопов и объяснил все подробно и обстоятельно. Последний день расписал чуть ли не по минутам.

— С нами были еще врач и провизор. Но они не дошли. Пожертвовали своей жизнью ради нас...

Командир батальона понял, что ничего нужного они сообщить не могут.

— Один — дошел,— сказал комбат и приказал телефонисту: — Соедините меня с хозяином.

«Мстислав дошел»,— пронеслось в голове Оралова, и он услышал, как Акопов просит:

— Мой товарищ ранен, ему немедленно нужно сделать перевязку. Помогите.

Капитан приказал бойцу проводить Акопова к старшине, а Оралова на медицинский пункт...

Блиндаж, где помещался медпункт, освещался такой же гильзой, как и у комбата. Пламя колыхалось, и Алексей Федорович не сразу разглядел лицо фельдшера. Только услышав глуховатый голос, насторожился: очень уж знакомый... Приглядываясь, нет ли тут Яковленко, старался вспомнить, кому принадлежит этот голос. И вдруг понял, что перед ним политрук Иван Байрамов, сын его друга Анвара.

Много неожиданных встреч было у Оралова за войну, но эта казалась самой невероятной.

Собрав все силы, он проговорил:

— Это же я, хирург Оралов!

— Алексей Федорович?

Перед Байрамовым был словно другой Оралов. Лицо обтянуто желтой кожей, скулы выпирают, по всему лицу морщины, голова совершенно лысая. Руки огрубели, в трещинах, одет в рванье. Но это был все же он, военврач первого ранга Оралов, как называли его в их армии,

Оглавление

Часть первая	3
Часть вторая	67
Часть третья	166

Николай Георгиевич Сошников

ЕСЛИ ЖИТЬ СНАЧАЛА
Записки военного провизора

Рецензент **В. Крупин**
Редактор **Б. Орлов**
Художник **Р. Вейлерт**
Художественный редактор **Е. Прохоров**
Технический редактор **В. Юрченко**
Корректоры **И. Попова, Н. Макеева**

ИБ № 1606
Сдано в набор 22.11.82. Подписано к печати
25.03.83. А06563. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура
литер. Печать высокая. Бумага тип № 2. Усл.
печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,28. Уч.-изд. л. 11,26.
Тираж 50 000 экз. Заказ 223. Цена 95 коп.

Издательство «Современник» Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли и Союза писателей
РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Отпечатано с матриц ордена Трудового Красного
Знамени типографии издательства ЦК КП, Бело-
руссии, 220041, Минск, Ленинский проспект, 79,
на Книжной фабрике № 1. 144003, г. Электросталь,
ул. им. Тевосяна, 25

СВ. 34.

НИКОЛАЙ СОШНИКОВ

ЕСЛИ ЖИТЬ СНАЧАЛА

